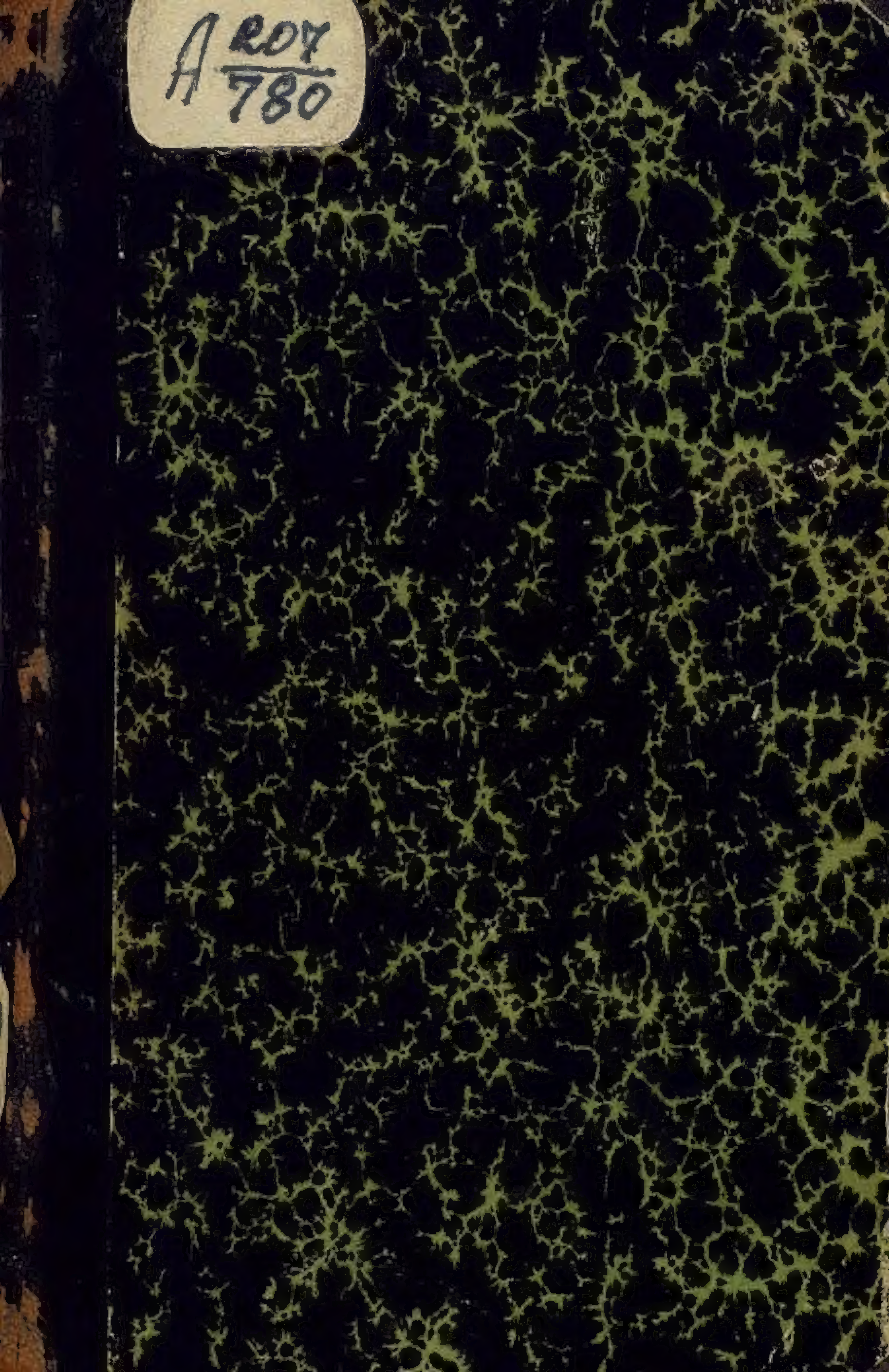

A 207/780

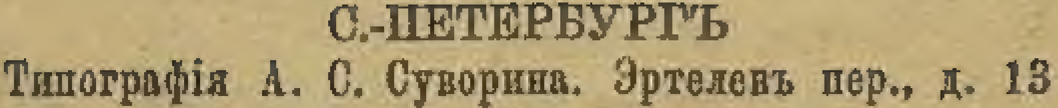
ОБЩИННОЕ ВЛАДѢНІЕ

ВЪ РОССІИ

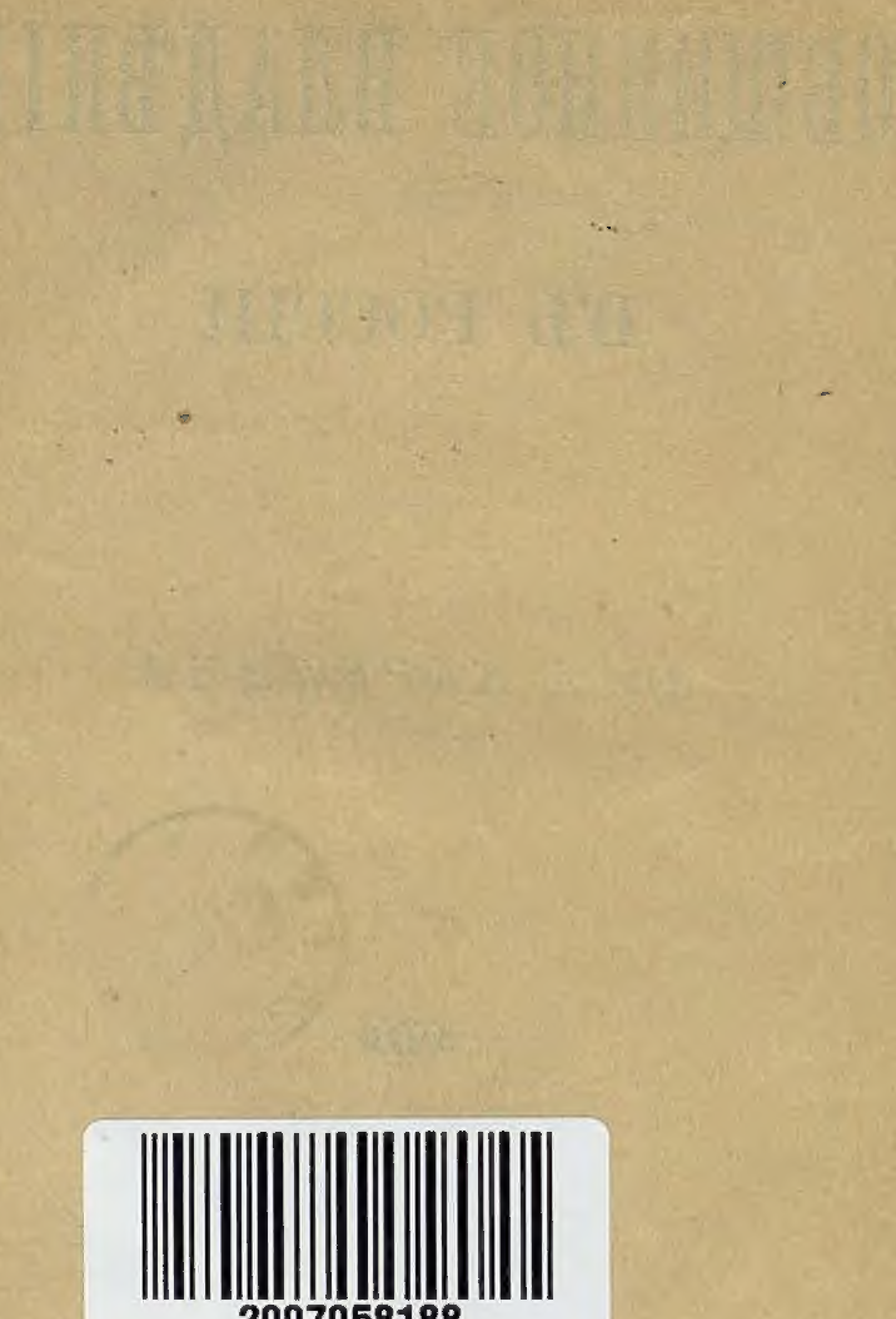
Ап. А. КАРЕЛИНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

1893

ОБЩИННОЕ ВЛАДѢНІЕ ВЪ РОССІИ.

„Было бы достойно сожалѣнія уничтожить вѣковое учрежденіе, глубоко и кореннымъ образомъ связанное со всей жизнью и исторіей русской націи“.

Эмиль де Лавелэ [1]).

На общинныхъ началахъ *) владѣютъ разнообразными источниками сырыхъ матеріаловъ, такъ, напримѣръ, пахотными, сѣнокосными, усадебными, при-усадебными, выгонными и лѣсными землями, рыболовными угодьями, соляными варницами, охотничьими участками, брусяными горами, каменоломнями и т. п.

Главные отдѣлы этой работы слѣдующіе: 1) великорусскій типъ общины и его разновидности, 2) община

*) Пр. Пахманъ опредѣляетъ общинное владѣніе слѣдующимъ образомъ: „общинное владѣніе есть та форма имущественныхъ правъ, въ силу которой право владѣнія и пользованія даннымъ пространствомъ принадлежитъ самой общинѣ, какъ собственнику или владѣльцу земли, причемъ каждому члену ея, какъ домохозяину, предоставляется въ ней или право пользованія, соединеннаго съ владѣніемъ, или же одно право пользованія“ [2]).

перваго захвата, 3) община-артель, 4) города общины, 5) четвертное землевладѣніе, 6) лично общинная система, 7) общее владѣніе, 8) охотничьи общины, 9) соляныя общины, 10) рыболовныя общины, 11) общины инородцевъ.

I.

Разновидности великорусской общины.

Въ общинахъ великорусскаго типа размѣры надѣла, даваемаго отдѣльному лицу или домохозяйству, прямо пропорціональны суммѣ взимаемыхъ податей. Въ разныхъ общинахъ право на надѣлъ имѣютъ разныя лица; въ нѣкоторыхъ случаяхъ (когда, напр., податная тяжесть выше дохода отъ земли) крестьяне или домохозяйства обязаны брать землю съ лежащими на ней податями. Во многихъ общинахъ право на надѣлъ имѣютъ только лица, по происхожденію принадлежащія къ данному обществу; но иногда (Барановская волость Хвалынскаго уѣзда Саратовской губерніи[3]) на надѣлъ имѣютъ право приводныя дѣти втораго брака (принадлежащія совсѣмъ къ другому обществу), пріемыши и лица, причисленныя къ обществу только для счета, безъ юридическаго права на землю. Въ нѣкоторыхъ общинахъ имѣютъ право на надѣлъ незаконнорожденные, въ другихъ—нѣтъ. Съ другой стороны бываетъ и такъ, что лица, хотя бы и принадлежащія по происхожденію къ обществу, но живущія на сторонѣ и

не занимающіяся земледѣліемъ, лишаются права на надѣлъ. Общество не даетъ иногда земли пьяницамъ, ворамъ, конокрадамъ, распутнымъ [4]).

Общины великорусскаго типа могутъ быть раздѣлены на нѣсколько видовъ, иногда, впрочемъ, совершенно перепутывающихся между собою. Характерными видами можно назвать слѣдующіе: 1) общины ревизскихъ душъ; въ этихъ общинахъ только крестьяне, переписанные ревизіей, имѣютъ право на надѣлъ; 2) общины, гдѣ право на надѣлъ имѣютъ крестьяне, вступившіе въ рабочій возрастъ; эти общины близко соприкасаются съ общинами, гдѣ земля дается (въ меньшихъ доляхъ) и малолѣтнимъ, но нѣсколько трудоспособнымъ крестьянамъ (напр., 14-ти-лѣтнимъ); близка къ этому виду и «тягловая» (рѣдко встрѣчающаяся послѣ реформы) община; 3) общины наличныхъ душъ, гдѣ земля дается всѣмъ лицамъ мужского пола; эти общины распадаются на два подвида: земля дается всѣмъ безъ исключенія лицамъ мужского пола, или же только тѣмъ, которыя достигли опредѣленнаго, но не трудоспособнаго—напр., пятилѣтняго—возраста; 4) общины, гдѣ земля дается по числу ѣдоковъ и, наконецъ, 5) общины, гдѣ земля дается въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ ее желаетъ взять данное домохозяйство. Необходимо замѣтить, что всѣ эти виды и подвиды зачастую перепутываются между собою въ крайне разнообразныхъ, прихотливыхъ формахъ.

Въ общинахъ великорусскаго типа разверстка земли и податей производится между крестьянами слѣдующимъ образомъ. Наше крестьянство выплачиваетъ пять

видовъ податей, а именно: государственныя, земскія-губернскія, земскія-уѣздныя, волостныя и мірскія. Общинники складываютъ всѣ эти сборы въ одну общую сумму, которую и распредѣляютъ между собою. Вся сумма податей, приходящаяся на данное общество, дѣлится на число такъ называемыхъ окладныхъ душъ. Окладныя души исчисляются разнообразно: въ общинахъ ревизскихъ душъ ихъ число соотвѣтствуетъ числу записанныхъ ревизіей крестьянъ; въ общинахъ, гдѣ земля дается по вступленіи въ рабочій возрастъ, онѣ высчитываются такимъ, напр., образомъ: 17-ти-лѣтній общинникъ считается въ $^1/_2$ души, 18-ти-лѣтній — въ одной душѣ, съ 20 лѣтъ и до 60 общинникъ имѣетъ $1^1/_2$ души и, наконецъ, съ 60 лѣтъ опять $^1/_2$. Складывая полученныя тѣмъ или другимъ способомъ единицы, общинники дѣлятъ на нихъ причитающуюся на данное общество сумму податей. Частнымъ отъ дѣлежа общей суммы податей на число окладныхъ душъ является опредѣленная сумма денегъ, называемая «податной душой». Имѣющаяся у общины земля (за исключеніемъ выгонной, усадебной, а иногда лѣса и при-усадебной) дѣлится въ свою очередь на число душъ и дѣлится такъ, чтобы въ каждомъ соотвѣтствующемъ податной душѣ надѣлѣ были доли всѣхъ имѣющихся у даннаго общества угодій. Каждый такой надѣлъ называется земельной душой. Всѣ земельныя души опредѣленной общины равны между собою и тождественны по качеству. Каждое домохозяйство, имѣющее, напр., три окладныхъ души, получаетъ въ надѣлъ три земельныхъ души и обязано платить три же податныя души. Натуральныя повинности

отбываются общинниками тоже по числу окладныхъ душъ. Дворы, не имѣющіе окладныхъ душъ, не платятъ податей и не получаютъ земли, являясь такимъ образомъ стоящими внѣ міра бобылями; тѣмъ не менѣе, въ большинствѣ случаевъ, они сохраняютъ за собой право на усадебную осѣдлость. Въ рѣдкихъ случаяхъ и бобыли несутъ податную тяготу, хотя меньшую, чѣмъ общинники; надо, впрочемъ, думать, что помимо усадебной земли они имѣютъ тогда огороды, а иногда пользуются и лѣсомъ (напр., въ Заозерской общинѣ Новгородской губерніи)[5]).

Давъ общую характеристику разверстки земли и податей, перейдемъ теперь къ болѣе подробному описанію различныхъ видовъ общины великорусскаго типа. Во многихъ общинахъ земля и подати разверстываются по ревизскимъ душамъ. Не лишенъ интереса тотъ фактъ, что нѣкоторыя изъ этихъ общинъ (бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ) приняли указанную раскладку спустя нѣсколько лѣтъ послѣ ревизіи. Общины ревизскихъ душъ распадаются на нѣсколько подвидовъ. Въ однихъ земля раздана домохозяйствамъ по числу ревизскихъ душъ, причемъ не обращается вниманія, умеръ кто либо изъ записанныхъ ревизіей или нѣтъ. Окончательно выморочные или брошенные надѣлы передаются обществомъ зажиточнымъ крестьянамъ; бѣдные, хотя и сильные работниками, дворы рискуютъ остаться здѣсь беземельными, такъ какъ міръ при передачѣ выморочныхъ надѣловъ руководствуется одною платежною силою домохозяйствъ. Въ другихъ случаяхъ оставшаяся душа передается домохозяйству не иначе,

какъ съ согласія послѣдняго; въ томъ же случаѣ, если ее никто не хочетъ взять, всѣ межи между надѣлами уничтожаются и земля вновь передѣляется на оставшееся число ревизскихъ душъ. Встрѣчаются и такія общины, гдѣ брошенная или выморочная земля обязательно передается сильному въ хозяйственномъ и платежномъ отношеніи двору. Неравенство надѣловъ въ этихъ общинахъ бываетъ очень значительно: 5 — 6 мужчинъ владѣютъ иногда однимъ надѣломъ, а одинъ крестьянинъ пятью [6]). Въ этихъ общинахъ, не смотря на то, что земля дѣлится строго по ревизскимъ душамъ, надѣлъ недоимщика нерѣдко отбирается и передается домохозяйству, способному выплачивать подати.

Общины второго подвида отличаются отъ только что описанныхъ тѣмъ, что надѣлъ умершаго и записаннаго въ ревизію крестьянина обязательно отбирается у того домохозяйства, которое имъ владѣетъ, и отдается въ аренду или же передѣляется между живыми ревизскими душами (наприм., Ейское укрѣпленіе Ростовскаго на Дону уѣзда Екатеринославской губерніи) [7]). Въ третьемъ подвидѣ оставшаяся земля раздается желающимъ за подати, а иногда, правда рѣдко, и по вольной цѣнѣ; эту землю берутъ не только домохозяйства безъ ревизскихъ душъ, но иногда даже посторонніе. Четвертый подвидъ явился результатомъ недовольства той системой раскладки, которая существуетъ въ общинахъ ревизскихъ душъ. Какъ государственные, такъ и многіе бывшіе помѣщичьи крестьяне, освободясь отъ крѣпостной зависимости, подѣлили землю по числу ревизскихъ душъ. Одиннадцатой ревизіи, при которой намѣревались раз-

верстать землю по новымъ душамъ, все еще не предвидѣлось и въ деревняхъ появилось, съ одной стороны, молодое поколѣніе, не имѣющее земли, а съ другой—домохозяйства, платящія послѣ смерти нѣсколькихъ ревизскихъ душъ непосильныя подати и владѣющія надѣлами, которыхъ они не въ состояніи обработать. Когда земля дорога и общинникамъ выгодно имѣть ее, воздѣлывая наемнымъ трудомъ или сдавая въ аренду, тогда домохозяйства, потерявъ записанныя при ревизіи души, стараются, тѣмъ не менѣе, удержать за собою надѣлъ, употребляя всевозможныя средства, чтобы не отдать его не записанной ревизіею молодежи. Наоборотъ, тамъ, гдѣ доходъ съ земли не окупаетъ платежей, находящіяся въ томъ же положеніи домохозяйства стараются развязаться съ землею, передаютъ надѣлъ въ міръ, который и долженъ платить за него повинности. Міръ старается передать надѣлъ молодымъ работникамъ, а послѣдніе, особенно если они могутъ выгодно арендовать землю, упорно отказываются отъ земли—бремени. Результатомъ этой борьбы является четвертый подвидъ общины ревизскихъ душъ, распадающійся въ свою очередь на нѣсколько подвидовъ: 1) общины, гдѣ земля снимается съ умершихъ ревизскихъ душъ и передается домохозяйствамъ, имѣющимъ безнадѣльныхъ лицъ мужского пола, не записанныхъ ревизіей; земля переходитъ въ этомъ случаѣ къ самому старшему въ общинѣ мужику или подростку (изъ безнадѣльныхъ) (напр., въ Княгининскомъ, Васильскомъ уѣздахъ Нижегородской [8]), въ Царицынскомъ Саратовской [9]) губерніи); въ нѣкоторыхъ общинахъ надѣлъ

отнимается отъ домохозяйства только въ томъ случаѣ, если въ немъ нѣтъ безнадѣльнаго подростка; наконецъ, есть и такія общины, гдѣ выморочный надѣлъ ревизской души разверстывается на наличныя души мужского пола (напр., въ Мелитопольскомъ уѣздѣ Таврической губерніи)[10]); 2) общины, гдѣ взятая отъ домохозяйствъ съ убылыми душами земля передается не записаннымъ въ ревизію, по достигшимъ трудоспособнаго возраста крестьянамъ (напр., 18-ти-лѣтнимъ на хуторѣ Гирлы Острогожскаго уѣзда Воронежской губерніи)[11]). Наконецъ, пятый видъ общины ревизскихъ душъ принялъ такой способъ передачи брошенныхъ и выморочныхъ надѣловъ, въ которомъ нѣтъ возможности усмотрѣть правильной системы: «одному міръ даетъ землю потому, что семья велика, ѣдоковъ много», другому потому, что дворъ хозяйственный «землю сподобитъ, не вымоетъ», да и подати сполна оплатитъ, а претендентъ на надѣлъ съ большимъ числомъ ѣдоковъ не получаетъ ничего на этотъ разъ потому, что «взять съ него нечего»; третьему надѣлъ дается потому, что новый работникъ выросъ въ семьѣ; наконецъ, четвертому потому, что самъ «попросилъ на поправку», пообѣщавшись исправно платить подати да поставивши малую толику водки. И тутъ же рядомъ остаются владѣльцы такого количества надѣловъ, которое равняется числу ревизскихъ душъ въ ихъ семьяхъ[12]). Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ видахъ общинъ ревизскихъ душъ широко примѣняется свалка надѣловъ съ однихъ домохозяйствъ и навалка ихъ на другія. Практикуются также общія пережеребьевки, т. е. передѣлъ земли по

старой раскладочной единицѣ. Причины этихъ пережеребьевокъ будутъ потомъ указаны. Что касается до коренныхъ передѣловъ, т. е. дѣлежа земли по новой раскладочной единицѣ (напр., по наличнымъ душамъ мужского пола), то они производятся только тогда, когда крестьяне переходятъ отъ общины ревизскихъ душъ къ другому виду пользованія землею.

Въ строго ревизскихъ общинахъ — общинный элементъ настолько сглаживается, типъ владѣнія настолько приближается къ подворно-участковому, что не будь фактовъ, ясно доказывающихъ, какъ крестьяне тяготятся этой формой владѣнія, можно бы было признать послѣднюю за необщинную. Попадаются, наприм., уѣзды, гдѣ практикуется торговля надѣлами безъ согласія на то общества. Но съ другой стороны въ рядахъ тѣхъ же крестьянъ мы встрѣчаемъ нетерпѣливое ожиданіе ревизіи, къ которой общинники пріурочиваютъ право производить передѣлы, встрѣчаемся съ энергичными требованіями немедленнаго передѣла и т. п. фактами. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что число ревизскихъ общинъ съ каждымъ годомъ уменьшается; въ Самарскомъ, напр., уѣздѣ только одна община произвела до 1883 года коренной передѣлъ, но въ 1884 году собирались дѣлиться 7 общинъ; крестьяне этого уѣзда боятся, что начальство не позволитъ дѣлить землю [13]). «Всего лишь шесть лѣтъ тому назадъ», пишутъ изслѣдователи Мамадышскаго уѣзда Казанской губерніи: «громадное большинство общинъ крестьянъ Мамадышскаго уѣзда распредѣляли землю между своими членами по ревизскимъ душамъ; переходъ къ новой еди-

ницѣ распредѣленія земли былъ совершенъ съ замѣчательною быстротою, почти во всемъ уѣздѣ всего лишь въ шестилѣтній промежутокъ времени» [14]). Ревизіи текущаго столѣтія слѣдовали одна за другою не позже, какъ черезъ 16 лѣтъ. Крестьяне настолько привыкли пріурочивать къ нимъ время передѣла, что до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ не увѣрены въ своемъ правѣ дѣлить землю до ревизіи, но эта неувѣренность исчезаетъ и крестьяне все чаще и чаще передѣляютъ землю по другимъ раскладочнымъ единицамъ, тѣмъ болѣе, что помимо несоотвѣтствія надѣла съ рабочей силой домохозяйствъ передѣлъ признается необходимымъ и потому, что молодежь шла въ военную службу, а ея семейства оставались безземельными. Впрочемъ, передѣлъ съ ревизскихъ душъ на наличныя не всегда бываетъ необходимымъ; кое-гдѣ въ маленькихъ общинахъ не произошло еще рѣзкаго различія между числомъ ревизскихъ и наличныхъ душъ, такъ что въ передѣлѣ не встрѣчается надобности.

Перейдемъ теперь къ общинамъ, гдѣ земля распредѣляется по работникамъ: въ большинствѣ случаевъ это общины, гдѣ лежащіе на землѣ платежи или равны доходу отъ нея, или даже превышаютъ его. Окладныя души исчисляются въ такихъ общинахъ разнообразными способами. Такъ, напр., принимается вышеуказанный счетъ или какой нибудь другой — все зависитъ оттого, какой возрастъ считается крестьянами трудоспособнымъ: встрѣчаются общины, гдѣ юноша отъ 16—18 лѣтъ несетъ на себѣ 1$^1/_2$ окладныхъ души, мужчина отъ 18—55 лѣтъ—2 души и старикъ отъ 55—60 лѣтъ—одну

душу. Податныя и земельныя души распредѣляются между общинниками обычнымъ способомъ. Домохозяйство, имѣющее двухъ работниковъ въ возрастѣ отъ 18—55 лѣтъ, получитъ 4 надѣла и будетъ выплачивать 4 податныя души. Домохозяйство, имѣющее одного работника въ возрастѣ отъ 16—18 лѣтъ, а другого въ возрастѣ отъ 18 до 55, получитъ $3^1/_2$ надѣла и обязуется выплачивать $3^1/_2$ податныхъ душъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ общинъ принимается во вниманіе и количество скота, опредѣляющее трудоспособность крестьянина. По основному правилу всѣ общинники вполнѣ трудоспособнаго возраста имѣютъ право на одинаковый надѣлъ и обязаны выплачивать равныя доли податей. Но работникъ, не имѣющій, напр., лошади, получаетъ не полный надѣлъ, который трудно обработать наймомъ, а часть его, напр., $1^1/_2$ или одну душу. Точно также общинники, имѣющіе какіе либо физическіе недостатки, мѣшающіе имъ обработывать цѣлый надѣлъ (наприм., хромоту, слабые глаза и т. п.), получаютъ меньшія противъ нормальныхъ доли. При такой разверсткѣ душъ съ 55-ти-лѣтняго старика снимается, по его желанію, половина надѣла (одна земельная, а, слѣдовательно, и одна податная душа), а 60-ти-лѣтній имѣетъ право отказаться отъ платежа какой бы то ни было доли повинностей, а, слѣдовательно, и отъ пользованія общинною землею (въ разныхъ общинахъ за предѣлъ трудоспособности принимается разный возрастъ). Свободная земля поступаетъ въ этомъ случаѣ старшему изъ безнадѣльныхъ крестьянъ. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ общинахъ право на полный или

половинный надѣлъ сохраняется за общинникомъ любого, хотя бы и 90-лѣтняго возраста; онъ можетъ отказаться отъ надѣла, но міръ не считаетъ себя въ правѣ отобрать послѣдній, пока старикъ можетъ выплачивать лежащую на землѣ долю податей. Встрѣчаются, впрочемъ, общины, гдѣ надѣлъ обязательно снимается съ 60-ти-лѣтняго старика и передается подросшимъ работникамъ. Вообще же всякій общинникъ можетъ отказаться отъ надѣла и платежа лежащихъ на немъ податей только тогда, когда на это согласны другіе общинники, берущіе на себя какъ землю, такъ и подати. Внѣ этого условія общинникъ обязанъ нести на себѣ податныя и земельныя души. Бываетъ и такъ, что общиннику дается право сдать надѣлъ въ общество при условіи платежа всѣхъ или части лежащихъ на немъ податей; общинникъ платитъ здѣсь «спуста». Подъ вліяніемъ фиска общинники считаютъ иногда уплату податей необходимымъ условіемъ пользованія надѣломъ и онъ отбирается у недоимщика, разъ только затруднительное положеніе послѣдняго не является случайнымъ. При только что описанной разверсткѣ женатый крестьянинъ не имѣетъ никакого преимущества и получаетъ одинаковую долю съ холостымъ; это не составляетъ, впрочемъ, рѣзкой аномаліи, такъ какъ въ деревнѣ холостой взрослый работникъ попрежнему является исключеніемъ. Сильно увѣчный, не могущій работать общинникъ лишается всего надѣла.

Къ только что описанному виду близко подходитъ чисто «тягловая» община, сохранившаяся въ немногихъ обществахъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Тягломъ

называется женатый или семейный общинникъ, способный къ работѣ и имѣющій здоровую жену. Не женатые подростки не имѣютъ права требовать надѣла, хотя имъ и даютъ землю, если имѣются участки, брошенные тягловыми крестьянами. Въ нѣкоторыхъ общинахъ встрѣчается и обязательная «навалка» половины тяглового надѣла на не женатаго подростка 18—20 лѣтъ. По выходѣ изъ рабочаго возраста общинникъ освобождается отъ надѣла, но иногда удерживаетъ его до смерти. Съ овдовѣвшихъ или женатыхъ на неспособныхъ къ труду женщинахъ снимается обыкновенно половина надѣла. Общая сумма тяголъ составляется такимъ образомъ, принимая во вниманіе и половинки послѣднихъ. Если на общинѣ лежитъ A повинностей, а всѣхъ тяголъ B, то каждое тягло несетъ $\frac{A}{B}$ податей и пользуется, при общемъ количествѣ земли N, надѣломъ, равнымъ $\frac{N}{B}$. Потягольная раскладка встрѣчается, главнымъ образомъ, въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ платежи превышаютъ доходность надѣла. Подобный способъ раскладки естественно вяжется съ высокими податями; полнымъ плательщикомъ признается здѣсь не одинъ мужчина, а мужъ и жена, т. е. болѣе сильная въ хозяйственномъ дѣлѣ единица. Потягольной раскладкой называется нѣкоторыми изслѣдователями и такая, при которой принимается во вниманіе рабочая и платежная сила домохозяйствъ; такимъ образомъ потягольнымъ называется и вышеописанный дѣлежъ земли по работникамъ мужского пола. Надѣлъ не окупаетъ въ большинствѣ этихъ общинъ повинностей, такъ что здѣсь,

по словамъ крестьянъ, распредѣляется «не земля, а тягота», въ силу чего малолѣтніе и не получаютъ земли. Какъ исключеніе, впрочемъ, логическое, а, слѣдовательно, и не очень рѣдкое, встрѣчаются общины, гдѣ земля дается каждому малолѣтнему, способному платить хоть часть податей. Такая раскладка (дробная) встрѣчается въ общинахъ, гдѣ гнетъ податей слишкомъ силенъ, а близость торговыхъ или промышленныхъ центровъ даетъ возможность заработывать деньги и ребятамъ. При дробной разверсткѣ (иногда такъ верстается только часть земли) окладныя души исчисляются такимъ, напр., образомъ: 10-ти-лѣтній мальчикъ несетъ на себѣ $^1/_4$ окладной души, 12-ти-лѣтній—$^1/_2$, 14-ти-лѣтній—$^3/_4$, 16-ти-лѣтній—$1^1/_2$, общинникъ отъ 20 до 55 лѣтъ беретъ на себя 2 души; съ 55-ти-лѣтняго возраста сваливается половина, а съ 60-ти-лѣтняго—весь надѣлъ, который такъ же, какъ и души умершихъ общинниковъ, передается подросткамъ. Разъ въ потягольной общинѣ, въ силу ли уменьшенія податей или отъ другихъ причинъ, доходность земли повысилась, начинаются измѣненія въ раскладкѣ. Старики не отказываются отъ земли, подростки не получаютъ надѣловъ, ихъ перехватываютъ болѣе взрослые парни, и въ концѣ концовъ устраивается община наличныхъ душъ.

Общины наличныхъ душъ распадаются на два подвида: въ одномъ изъ нихъ даются равные надѣлы всякому лицу мужского пола, какого бы оно возраста ни было; если, напр., родится мальчикъ за день до передѣла, то земля нарѣзается и ему. Въ другомъ подвидѣ

земля дается малолѣтнимъ по достиженіи ими опредѣленнаго, но не обязательно трудоспособнаго, наприм., 5-ти-лѣтняго возраста. Такая разверстка производится въ тѣхъ случаяхъ, когда населеніе ростетъ быстро, а земли у общины мало; для того, чтобы не дробить ее на черезчуръ мелкія полоски, и устанавливается 5-ти, 8-ми и даже 10-ти-лѣтній возрастъ, дающій право на надѣлъ. При установленіи такой разверстки играетъ, разумѣется, роль и сильная смертность дѣтей до 5-ти-лѣтняго возраста. Общины наличныхъ душъ встрѣчаются въ тѣхъ случаяхъ, когда доходность надѣла выше лежащихъ на немъ платежей. Въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаются исключенія изъ этого правила: не смотря на благопріятное отношеніе податей къ доходу въ малоземельныхъ общинахъ, дѣлежъ по наличнымъ душамъ повлекъ бы за собою раздробленіе земли на мелкія, мало пригодныя для обработки полосы; въ такихъ случаяхъ сохраняется иногда ревизская или потягольная разверстка. Общины наличныхъ душъ второго подвида только по внѣшней формѣ сходны съ общинами дробной раскладки; въ первомъ случаѣ земля дѣлится по потребностямъ, во второмъ — по рабочей силѣ. Въ нѣкоторыхъ общинахъ наличныхъ душъ не получаютъ надѣла лица, постоянно живущія на дальнихъ заработкахъ (въ Рязанской губерніи [15]), въ Царевококшайскомъ уѣздѣ) [16]). Эти общины близко подходятъ къ общинамъ по ѣдокамъ: въ среднемъ наличной душѣ мужского пола соотвѣтствуетъ и женская душа, такъ какъ оба пола распредѣлены по семьямъ довольно равномѣрно, но въ виду того, что здѣсь не

признается за женщинами принципіальнаго права на надѣлъ, то семья съ большимъ числомъ женщинъ бѣдствуетъ иногда на небольшомъ участкѣ. Впрочемъ, и въ этихъ общинахъ, но не по праву, а «жалѣючи», даютъ небольшія доли земли и лицамъ женскаго пола (напр., въ одной изъ деревень Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи и т. д.) [17]).

Общины по ѣдокамъ покамѣстъ довольно рѣдки: въ сельцѣ Н. Опушкѣ Мценскаго уѣзда Орловской губерніи рѣшили въ 1884 году «раздѣлить землю строго по числу ѣдоковъ, полагая 2 надѣла на 5 ѣдоковъ, т. е. лицъ обоего пола, какого бы возраста они ни были; для достиженія возможно точнаго соотвѣтствія числа надѣловъ съ числомъ ѣдоковъ надѣлы разбивались на четвертыя и даже восьмыя доли» [18]). Въ деревнѣ Климятъ Порѣчскаго уѣзда Смоленской губерніи, крестьяне постановили, 4-го іюня 1884 года, приговоръ о передѣлѣ земли по ѣдокамъ, полагая одинъ надѣлъ на три ѣдока [19]). Въ слободѣ Подмонастырной Елецкаго уѣзда Орловской губерніи земля была раздѣлена въ 1884 году на всѣхъ ѣдоковъ—132 мужскаго пола и 131 женскаго пола; такая же община находится въ Воронецкой волости того же уѣзда [20]). Громадное большинство крестьянъ с. Бурыни Путивльского уѣзда Курской губерніи добивается передѣла земли по ѣдокамъ (съ наличныхъ душъ мужского пола) [21]). Въ четырехъ селеніяхъ Переславскаго уѣзда Владимірской губерніи, при выдачѣ владѣнной записи «бабы подняли бунтъ и потребовали себѣ земли»; крестьяне передаютъ, что происходила страшная смута

въ обществѣ, но, въ концѣ концовъ, «бабы одолѣли». Въ 1870 году крестьяне опредѣлили производить передѣлы черезъ десять лѣтъ, а души раскладывать «по объѣденію», «не взирая на полъ». Мальчики получаютъ, впрочемъ, землю со дня рожденія, а дѣвочки съ трехъ лѣтъ. Доля мальчика, дѣвочки, старика и старухи равняется ½ души [22]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьяне не съумѣли справиться съ этимъ видомъ разверстки и перешли къ общинамъ наличныхъ душъ (напр., одна изъ общинъ Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губерніи)[23]). Въ Новоселкахъ Рязанскаго уѣзда рѣшили передѣлить землю по живымъ душамъ, давая землю и на «дѣвокъ», но неизвѣстно, приведено ли это рѣшеніе въ исполненіе [24]). Авторъ статьи «Сохранится ли общинное владѣніе»[25]) полагаетъ, что надѣлъ землею по ѣдокамъ противорѣчитъ принципу общинной справедливости. Но взявъ общины, находящіяся въ наиболѣе нормальныхъ условіяхъ, мы увидимъ, что ихъ принципъ можетъ формулироваться фразою: «каждый потребитель имѣетъ право на землю» и подъ словомъ «каждый» начинаютъ подразумѣваться и лица женскаго пола.

Мы уже говорили, что въ общинахъ наличныхъ душъ дается иногда земля и женщинамъ; приведемъ, въ виду важности вопроса, еще нѣсколько фактовъ. Въ Рязанскомъ уѣздѣ изрѣдка принимаются во вниманіе и женщины: «и дѣвка жрать хочетъ», «дѣвка не баранъ—не зарѣжешь», говорятъ крестьяне; «въ этихъ случаяхъ прибавляютъ землицы на семьи съ большимъ числомъ дѣвокъ, принимаютъ во вниманіе всѣхъ ѣдо-

ковъ семьи; въ наиболѣе установленномъ видѣ это встрѣчается у государственныхъ крестьянъ Рыковой слободы и Коростова»; «въ нѣкоторыхъ другихъ общинахъ», пишетъ изслѣдователь Рязанскаго уѣзда: «тоже подумываютъ перейти къ такой системѣ, но вообще... такихъ общинъ немного» [26]). Въ Славяносербскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи «на бабъ давать земли не думаютъ, «заводу нѣтъ», но признаютъ, что это справедливо» [27]). Въ немногихъ общинахъ получаютъ надѣлъ дѣвушки; въ немногихъ случаяхъ условіемъ надѣленія землею является требованіе дѣвушки, въ связи съ заявленіемъ, что она не пойдетъ замужъ; она становится такимъ образомъ самостоятельнымъ домохозяиномъ и получаетъ надѣлъ. Чаще дѣвушка получаетъ надѣлъ, не теряя права выйти замужъ: въ Малмыжскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, «дѣвка» надѣляется землею въ томъ случаѣ, если въ домохозяйствѣ вымерли всѣ мужчины. Такая «дѣвка съ душой» можетъ выйти замужъ за парня своей же деревни и тогда надѣлъ идетъ за приданое; выходя же замужъ на сторону, она лишается надѣла [28]). У казаковъ Степной Сибири дѣвушка-сирота надѣляется землею, причемъ ея возрастъ не принимается во вниманіе [29]); у донскихъ казаковъ дѣвушки получаютъ полъ-пая [30]). Что касается до вдовъ, то онѣ получаютъ надѣлъ или въ томъ только случаѣ, если у нихъ есть дѣти—мальчики, или дѣти хотя бы и дѣвочки, или, наконецъ, онѣ получаютъ землю потому, что и имъ ѣсть надо [31]). Въ первомъ случаѣ общинѣ важно поддержать зажиточность будущаго работника, во второмъ—главную роль

играетъ принципъ справедливости, такъ, напр., въ Бѣломѣстно-Двойневской волости Тамбовскаго уѣзда надѣлы умершихъ остаются за вдовами и малолѣтними, хотя бы въ числѣ послѣднихъ и не было мальчиковъ[32]). Въ Воронежскомъ уѣздѣ, за немногими исключеніями, вдовы и сироты обыкновенно пользуются совершенно безвозмездно цѣлыми душевыми надѣлами или частями ихъ[33]). У донскихъ и степныхъ казаковъ вдова получаетъ полъ-пая. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Моршанскій уѣздъ Тамбовской губерніи, Мезенскій — Архангельской, Никольскій—Вологодской, Бузулукскій—Самарской и пр.) право на надѣлъ обусловливается обязанностью со стороны вдовы правильно уплачивать подати, а иногда и не запускать еще пашни[34]). Подобное условіе порождаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ рядъ злоупотребленій; такъ, напр., въ Умщельской общинѣ Мезенскаго уѣзда вставшія во главѣ семейства вдовы и сироты умершихъ домохозяевъ подвергаются со стороны міроѣдовъ вымогательству и угрозамъ отобранія земли во избѣжаніе запущенія у нихъ пашни и неплатежа податей; въ другой общинѣ того же уѣзда къ вымогательству присоединяются и поборы виномъ[35]). Платящая подати вдова является иногда «равноправнымъ членомъ общины во всѣхъ мірскихъ сходахъ, имѣющихъ чисто хозяйственный интересъ[36])». Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля съ выгодою можетъ обрабатываться наемнымъ трудомъ или сдаваться въ аренду, вдовы не освобождаются обыкновенно отъ податей. Но мы знаемъ уже, что въ Воронежскомъ уѣздѣ, а также и въ другихъ мѣстахъ (с. Рябушка Саратовскаго

уѣзда[37]) и т. д.) вдовы и сироты получаютъ такъ называемые «міроплатимые», т. е. освобожденные обществомъ отъ податей надѣлы. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ надѣленіе землею женщинъ разсматривается, какъ актъ благотворительности, а не какъ обязанность со стороны общества. Тѣмъ не менѣе, кое-гдѣ крестьяне начинаютъ сознавать, что и женщины имѣютъ право на землю; такое сознаніе вызывается съ одной стороны стремленіемъ раздѣлять землю по потребностямъ, а съ другой—и тѣмъ, что многія крестьянки принуждены арендовать землю, главнымъ образомъ, подъ ленъ; эти аренды и послужили во Владимірской губерніи, напримѣръ, основаніемъ для требованій женщинами надѣла.

Въ рядѣ общинъ встрѣчается и смѣшанный типъ разверстки. Такъ, напримѣръ, существуетъ раскладка по домашней силѣ хозяйства, близкая съ одной стороны къ потягольной, а съ другой—какъ бы признающая за женщинами право на надѣлъ. На величину надѣла вліяетъ въ этомъ случаѣ количество работниковъ и работницъ, количество скота, качество сельско-хозяйственныхъ орудій, внѣ-надѣльная аренда, близость усадьбы къ базару въ большихъ селахъ и пр., и пр. Каждое семейство получаетъ обыкновенно то количество земли, какое приходится по числу имѣющихся въ немъ душъ, но тутъ же уменьшаютъ надѣлы слабыхъ дворовъ и увеличиваютъ надѣлы сильныхъ. Женщины-работницы тоже принимаются во вниманіе, такъ, напр., въ Кощаковской волости Казанскаго уѣзда «и такихъ надѣляли, у кого не выходило работниковъ, а была сила; коли много работницъ, и тѣмъ набавляли»[38]).

По «замужности» же хозяйствъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлится земля и въ Уржумскомъ уѣздѣ Вятской губерніи [39]), иногда въ Саратовскомъ уѣздѣ [40]).

Послѣднимъ видомъ общинъ являются тѣ изъ нихъ, въ которыхъ земля дѣлится «по согласію», «по-милу». Каждый общинникъ, сообразуясь со своими хозяйственными силами и нуждами, заявляетъ на сходѣ, сколько земли ему надобно, и получаетъ указанное количество. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сходъ контролируетъ добросовѣстность заявленій, а въ другихъ не обращаетъ, повидимому, вниманія на соотвѣтствіе силы съ требованіями. Впрочемъ, и въ послѣднемъ случаѣ неисправный плательщикъ знаетъ, что его надѣлъ будетъ уменьшенъ или отобранъ [41]). Ясно, что крестьяне, заявляя свои требованія, принимаютъ во вниманіе не только число женщинъ-работницъ, но и ѣдоковъ.

Мы указали уже способъ раскладки повинностей, присущій общинамъ великорусскаго типа: въ большинствѣ общинъ всѣ подати разверстываются пропорціонально надѣламъ по числу окладныхъ душъ; встрѣчаются однако уклоненія отъ общаго типа, такъ, напр., подушная подать взималась въ общинѣ по числу ревизскихъ душъ, волостные, а иногда и сельскіе сборы разверстываются по числу наличныхъ работниковъ, остальная же часть податей по окладнымъ душамъ. Во многихъ общинахъ отцы рекрутъ сохраняютъ надѣлы сыновей, не платя за нихъ податей. О томъ, что вдовы не платятъ иногда податей, мы уже говорили. Въ очень немногихъ общинахъ облагается податью каждая штука скота, а общая сумма податей, за вычетомъ собранныхъ

такимъ образомъ денегъ, распредѣляется обычнымъ порядкомъ по душамъ. Основанія такой раскладки заключаются въ томъ, что богатые скотомъ хозяева пользуются выгономъ и пастбищами въ бо́льшемъ размѣрѣ, чѣмъ рядовые общинники. Иногда часть скота 2—5 штукъ вовсе не облагается [42]). Иногда (едва ли, впрочемъ, въ общинахъ великорусскаго типа) всѣ подати переваливаются на скотъ (напр., въ Барнаульской волости Бійскаго округа) [43]). Разверстка податей по скоту встрѣчаетъ иной разъ значительныя препятствія, такъ, напр., крестьяне продаютъ мало-мальски лишній скотъ, количество скота, принадлежащее отдѣльнымъ хозяевамъ, быстро мѣняется и т. д. Въ общинахъ греческихъ поселянъ Екатеринославской губерніи встрѣчается обложеніе скота прогрессивнымъ налогомъ. «Есть мѣстности (Бессарабская губернія), гдѣ разверстка повинностей, за исключеніемъ тѣхъ, которыя требуются въ опредѣленной суммѣ съ каждой семьи по числу ревизскихъ душъ, производится соразмѣрно зажиточности хозяевъ, распредѣляемыхъ на нѣсколько разрядовъ; хотя при этомъ принимается во вниманіе размѣръ земельнаго владѣнія, но главной нормой признается количество рабочаго скота. Эта же норма примѣняется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Екатеринославской губерніи) и при распредѣленіи сбора на содержаніе почтовыхъ обывательскихъ станцій; есть, наконецъ, мѣстности, хотя и единичныя, гдѣ нѣтъ никакой связи между разверстками земли и повинностей, а именно въ Тираспольскомъ уѣздѣ и въ нѣкоторыхъ волостяхъ Ананьевскаго уѣзда Херсонской губерніи. Здѣсь поля

разверстываются по числу ревизскихъ душъ, а повинности по числу вновь образующихся тяголъ» [44]). Въ нѣкоторыхъ сибирскихъ общинахъ на все состояніе болѣе богатыхъ крестьянъ налагается особый налогъ отъ 1 рубля до 10 рублей [45]). Встрѣчаются и совсѣмъ случайные налоги; въ селѣ Галбурда Днѣпровскаго уѣзда Таврической губерніи, напр., женящійся на дѣвушкѣ изъ названной деревни платитъ въ мірскую кассу 3½ рубля, если онъ числится въ томъ же приходѣ, и 5 рублей, если въ другомъ [46]).

II.

Распредѣленіе земли.—Функціи общины.

Познакомимся теперь съ самой техникой разверстанія земли въ общинахъ великорусскаго типа.

Усадебная земля, т. е. дворъ со всѣми строеніями, находится въ наслѣдственномъ владѣніи домохозяйства. Усадьба переходитъ по наслѣдству тому изъ сыновей, который болѣе всѣхъ работалъ на семейство; такимъ образомъ младшіе сыновья, живущіе обыкновенно съ отцомъ, часто наслѣдуютъ ее [47]). Вновь появившимся вслѣдствіе раздѣла семействъ хозяевамъ міръ нарѣзаетъ новые участки на краю селенія. Тѣмъ не менѣе, платежъ податей не предполагаетъ усадебный надѣлъ необходимымъ. Въ деревняхъ встрѣчаются не имѣющіе усадебъ работники, надѣленные какъ податными, такъ и соотвѣтствующими имъ земельными душами. Какъ

кажется, такіе работники получаютъ все-таки рано или поздно усадебную осѣдлость. Хотя усадебная земля и переходитъ по наслѣдству, тѣмъ не менѣе она не можетъ считаться частною собственностью домохозяина, такъ, напр., ее нельзя въ большинствѣ случаевъ продать или передать по завѣщанію лицу, не состоящему членомъ данной общины. «Отчужденіе усадьбы въ Полужской общинѣ Архангельской губерніи, напр., не только постороннимъ лицамъ, но даже членамъ самой общины не допускается безъ согласія на то міра [48]). Если всѣ члены какого либо хозяйства перемрутъ или выйдутъ изъ общины, усадебная земля поступаетъ міру, который и распоряжается ею сообразно существующимъ обычаямъ. Даже вся усадебная земля можетъ быть равномѣрно распредѣлена между членами общины въ томъ случаѣ, если возведенныя на ней постройки сгорѣли во время пожара. Такимъ образомъ усадебная земля считается общинной, но трудъ, потраченный на постройки, не допускаетъ періодическихъ передѣловъ. Мы встрѣчаемся здѣсь съ отрицаніемъ того правила, по которому построенныя на чужой землѣ строенія принадлежатъ собственнику земли: уходящій изъ общины крестьянинъ имѣетъ право увезти съ собою всѣ возведенныя на землѣ постройки. Рядъ данныхъ подтверждаетъ существованіе общинной собственности на усадебныя земли: въ Юхновскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи эта земля не разверстана [49]). Государственные крестьяне Одесскаго уѣзда считаютъ усадебную землю общею собственностью всего общества и потому изъ нея безпрепятственно и даромъ отводятъ молодымъ хо-

зяевамъ участки подъ дворъ [50]). Контроль міра надъ усадебными землями общее явленіе (см., напр., о Воронежскомъ уѣздѣ и о друг. мѣстностяхъ) [51]). Во многихъ мѣстностяхъ допускается продажа этой земли однообщественникамъ, но изъ этого правила встрѣчаются характерныя исключенія, подтверждающія наше положеніе, такъ, напр., въ Забайкальѣ, въ Бичурскомъ селеніи Верхнеудинскаго округа, были выдѣлены въ 1882 году усадьбы тѣмъ общинникамъ, которые не имѣли ихъ, а также и малолѣтнимъ для того, чтобы родные послѣднихъ постепенно выстроили имъ дома. «Какъ только усадьбы были выдѣлены, нѣкоторые начали ихъ продавать, а кулаки-міроѣды—усиленно добиваться покупки. Міръ возсталъ на это и принесъ жалобу полиціи и губернатору, прося воспретить крестьянамъ продавать усадьбы и настоялъ на исполненіи своего ходатайства [52])». Въ Забайкальѣ передѣловъ усадебной земли не существуетъ, но власть міра надъ нею очень велика, такъ, напр., міръ беретъ часть усадебной земли у бездѣтнаго крестьянина и передаетъ ее многодѣтному для того, чтобы послѣдній могъ во-время помочь молодой семьѣ, «чтобы она начала жить на глазахъ» [53]). Иногда усадебная земля (не застроенная) дѣлится (напримѣръ, въ 1883 г., въ с. Ямшики Урсаловъ Бугульминскаго уѣзда Самарской губ. [54]); въ 1879 г., въ д. Нагорной крестьяне передѣлили усадебныя мѣста, причемъ много было снесено ригъ, у многихъ было отрѣзано много мѣстъ, такъ какъ нѣкоторые домохозяева уже послѣ Положенія «самовольно захватили себѣ слишкомъ большія усадебныя мѣста». Во многихъ другихъ общинахъ, совер-

шившихъ коренной передѣлъ пахотныхъ угодій по количеству душъ, заходила рѣчь о передѣлѣ и усадебъ, но «больше-дворовые» домохозяева сильно воспротивились и потому рѣшеніе этого вопроса было отложено до болѣе благопріятнаго времени [55]). Въ очень многихъ мѣстностяхъ не получившіе усадебной земли общинники или получившіе ее меньше другихъ получаютъ излишекъ полевой земли. Въ очень многихъ общинахъ излишекъ усадебной земли облагается посаженнымъ налогомъ и тѣмъ уравнивается неравномѣрное пользованіе общинными угодьями. Тѣмъ не менѣе способъ раскладки податей остается тотъ же, что и раньше: полученная съ усадебнаго сбора сумма вычитается изъ всѣхъ податей, а остатокъ распредѣляется обычнымъ порядкомъ по душамъ. Важенъ еще тотъ фактъ, что усадебная земля является обыкновенно нераздѣльной собственностью домохозяйства, такъ что выдѣляющіеся изъ послѣдняго члены не имѣютъ на нее или на часть послѣдней права собственности.

Прусадебной землей *) называются огороды, коноплянники, капустники, огуречники, сады, гуменныя и банныя земли, расположенныя обыкновенно рядомъ съ деревней. Въ нѣкоторыхъ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ онѣ являются наслѣдственной собственностью домохозяйства. Но и внѣ этого условія онѣ часто не поступаютъ въ передѣлъ, что зависитъ отъ двухъ причинъ. Земли подъ гумнами и банями не передѣляются

---

*) Иногда подъ терминомъ усадебной земли понимается какъ усадьба въ тѣсномъ смыслѣ слова, такъ и прусадебная земля.

на томъ же основанiи, что и усадебныя; впрочемъ, если гуменныя земли захватываютъ больше мѣста, чѣмъ нужно для храненiя хлѣба и сѣна и если на нихъ разводится, напр., конопля или картофель, то онѣ подвергаются иногда передѣламъ. Засѣваемыя земли не дѣлятся потому, что различныя доли труда и капитала, потраченныя на ихъ обработку, настолько измѣнили первоначальныя свойства почвы, что дѣленiе земли по качеству повлекло бы раздробленiе ея на черезчуръ мелкiя, негодныя для культуры полоски. Надѣленiе же новаго общинника участкомъ опредѣленнаго размѣра, не взирая на качество почвы, достигается прирѣзкою свободной, лежащей рядомъ съ деревней земли, обыкновенною прирѣзкою части выгона или телятника. Въ томъ случаѣ, если ближайшая къ деревнѣ земля занята и общество не желаетъ произвести передѣлъ приусадебныхъ угодiй, мiръ даетъ новому члену общины сверхнадѣльный участокъ лучшей пахатной земли; этотъ участокъ равняется обыкновенно двойному приусадебному надѣлу. Въ нѣкоторыхъ общинахъ этотъ участокъ берется у имѣющаго излишекъ приусадебной земли. Въ другихъ случаяхъ излишекъ приусадебной земли надъ нормальнымъ облагается пропорцiональнымъ (посаженнымъ) налогомъ въ пользу тѣхъ лицъ, которыя не имѣютъ такихъ участковъ. Рѣже этотъ налогъ идетъ въ пользу мiра. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ допускаются передѣлы приусадебныхъ земель (гдѣ, наприм., затрачиваются почти одинаковыя доли труда и капитала, гдѣ приусадебныя земли необходимы общинникамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ сво-

бодныхъ земель, а также и въ тѣхъ случаяхъ, когда присадебные надѣлы черезчуръ ужъ не соотвѣтствуютъ рабочимъ силамъ домохозяйствъ), въ этихъ мѣстностяхъ передѣлы имѣютъ своеобразный характеръ, устраняющій дробленіе земли по качеству, такъ, напр., полосы новаго общинника прирѣзываются съ краю, передвигая такимъ образомъ границы другихъ владѣльцевъ. Иногда надѣлъ прирѣзывается поперечно, чѣмъ избѣгается переходъ владѣльцевъ на другую землю и чрезполосица, которая встрѣчается въ тѣхъ случаяхъ, когда новому общиннику даются отрѣзанныя отъ разныхъ домохозяевъ полоски. Когда при передвижкѣ границъ (первый случай передѣла), общинникъ получаетъ при жеребьевкѣ худшую землю, чѣмъ онъ имѣлъ раньше, ему платитъ вознагражденіе тотъ дворъ, который получилъ лучшій участокъ. Такъ, напр., при дѣлежѣ садовъ общинникъ имѣетъ право пользоваться въ теченіе опредѣленнаго періода времени плодами съ тѣхъ садовыхъ деревьевъ и кустовъ, которые отошли по новому передѣлу къ другому двору; прежній хозяинъ не обязанъ въ этомъ случаѣ ходить за садомъ [56]). Очень часто общинникъ вымѣниваетъ отошедшій отъ него при передѣлѣ надѣлъ за двойное количество ближайшей къ деревнѣ пахотной земли. Вообще же говоря, здѣсь встрѣчается масса добровольныхъ соглашеній между отдѣльными домохозяевами. Если присадебная земля обращена, какъ иногда случается, подъ сѣнокосъ, то она и передѣляется, какъ сѣнокосныя пожни, о которыхъ будетъ сказано ниже. Нельзя не упомянуть, что на практикѣ встрѣчаются и другіе виды передѣловъ,

заботящіеся объ оставленіи домохозяевъ на прежнихъ участкахъ и объ уменьшеніи чрезполосицы, но они имѣютъ обыкновенно мѣстное значеніе и мы не будемъ говорить о нихъ. Въ томъ случаѣ, когда община допускаетъ передѣлы, промежутки между послѣдними равняются 15 и болѣе годамъ, въ теченіе которыхъ легко окупаются затраты общинниковъ; исключенія изъ этого правила очень рѣдки. Если общинникъ перестаетъ нести окладныя души, присадебная земля отбирается отъ него наравнѣ съ другими угодьями. Наслѣдственная собственность на присадебныя земли встрѣчается очень рѣдко и, почти никогда не являясь свободной, подчинена со стороны міра еще большей регламентаціи, чѣмъ собственность на усадебныя земли, такъ, напр., зачастую міръ запрещаетъ продажу такихъ участковъ не только постороннимъ, но даже односельчанамъ.

Помимо усадебной и присадебной земли общины владѣютъ четырьмя угодьями: пашней, сѣнокосомъ, лѣсомъ и выгономъ; два послѣднія угодья встрѣчаются, впрочемъ, далеко не во всѣхъ общинахъ; надо также замѣтить, что встрѣчаются общины безъ пахотной земли или безъ сѣнокосовъ. Укажемъ сначала, какъ пользуются общинники выгономъ. Выгономъ называется иногда всякое мѣсто, гдѣ пасется скотъ, напр., паръ, жнива, но мы будемъ называть этимъ терминомъ опредѣленную площадь земли, спеціально предназначенную для пастьбы скота. Эта площадь никогда не дѣлится на участки и ею пользуются сообща: выбранный и нанятый міромъ пастухъ выгоняетъ на нее скотъ всѣхъ членовъ общины. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вы-

гонъ отводится не сплошною полосою, а, наприм., въ двухъ мѣстахъ; тогда міръ раздѣляетъ стадо и посылаетъ его на пастьбу подъ присмотромъ двухъ пастуховъ. Мы встрѣчаемся очень часто съ коллективнымъ, но неравномѣрнымъ пользованіемъ выгономъ; одинъ общинникъ имѣетъ больше, другой меньше скота. Но во многихъ общинахъ каждая голова скота, который является, по мнѣнію міра, излишнимъ, т. е. не нужнымъ для обработки даннаго надѣла, облагается особымъ налогомъ. Иногда крестьянинъ имѣетъ право выпускать на выгонъ столько скота, сколько на немъ лежитъ душъ, за лишніе же череда онъ платитъ тому, у кого есть череда свободные, напр., въ ст. Каменской Войска Донскаго имѣющій свыше 5-ти штукъ скота на толокѣ приплачиваетъ имѣющимъ менѣе скота и если таковыхъ нѣтъ, то обществу, которое изъ этихъ суммъ платитъ пастухамъ [57]). Въ Саратовскомъ уѣздѣ міръ ежегодно опредѣляетъ, какое количество скота можетъ пасти общинникъ (ревизская душа) на выгонѣ. Имѣющіе лишній скотъ пасутъ его на сторонѣ, а имѣющіе меньшее противъ указаннаго число скота имѣютъ право на пользованіе остальною землею подъ посѣвъ хлѣба [58]). Въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи, въ 40 общинахъ указывается, сколько головъ скота можно пасти на окладную душу [59]). Что касается до платы пастуху, то она вносится съ каждой штуки скота, такъ что богатые платятъ больше, чѣмъ бѣдные. Кромѣ главнаго выгона въ нѣкоторыхъ общинахъ имѣются еще расположенные около деревни телятники, на которыхъ пасется

мелкій скотъ. Мы знаемъ уже, что скотъ пасется иногда на «толокѣ», «парѣ», «жнивѣ» и проч. Объ этихъ видахъ пастьбы скота придется сказать нѣсколько словъ, теперь же замѣтимъ, что подъ толоку выдѣляется иногда отъ каждаго надѣла количество земли, прямо пропорціональное количеству имѣющагося у хозяина скота.

Познакомимся теперь съ технической стороной дѣлежа пахотной земли. Мы знаемъ уже, что земельные надѣлы равны по качеству; на этомъ основаніи міръ придерживается при отводѣ земли трехъ правилъ: надѣлы общинниковъ (земельныя души) должны быть равными по величинѣ, равноплодородными и разстоянія участковъ отъ усадьбы одинаковыми. Равноплодородіе и равенство участковъ само собою необходимы, если желается сохраненіе равномѣрнаго пользованія землею, что касается до одинаковаго у всѣхъ разстоянія пахотныхъ участковъ отъ усадебъ, то это правило вызывается, во-первыхъ тѣмъ, что ближнія полосы легче удобрять, а во вторыхъ легче сохранять отъ потравъ и, наконецъ, въ-третьихъ потому, что ближніе участки сберегаютъ время на проѣзды. Благодаря послѣднимъ причинамъ, даже равноплодородныя поля разбиваются, какъ мы увидимъ ниже, на нѣсколько «коновъ» *). Вся пахатная земля разбивается въ великорусскихъ общинахъ, сообразно съ ея плодородіемъ, на участки неправильной (въ большинствѣ случаевъ) формы. Пло-

---

*) Въ утопическомъ государствѣ Платона гражданинъ получаетъ одинъ участокъ вблизи города, а другой на окраинѣ государства.

дородіе почвы узнается по тому, является ли она черноземомъ, черноземомъ съ суглинкомъ, пескомъ, глиною и пр., и пр. Каждый изъ такихъ участковъ носитъ названіе копа (грива, холмъ, череда, ярусъ и т. п.), (иногда крестьяне не даютъ такимъ участкамъ родового названія) и состоитъ изъ приблизительно однокачественной земли; иногда земля одного и того же качества помѣщается въ двухъ различныхъ, далекихъ одинъ отъ другого копахъ; встрѣчаются, разумѣется, случаи, когда земли одного качества лежатъ сплошными участками. Въ большинствѣ случаевъ общинники прямо дѣлятъ землю на копы, сравнительно рѣдко земля разбивается сначала на болѣе крупныя единицы правильной формы, внѣ отношенія этихъ участковъ къ плодородію почвы. Рядомъ съ одною изъ длинныхъ сторонъ кона проводятся дорожки для свободнаго проѣзда къ нему. Если земля кона все-таки неравномѣрно плодородна, то онъ дѣлится на меньшія, одинаковыя по плодородію площади, носящія названіе жеребьевъ (мѣстъ, чиселъ и пр.). Въ этомъ случаѣ черноземная земля, напримѣръ, можетъ быть разбита на 2—3 и даже болѣе участковъ, причемъ общинники руководствуются въ оцѣнкѣ ея плодородія урожаями прошлыхъ лѣтъ. Общинники разбиваются на нѣсколько мелкихъ группъ, называемыхъ «осьмаками» («четвертины», «шестины», «пятины» въ разныхъ обществахъ). Осьмакъ состоитъ изъ неопредѣленнаго числа душъ, начиная отъ 6 и кончая 34. Иногда въ большихъ общинахъ эти осьмаки имѣютъ предшествующую, разбивающуюся потомъ на осьмаки группу — «выть», состоящую не менѣе, какъ изъ 60

душъ. Каждый жеребій, а также равноплодородный конъ дѣлится на такое число равныхъ участковъ, сколько считается въ общинѣ осьмаковъ (иногда вытей). Каждый осьмакъ дѣлитъ доставшійся ему по жребію участокъ на столько полосъ, сколько въ немъ считается душъ. На полосы каждаго осьмака бросается жребій и всякій общинникъ получаетъ столько полосъ, сколько приходится на его долю окладныхъ душъ. Если на немъ числятся 2 окладныя души, то онъ получаетъ въ одномъ изъ осьмаковъ каждаго кона по двѣ полосы, которыя нарѣзываются въ этомъ случаѣ рядомъ; если на какомъ нибудь домохозяйствѣ лежитъ $4^1/_2$ души, то оно получаетъ $4^1/_2$ рядомъ лежащія полосы въ осьмакѣ каждаго кона. Мы говорили уже, что при дѣленіи земли по осьмакамъ бросается жеребій; если, напр., каждый конъ совершенно равноплодороденъ, то осьмакъ, получившій первый по очереди участокъ въ одномъ изъ коновъ, получаетъ тѣмъ самымъ первые по очереди осьмачные участки всѣхъ другихъ коновъ; получившій по жребію второй участокъ, получаетъ тѣмъ самымъ вторые по очереди участки другихъ коновъ и т. д. Если же, напр., осьмачные участки другихъ коновъ идутъ, постепенно ухудшаясь, то получившіе самый лучшій участокъ въ первомъ конѣ тѣмъ самымъ получаютъ самый худшій участокъ втораго и наоборотъ. То же бываетъ и по отношенію къ разстоянію участковъ отъ усадьбы: получившіе самый близкій участокъ въ первомъ конѣ получаютъ самый дальній во второмъ. Если два кона имѣютъ форму клиновъ, то каждый осьмакъ получаетъ по первому участку въ первомъ

конѣ и по послѣднему во второмъ, такъ какъ путемъ послѣдовательнаго сочетанія болѣе длинныхъ и болѣе короткихъ полосъ достигается полное равенство надѣловъ. Эти же пріемы жеребьевки употребляются и въ средѣ каждаго осьмака. Нѣтъ надобности говорить, насколько упрощаетъ раздѣлъ земли осьмачная система; ограничимся только указаніями, что при такой техникѣ дѣлежа община въ 100 человѣкъ совершаетъ передѣлъ въ одинъ день; для общины же въ 800 человѣкъ требуется не болѣе трехъ дней. Въ мелкихъ общинахъ не встрѣчается, разумѣется, нужды въ осьмакахъ, такъ какъ дѣлежъ земли не является тамъ сложнымъ. Въ очень рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ устраивается аукціонъ на полосы и данную полосу получаетъ тотъ, который признаетъ ее за лучшую по сорту[60]). Общинники, получившіе полосы, мѣняются иногда ими; такія мѣны вызываются иногда нежеланіемъ тратить время на переѣзды съ полосы на полосу; такъ, напр., когда 2 кона расположены параллельно своими длинными сторонами, крестьянинъ, получившій одну полосу на правой сторонѣ перваго, а другую на лѣвой втораго, мѣняется съ общинникомъ, получившимъ одну полосу на лѣвой сторонѣ перваго, а другую на правой сторонѣ втораго кона. Первый отдаетъ лежащую на правой сторонѣ полосу взамѣнъ полосы, лежащей на лѣвой сторонѣ, и тогда каждый изъ 2-хъ общинниковъ будетъ имѣть по 2 рядомъ лежащія полосы. Такія мѣны бываютъ, впрочемъ, только въ тѣхъ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда коны очень длинны. Бываютъ мѣны и другаго рода, такъ напр., одинъ общинникъ

обмѣниваетъ свою полосу въ черноземномъ конѣ на полосу другого общинника, лежащую рядомъ съ его полосою въ глинистомъ конѣ. Онъ беретъ обыкновенную денежную прибавку и каждый изъ общинниковъ имѣетъ двѣ рядомъ лежащія полосы, чѣмъ гарантируется поперечное паханье. Въ Воронежскомъ, напр., уѣздѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ встрѣчается мѣна полосъ [61]). Иногда члены осьмака сбиваютъ свои полосы въ общее поле и вновь дѣлятъ на фигуры, болѣе близкія къ квадратамъ; въ виду этого и осьмакъ составляется изъ такого числа душъ, которое допускаетъ подобную разверстку.

Между двумя параллельными конами проводится обыкновенно дорожка (головникъ) для того, чтобы не затаптывались при поворотахъ земледѣльческихъ орудій чужія полосы; полосы отдѣляются одна отъ другой глубокими бороздами (рѣже межниками). Въ нѣкоторыхъ (очень немногихъ) общинахъ надѣлъ дается не по жребію. Къ каждому лучшему участку присоединяется нѣсколько худшихъ. Затѣмъ на землю открывается аукціонъ и кто изъ домохозяевъ беретъ надѣлъ за большее число душъ, тому онъ и поступаетъ [62]). По истеченіи извѣстнаго, иногда установленнаго міромъ срока всѣ пахотныя земли, безъ различія полосъ, становятся общинною собственностью, которую міръ и распредѣляетъ описаннымъ выше способомъ между новымъ числомъ общинниковъ. Этотъ — называемый кореннымъ — передѣлъ вызывается увеличеніемъ числа работниковъ или ѣдоковъ, измѣненіемъ рабочей силы домохозяйствъ, вообще говоря, перемѣной въ числѣ оклад-

ныхъ душъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда міръ не намѣтилъ заранѣе срокъ передѣла, послѣдній организуется въ силу требованій отдѣльныхъ общинниковъ. Мы встрѣчаемся въ нашей общинной жизни съ двумя явленіями: общиннику выгодно имѣть приходящійся на его долю надѣлъ, или невыгодно, благодаря тому, что послѣдній обложенъ непосильными платежами. Въ первомъ случаѣ добиваются передѣла общинной земли тѣ домохозяйства, въ которыхъ увеличилось число наличныхъ душъ или работниковъ; во второмъ тѣ, на которыя надѣлъ, благодаря уменьшившемуся числу работниковъ, легъ непосильнымъ бременемъ. Въ обоихъ случаяхъ результатомъ иной разъ цѣлаго ряда споровъ и переговоровъ является на сцену передѣлъ. Очень часто передѣлъ составляется и въ томъ случаѣ, если въ немъ заинтересовано только меньшинство домохозяйствъ; здѣсь играетъ роль чувство, если такъ можно выразиться, общинной справедливости, созданіе выгоднаго для всѣхъ прецедента. Въ Воронежскомъ уѣздѣ, напр., какъ нормальное явленіе наблюдали тотъ фактъ, что при передѣлѣ «часть изъ большинства домохозяевъ сознательно поступалась своими интересами въ пользу меньшинства»[63]). Въ Острогожскомъ у. Воронеж. губ. «ни въ одной общинѣ не оказалось такого соотношенія между хозяевами, при которомъ могло бы составиться $^{2}/_{3}$ хозяевъ, могшихъ разсчитывать на увеличеніе у нихъ земли вслѣдствіе передѣла»[64]). Встрѣчаются, безспорно, и протесты противъ передѣла, иногда даже въ очень энергичной формѣ, но въ массѣ населенія сильны еще демократическіе принципы общиннаго владѣнія, до-

вольно стойко сопротивляющіеся хищнымъ инстинктамъ міроѣдства. «Нельзя объяснить передѣлы», пишетъ г. Соколовскій, «какими либо личными разсчетами большинства домохозяевъ, такъ какъ они повсюду оказываются невыгодными для этого большинства». «Причина передѣла заключается», продолжаетъ авторъ, «въ воззрѣніи крестьянъ на землю, какъ общую собственность міра, а цѣль — въ возстановленіи нарушающагося вслѣдствіе прироста населенія и перемѣнъ въ составѣ семействъ равенства». Эти слова, основанныя на многочисленныхъ примѣрахъ, вѣрны по отношенію ко многимъ мѣстностямъ, такъ, напр., крайне рѣзкое подтвержденіе данныхъ положеній мы находимъ въ Козловскомъ уѣздѣ Тамбовской губ., гдѣ передѣлы были прямо невыгодны половинѣ домохозяйствъ [66]). Интересны и отношенія пострадавшаго меньшинства: послѣ передѣла оно легко мирится съ нимъ и не считаетъ себя обиженнымъ; въ другихъ же случаяхъ съ самаго начала оно легко подчиняется требованію большинства, такъ, напр., въ Спасскомъ у. Тамбовской губерніи, многимъ домохозяевамъ во всѣхъ обществахъ такой передѣлъ былъ невыгоденъ, потому что подворный земельный участокъ отъ новаго передѣла у нихъ уменьшился; кромѣ того очень нерѣдко доставались полосы въ поляхъ неудобренныхъ, вмѣсто прежнихъ удобренныхъ. Однако большинство домохозяевъ вездѣ присоединялось къ рѣшенію «дѣлиться» и передѣлы земли вездѣ состоялись. Никакихъ крестьянскихъ тяжбъ изъ-за передѣла земли въ Спасскомъ уѣздѣ не послѣдовало [67]). Тѣмъ не менѣе мы считаемъ необходимымъ сдѣлать значительную оговорку, по край-

ней мѣрѣ, для такихъ мѣстностей, гдѣ, какъ напр., въ Мценскомъ у. Орловской губерніи общины, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда причинъ, встали въ исключительно ненормальное положеніе; иногда передѣлы производятся здѣсь съ наличныхъ на ревизскія души; результатомъ этихъ передѣловъ получается меньшее, чѣмъ прежде, соотвѣтствіе надѣловъ съ числомъ ѣдоковъ. Такимъ образомъ изслѣдователь Мценскаго у. г. Черненковъ имѣлъ право сказать, что «передѣлы мірской земли не всегда служатъ цѣли болѣе равномѣрнаго и справедливаго распредѣленія ея между членами общества»[68]. Справедливость требуетъ подчеркнуть то обстоятельство, что такія мѣстности, какъ Мценскій у. Орловской губ., являются исключеніемъ. Мы можемъ еще указать на такіе случаи въ Мелитопольскомъ у. Таврич. губ.; не говоря покамѣстъ о крайней трудности такого передѣла, укажемъ на его мотивы для данной мѣстности; они сводятся къ слѣдующему: стоятъ за такіе передѣлы родители, чтобъ имѣть власть надъ дѣтьми, женщины-вдовы, у которыхъ при общинѣ ревизскихъ душъ не отбирается во время передѣла земля, дворы, гдѣ много женщинъ, гдѣ послѣ такого передѣла будетъ больше соотвѣтствія съ числомъ наличныхъ ѣдоковъ, чѣмъ безъ него; но эти же дворы еще съ большею охотой агитируютъ за передѣлъ по ѣдокамъ обоего пола[69]).—Въ томъ случаѣ, если какой нибудь общинникъ повысилъ качество своего участка (глубокимъ вспахиваніемъ, удобреніемъ, полотьемъ сорныхъ травъ), а другіе надѣлы остались безъ соотвѣтствующаго улучшенія, міръ рѣшаетъ, окупились ли его трудовыя затраты. Если нѣтъ, то улуч-

шенный участокъ остается внѣ передѣла или же міръ заставляетъ тѣхъ общинниковъ, которые получили части такого надѣла, заплатить прежнему владѣльцу соотвѣтственное сдѣланнымъ улучшеніямъ вознагражденіе. Это вознагражденіе дается, впрочемъ, и въ томъ случаѣ, когда улучшенный участокъ окупилъ трудовыя затраты прежняго владѣльца, и служитъ такимъ образомъ стимуломъ къ прилежанію. Если такія улучшенія, не окупившія еще трудовыхъ затратъ, произведены значительною группою общинниковъ, передѣлъ отсрочивается. Намъ придется еще говорить о только что указанныхъ и имъ подобныхъ явленіяхъ въ томъ мѣстѣ статьи, гдѣ разсматривается вліяніе передѣла на сельско-хозяйственную культуру *).—Въ промежуткѣ между двумя передѣлами міръ производитъ для поддержанія равновѣсія между рабочей силой домохозяйствъ и надѣломъ такъ называемыя частныя переверстки. Такъ, напримѣръ, въ однихъ домохозяйствахъ можетъ уменьшиться число ѣдоковъ или трудоспособныхъ работниковъ, а въ другихъ увеличиться; въ такомъ случаѣ міръ

---

*) Здѣсь же приведемъ не лишенные интереса факты изъ жизни фламандскихъ фермеровъ, расходующихъ на удобреніе массу денегъ. Какъ извѣстно, переходъ земли отъ одного арендатора къ другому имѣетъ такое же вліяніе на сельско-хозяйственную культуру, какъ и передѣлы. Здѣсь тоже существуетъ вознагражденіе за удобреніе, колеблющееся отъ 1/3 до 1/2 цѣнности удобренія, съ котораго снята была одна жатва, или равняющееся опредѣленной суммѣ, напр. 5 р. 67 к. въ странѣ Ваэсъ. «Благодаря этой системѣ», говоритъ Лавелэ: «старый выходящій фермеръ не обращается небрежно съ землею даже въ послѣдній годъ своего пользованія и входящій арендаторъ находитъ ее въ совершенномъ порядкѣ, а не истощенной, заросшей плевелами».

снимаетъ съ первыхъ домохозяйствъ излишнія податныя и земельныя души и передаетъ ихъ вторымъ. Такія переверстки производятся каждый разъ, какъ того потребуютъ заинтересованныя стороны. Въ общинахъ, гдѣ земля окупаетъ повинности, частныя переверстки бываютъ сравнительно рѣдко, такъ какъ въ этомъ случаѣ домохозяйство неохотно отказывается отъ лишней земли, а часто и не обязано до передѣла отказаться отъ нея, разъ только исправно уплачиваетъ подати. Разумѣется, полное отсутствіе рабочей силы (даже вдовъ съ дѣтьми, могущихъ сдать надѣлъ въ аренду) или полная неспособность продолжать хозяйство вызываетъ частную переверстку. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, при первомъ же коренномъ передѣлѣ излишекъ надѣла снимается съ потерявшихъ свои души домохозяйствъ; этимъ можно объяснить то обстоятельство, что коренные передѣлы чаще въ общинахъ указаннаго вида, чѣмъ въ общинахъ, гдѣ земля не окупаетъ платежей. Въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаются и такія общины (напр. Княгинин. у. Нижегород. губ.), гдѣ землю равняютъ не передѣлами, а именно частными переверстками, такъ напр., «въ Княгининскомъ у. по обычаю, установившемуся въ большинствѣ общинъ, въ случаѣ смерти лица, за которымъ числится земельный надѣлъ, надѣлъ этотъ передается старшему подростку, не имѣющему земли» [70]). Въ первыхъ общинахъ надѣлъ передается или новорожденнымъ, или лицамъ, достигшимъ опредѣленнаго (напр. 5-лѣтняго) возраста. Въ общинахъ, гдѣ земля является бременемъ, домохозяйства широко пользуются правомъ отказываться, въ случаѣ убыли душъ, отъ

надѣла, что въ связи съ общими переверстками (о нихъ ниже) и дало поводъ думать, что такія общины наиболѣе часто производятъ передѣлы. На домохозяйствахъ, въ которыхъ увеличилось число рабочихъ или платежныхъ силъ, лежитъ прямая обязанность принимать брошенный или переданный въ міръ надѣлъ. Такимъ образомъ свободный надѣлъ наваливается или на работника съ 18-лѣтняго возраста, или на подростка, или же, наконецъ, на болѣе состоятельное домохозяйство, смотря по принятой системѣ раскладки. Въ томъ случаѣ, когда не имѣется лицъ, могущихъ принять надѣлъ, послѣдній распредѣляется между всѣми домохозяйствами или сдается въ аренду. Бываетъ и наоборотъ: является новый работникъ, а души всѣ разобраны. Въ общинахъ, не обремененныхъ податями, онъ ждетъ «упалаго» надѣла, или же кореннаго передѣла; въ общинахъ же непосильныхъ платежей такой работникъ идетъ на сдѣлку съ міромъ, не беретъ земли и платитъ «спуста» часть податей; онъ можетъ, разумѣется, потребовать землю, но это невыгодно и въ большинствѣ случаяхъ онъ предпочитаетъ платить «спуста», чѣмъ вызвать передѣлъ, на который въ такомъ случаѣ охотно согласятся. Можно, впрочемъ, нарѣзать землю новому члену и не прибѣгая къ новому передѣлу: намъ извѣстно, что полосы каждаго кона идутъ параллельно рядомъ одна съ другою; перпендикулярно съ этими параллельными полосами по длинному краю кона нарѣзывается надѣлъ общинника, отнимающій у каждой полосы небольшую часть ея. Такимъ образомъ новый общинникъ получаетъ надѣлъ внѣ ломки межъ и передвижки участковъ. Впрочемъ,

такой способъ надѣла не всегда удобенъ; иногда необходимо сохранить свободный проѣздъ къ полосамъ, полоса не можетъ быть слишкомъ узка, конъ долженъ имѣть видъ четырехъ-угольника и т. д. Бываютъ, разумѣется, и другіе способы надѣла; такъ, наприм., въ Архангельской губерніи нуждающіеся въ землѣ надѣляются иногда отрѣзками, т. е. кусками, отрѣзанными отъ полей каждаго надѣленнаго крестьянина [71]). При частныхъ переверсткахъ домохозяйство отдаетъ обыкновенно самую плохую часть надѣла; но міръ, если новому члену достается черезчуръ уже истощенная земля, даетъ ему изъ своихъ суммъ 4 — 6 рублей на «навозъ». При переходѣ части надѣла отъ одного домохозяйства къ другому примѣняются разнообразные способы. Крестьяне стараются избѣжать дробленія полосъ, почему, при отобраніи надѣла, они рѣдко разбиваютъ каждую полосу на части. Если новый дворъ долженъ получить половину надѣла, состоящаго изъ 10 полосъ, то онъ получаетъ не 10 половинокъ послѣднихъ, а 5 цѣлыхъ полосъ, въ такой комбинаціи, чтобы качество ихъ почвы и отдаленность отъ участка приблизительно равнялись качеству и отдаленности остающихся. Вообще говоря, пріемы, практикуемые съ цѣлью избѣжать чрезполосицы, крайне разнообразны, но, не смотря на всю свою оригинальность, не могутъ быть перечислены въ нашемъ сравнительно съ объемомъ темы краткомъ очеркѣ.

Иногда стремленіе къ уравнительному пользованію землею принимаетъ крайне послѣдовательный характеръ, такъ, наприм., въ селѣ Костогрызовѣ Днѣпровскаго уѣзда

Таврической губерніи «у общества выработался своеобразный взглядъ, что крестьянинъ, самъ лично непосредственно не эксплоатирующій своей земли, не нуждается въ ней, поэтому земля не только умершихъ и лицъ, находящихся въ продолжительной отлучкѣ, отбирается на общество и распредѣляется по частямъ между собственниками, но это примѣняется и по отношенію къ тѣмъ, которые оставили селеніе недавно (одинъ годъ), и живутъ въ услуженіи. Мало этого, есть случаи, что надѣлъ отняли у одного богатаго крестьянина единственно потому, что онъ имѣетъ 175 дес. собственной купчей земли» [72]). Выморочные или свободные участки тоже передаются безземельнымъ крестьянамъ, иногда по преимуществу отставнымъ солдатамъ[73]). Мы говорили уже, что члены одного и того же домохозяйства получаютъ при коренномъ передѣлѣ рядомъ лежащія полосы, а полосы, доставшіяся при частныхъ переверсткахъ, лежатъ иногда совсѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Для устраненія такой чрезполосицы устраиваются общія переверстки; онѣ возникаютъ также въ случаѣ неравномѣрнаго распредѣленія земли по качеству. Не считая эти переверстки типичною чертою общиннаго владѣнія, мы поговоримъ о нихъ въ своемъ мѣстѣ.

Сѣнокосныя угодья дѣлятся такъ же, какъ и пашни, сначала на копы, по качеству травы, копы на жеребья, жеребья обычнымъ порядкомъ на души (при дѣлежѣ сѣнокосовъ не приходится, разумѣется, проводить головники между копами и борозды между полосами). При дѣлежѣ луговъ тоже встрѣчаются осьмаки, «жеребьевыя группы»,

«десятки», хотя бываетъ и такъ, что осьмакъ сѣнокосный заключаетъ въ себѣ другое число душъ, чѣмъ осьмакъ пахотный. Встрѣчаются также и «сотни», «выти», иногда для однихъ только покосовъ, напр., въ селѣ Красномъ Костромскаго уѣзда. Мы встрѣчаемся здѣсь съ выборнымъ главою выти, «вытчикомъ». Въ настоящее время вытчикъ не играетъ никакой роли, но его идеальное значеніе опредѣляется слѣдующимъ образомъ: «онъ долженъ заботиться о цѣлости травы въ очередной своей пожнѣ до покосовъ, т. е. очистить пожню, если нужно, отъ сорныхъ наносовъ (пожни въ Красномъ поемныя отъ розлива Волги), обнести изгородью, созвать выть для обсужденія касающихся ея дѣлъ, главнымъ образомъ наблюдать за правильностью раздѣла пожни на косяки между участниками хозяевами; если общій сходъ вытей (двухъ — владѣющихъ пожней) рѣшитъ продать участокъ пожни, трудно дѣлимый между всѣми, вытчики должны вести съ покупщикомъ переговоры, получить деньги и хранить у себя» [74]). Въ большинствѣ случаевъ сѣнокосные луга не требуютъ никакихъ затратъ, растущая же на нихъ трава бываетъ разнаго качества: одно и то же мѣсто даетъ одинъ годъ хорошую, а на другой никуда не годную траву. Въ силу этого такіе луга передѣляются ежегодно, чѣмъ достигается полная равномѣрность, безусловно не вредящая, не смотря на частые передѣлы, хозяйственнымъ интересамъ. Встрѣчается и другой способъ пользованія сѣнокосными угодьями, такъ, напр., они дѣлятся на участки, заключающіе въ себѣ каждый надѣлъ 10-ти общинниковъ; участокъ дѣлится на де-

сять равныхъ частей, которыя распредѣляются по жребію между его владѣльцами. На другой годъ владѣльцы участковъ мѣняются ими; если такихъ участковъ 10-ть, то въ теченіе 10 лѣтъ каждый общинникъ имѣлъ долю въ каждомъ участкѣ. Иногда срокъ равняется только 5 годамъ. Такой способъ пользоваться сѣнокосами называется на сѣверѣ «годоваться». Въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи такой очередной дѣлежъ происходитъ между группами въ 100, 50 человѣкъ [75]). Въ трехъ общинахъ Воронеж. у., въ одной—Острогож. у. Ворон. губ., тоже встрѣчается такой способъ пользованія сѣнокосами [76]). Сѣнокосныя угодья, требующія предварительныхъ затратъ, передѣляются черезъ болѣе или менѣе продолжительные промежутки времени (напр., чрезъ 8—10 лѣтъ). Такъ передѣляются: во-1-хъ) лѣсные покосы, требующіе корчеванья пней, вырубки кустарника; во-2-хъ) болотные покосы, нуждающіеся въ срѣзаніи кочекъ, уничтоженіи кустовъ, прорытіи канавъ для осушки, и въ 3-хъ) мелкіе сѣнокосные участки, расположенные чрезполосно съ чужими владѣніями; ихъ надо охранять, наблюдать за ними и т. д. При длинныхъ срокахъ передѣла луговъ послѣдніе подвергаются наравнѣ съ пахотными угодьями частнымъ переверсткамъ. Къ оригинальнымъ видамъ пользованія сѣнокосными угодьями надо отнести практикуемые въ Забайкальѣ и Архангельской губерніи способы. Въ Забайкальѣ сѣнокосъ дѣлится на большіе участки «паи», затѣмъ объявляется, что «отдается такой-то пай»; желающій, подобравъ товарищей, заявляетъ, что «онъ садится на этотъ пай съ такимъ-то числомъ душъ»,

«и та группа, которая пожелаетъ взять участокъ на большее число душъ, принимаетъ его»; затѣмъ участокъ дѣлится по душамъ жребіемъ или полюбовно [77]). Въ Селецкой общинѣ Холмогорскаго у. Архангельской губ. тоже спрашивается, кто и за какое число «кучъ» беретъ на себя данную пожню; кто назначилъ большее число кучъ, тому она и достанется. Общее число кучъ, составленное изъ всѣхъ высшихъ оцѣнокъ пожень, дѣлится на число душъ; если на душу приходится по 23 кучи, то собственникъ трехъ, напр., душъ получаетъ пожни, заключающія въ себѣ 69 кучъ, причемъ въ составъ этихъ поженъ обязательно входятъ тѣ, которыя оцѣнены имъ выше, чѣмъ другими [78]). Аналогичный же способъ дѣленія сѣнокосовъ въ с. Трехстѣнки Острогожскаго у. Воронежской губ. [79]), а также и въ Иркутскомъ округѣ и [80]) вообще въ Сибири [81]). Иногда на покосные участки назначается такой аукціонный торгъ: въ 2-хъ общинахъ Бѣлгородскаго у. Курской губ. покосъ разбивается на равные участки, цѣною въ рубль каждый; «каждый домохозяинъ, желающій пользоваться покосомъ, долженъ внести въ мірскую кассу столько рублей, сколько такихъ участковъ онъ желаетъ получить на свой пай». Эта комбинація оказывается весьма выгодною для мірской общинной кассы, но весьма невыгодно отзывается на бѣднѣйшей части населенія, такъ какъ положительно лишаетъ ее возможности имѣть покосъ, которымъ пользуются одни только зажиточные дворы [82]). Такое злоупотребленіе общиннымъ правомъ встрѣчается очень рѣдко. Встрѣчаются самые разнообразные способы пользованія сѣнокосными угодьями,

но всѣ опп не отличаются рѣзко одинъ отъ другого (см., напр., сл. Старая Колитва Острогожскаго у. Воронежской губ.)[83]. Можно подчеркнуть, впрочемъ, то обстоятельство, что сѣнокосы зачастую дѣлятся по количеству травы, не обращая детальнаго вниманія на занятое ею пространство; такой способъ дѣлежа практикуется во многихъ мѣстахъ. Останавливаться на детальныхъ сторонахъ техники луговыхъ передѣловъ не считаемъ интереснымъ.

Пользованіе общиннымъ лѣсомъ организовано въ сущности на томъ же основаніи, что и пользованіе пахотью и сѣнокосомъ. Въ большинствѣ случаевъ міръ ежегодно отводитъ (по особому приговору) часть мелколѣсья, которая и дѣлится на участки. Каждая группа общинниковъ (осьмакъ) получаетъ по жребію одинъ изъ этихъ равнокачественныхъ участковъ и пользуется имъ, распредѣливъ его между членами своей группы или рубя артелью. Лѣсъ дѣлится не по пространству занятой имъ земли (за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ однокачественной поросли), а по качеству и количеству поросли; такъ что рѣдкій лѣсъ отводится большей площадью, чѣмъ крупный. Что касается до строеваго лѣса, то каждый общинникъ (иногда сначала осьмакъ) получаетъ опредѣленное (по числу лежащихъ на немъ душъ) количество деревьевъ, которыя онъ и рубитъ для своей надобности или на продажу. Въ этомъ случаѣ принимается во вниманіе «не только обхватъ ствола и порода дерева, но также длина ствола, его правильность, количество сучьевъ и т. п.[84]. Разверстка лѣса по окладнымъ душамъ неудобна для крестьянъ,

такъ какъ каждое домохозяйство нуждается почти въ одинаковомъ количествѣ топлива. Если не обращать вниманія на соотвѣтствіе податей съ окладными душами, то нельзя не признать, что дѣлежъ лѣса по потребностямъ домохозяйствъ былъ бы много разумнѣе. Въ виду этого во многихъ все-таки общинахъ надѣлъ лѣса производится поровну на всякій дворъ (напр., въ Чернетчинѣ Сумскаго у. Харьковской губ.) [85]); въ этомъ случаѣ и лѣсной налогъ дѣлится по дворамъ. Величина лѣснаго надѣла зависитъ какъ отъ количества имѣющагося у общины лѣса, такъ и отъ нужды въ немъ. Рубить другой лѣсъ, кромѣ указаннаго міромъ, строго воспрещается и виновные подвергаются разнообразнымъ, смотря по степени нанесеннаго общинѣ убытка, штрафамъ и наказаніямъ. Въ тѣхъ рѣдкихъ общинахъ, гдѣ лѣсъ дѣлится на сравнительно долгіе сроки, происходятъ частныя переверстки и лѣсныхъ надѣловъ. Встрѣчаются такія общины (какъ кажется рѣдко), гдѣ установлено подворное пользованіе пайками лѣса (напр., нѣсколько общинъ въ Острогожскомъ у. Воронежской губ.) [86]).

Мы указали въ общихъ чертахъ способы разверстанія угодій въ общинахъ великорусскаго типа; многіе важные, хотя и детальные вопросы, связанные съ разверстаніемъ, будутъ указаны въ дальнѣйшемъ изложеніи; точно также придется говорить о разверстаніи угодій въ общинахъ смѣшаннаго съ великорусскимъ типа. Теперь укажемъ только на общины, гдѣ «на траву мечется жребій не по душамъ и тягламъ, но по числу скота въ каждомъ дворѣ» [87]). Эти общины не подходятъ ни подъ одну изъ выше перечисленныхъ рубрикъ, но такъ какъ о нихъ

имѣется очень мало указаній въ литературѣ, то мы и ограничимся только что сказаннымъ. Мы говоримъ уже о міроплатимыхъ, упалыхъ душахъ, т. е. о брошенныхъ почему либо надѣлахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (въ общинахъ высоко-обложенныхъ земель) къ нимъ прилагается особый способъ пользованія. Въ Острогожскомъ у., Воронежской губ., напр., эти надѣлы отводятся въ одинъ общій участокъ-особнякъ; «общества сдаютъ особняки обыкновенно своимъ односельцамъ (и нерѣдко тѣмъ изъ нихъ, съ которыхъ сняты души въ особнякъ) по рыночнымъ цѣнамъ въ аренду, а разницу между арендною платою и платежами покрываютъ съ помощью разверстки недостающей суммы между всѣми наличными хозяевами»[66]). Такое пользованіе особняками является переходомъ къ передѣлу.

Иногда общины владѣютъ какою либо общею собственностью, напр., каменоломнями, пристанями, мельницами, амбарами и т. п.; въ этихъ случаяхъ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, такія мѣста и зданія почти всегда сдаются въ аренду, а полученныя деньги вычитаются изъ общей суммы лежащихъ на общинѣ податей. Если каменоломни и т. п. не имѣютъ большой цѣнности, пользованіе ими является вольнымъ, обыкновенно на началахъ «захвата». Нѣкоторыя общины покупаютъ на общій счетъ мірскаго быка, который впослѣдствіи продается. Нельзя здѣсь кстати не упомянуть объ остаткахъ прежде существовавшихъ «общихъ столовъ» и «общихъ обѣдовъ», которые реорганизировались на чисто общинныхъ, а, слѣдовательно, и крайне странныхъ началахъ, такъ какъ въ одной изъ общинъ

Саратовской губерніи купленный на общій счетъ быкъ жарится и его мясо распредѣляется между общинниками по числу окладныхъ душъ. Въ Московской губерніи во время сѣнокоса крестьяне пьютъ водку, купленную на деньги, вырученныя отъ «продажи» оставшихся отъ передѣла отрѣзковъ земли. Водка дѣлится въ этомъ случаѣ по числу душъ или тяголъ [89]). Говоря объ отъ-общинныхъ формахъ, намъ придется еще сказать нѣсколько словъ про «общіе обѣды».

Помимо общинныхъ функцій по вопросамъ земледѣльческимъ и податнымъ мы должны указать еще на два разряда общинной дѣятельности. Первый изъ нихъ г. Трироговъ называетъ «административною частью общины». «Проявленіе этого рода дѣятельности», говоритъ онъ: «выражается: а) въ раздѣленіи мірского скота на отдѣльныя стада; б) въ наймѣ пастуховъ; в) въ отводѣ выпусковъ; г) въ мѣрахъ обезпеченія продовольствія (общественная запашка); д) въ устройствѣ загородей» [90]). Первые два вида этой дѣятельности понятны сами собою; что касается третьяго, то рѣчь идетъ о томъ, что мірской сходъ имѣетъ право рѣшить вопросъ, пасти ли скотъ на парѣ, отавѣ, стернѣ, пускать ли его въ лѣсъ или завести отдѣльный выгонъ. Перейдемъ теперь къ двумъ послѣднимъ видамъ административной дѣятельности. Сельскіе продовольственные магазины пополняются по рѣшенію міра или сборомъ зерна съ хозяевъ, или сборомъ денегъ, на которыя покупается это зерно, или, наконецъ, урожаемъ съ общественныхъ запашекъ. Въ послѣднемъ случаѣ общество отводитъ опредѣленный участокъ земли, который

обработывается соединеннымъ трудомъ и капиталомъ общинниковъ. Собраннымъ съ такого участка зерномъ и наполняются магазины. О томъ, какъ относятся общинники подъ вліяніемъ разныхъ экономическихъ условій къ общественнымъ запашкамъ, какъ прививаются и организуются послѣднія, мы скажемъ ниже. Общія изгороди устраиваются для того, чтобы скотъ не потопталъ посѣвовъ. Работа производится обыкновенно въ одно время, причемъ каждое домохозяйство принуждено сработать опредѣленное по числу лежащихъ на немъ окладныхъ душъ количество саженъ изгороди. Назначеніе дается сначала осьмаку (гдѣ имѣется это дѣленіе), а затѣмъ уже члены послѣдняго дѣлятъ работу между собою. Работа производится въ большинствѣ случаевъ вполнѣ исправно: въ Архангельской, напр., губерніи міръ, подѣливъ всю изгородь посаженно на участки, раздаетъ ихъ своимъ членамъ; «спросите мужика», пишетъ г. Сергѣевъ, «часто ли бываютъ случаи неисправной работы», отвѣтъ будетъ одинъ: «нѣтъ, этого, слава Богу, у насъ не бывало; въ рѣдкость это у насъ» [91]).

Второй разрядъ общинныхъ функцій относится, такъ сказать, къ филантропической области. Нельзя не замѣтить однако, что общинники бываютъ иногда непосредственно заинтересованы въ поддержаніи падающаго хозяйства, въ воспитаніи сиротъ-мальчиковъ, которые помогутъ имъ впослѣдствіи нести податное бремя. На первое мѣсто мы должны поставить призрѣніе вдовъ, сиротъ, безродныхъ подкидышей, стариковъ, глухонѣмыхъ, безнадежно больныхъ,—всѣ эти люди содержатся

иногда на общественный счетъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Содержаніе, напр., стариковъ идетъ «по наряду» отъ сосѣда къ сосѣду, причемъ каждый прокармливаетъ призрѣваемаго въ теченіе сутокъ; помѣщеніе для него въ однихъ случаяхъ нанимается, въ другихъ онъ просто переходитъ изъ угла въ уголъ. Вдовамъ, напр., выдѣляется пай изъ продукта съ каждаго двора, отводится хворостъ и возится по наряду и пр. Существуетъ также такъ называемая тихая милостыня—преимущественно вдовья помочь; авторъ «Деревенскихъ будень» разсказываетъ объ одномъ случаѣ слѣдующее: «Обыкновенно, неизвѣстно какъ, каждое утро приносятъ кто хлѣба, кто квасу, молока, яицъ и проч.» [92]). Калѣкамъ міръ просто даетъ пособіе по нѣсколько мѣръ хлѣба въ мѣсяцъ, слѣпые тоже получаютъ хлѣбъ, а иногда и квартиру; общество постановляетъ иногда приговоръ о доставленіи такому-то на общественный счетъ одежды. Приведемъ еще одинъ характерный фактъ изъ общиннаго быта. «При повальныхъ болѣзняхъ, постигающихъ иногда населеніе нашихъ деревень», пишетъ Орловъ о Московской губерніи: «міръ обыкновенно «наряжаетъ» здоровыхъ людей топить печи, готовить кушанье и ухаживать за дѣтьми въ тѣхъ дворахъ, гдѣ всѣ рабочіе члены семьи больны» [93]). Затѣмъ идетъ поддержка пострадавшихъ отъ несчастія (напр., пожаръ, падежъ скота и т. п.), поддержка, выражающаяся разнообразными способами, зачастую въ отмѣнѣ всѣхъ или части податей при сохраненіи надѣла или же въ видѣ помочей, о которыхъ намъ придется еще говорить. Какъ ни странно, но и эта

сторона общинной дѣятельности подверглась нападкамъ со стороны анти-общинниковъ; эти нападки могутъ быть выражены такой фразой, что разсчетъ на помощь собратьевъ подавляетъ охоту къ труду и занятію.

Не говоря уже о томъ, что община строга къ лѣнивому, что она помогаетъ только дѣйствительной не лицемѣрной нуждѣ, нельзя не замѣтить, что такое указаніе осуждаетъ и филантропическую дѣятельность государства, городовъ и пр., что не выдерживаетъ, разумѣется, и слабой критики.

Помимо этихъ функцій міръ, связанный въ одно цѣлое системой землевладѣнія, является иногда солидарною силою и въ дѣлѣ отстаиванія своихъ членовъ отъ безчестныхъ поступковъ однообщинниковъ (напр. конокрадовъ, рѣже кулаковъ) и постороннихъ. Міръ играетъ главную роль въ общинной жизни, хотя и подпадаетъ иногда подъ кулацкое вліяніе; распредѣленіе земли, податей, нѣкоторыхъ работъ зависитъ всецѣло отъ него; онъ же налагаетъ на провинившихся крестьянъ штрафы и организуетъ, гдѣ надо, помощь. Правда, сельское начальство пріобрѣтаетъ извѣстную власть при взысканіи податей, но является съ аттрибутами власти не какъ уполномоченный міра, а какъ исполнитель приказаній стоящаго надъ деревней начальства. На обязанности міра лежитъ также назначеніе разнаго рода репрессалій по отношенію къ недоимщикамъ, но эта обязанность не является логическимъ слѣдствіемъ власти міра, а поручена ему извнѣ.

Что касается до пользованія арендованной общинниками землей, то общинный принципъ всегда проявляется въ обязательной разверсткѣ послѣдней по качеству. Снимаемая земля дѣлится на доли по числу внесенныхъ каждымъ денегъ, но эти доли не находятся на разъ навсегда опредѣленныхъ мѣстахъ, а передвигаются сообразно съ обнаружившимися неизвѣстными раньше (до урожаевъ) свойствами почвы. Ясно, что для достиженія полной уравнительности въ величинѣ долей и полной соотвѣтственности съ количествомъ внесенныхъ каждымъ денегъ общинники дѣлятъ землю на коны и получаютъ чрезполосно лежащіе участки. Такимъ образомъ на арендованной землѣ практикуется нѣчто въ родѣ четвертнаго владѣнія, съ сущностью котораго придется еще познакомиться. Однако на арендованной землѣ устраивается иной разъ и чистая община, причемъ земля и арендная плата распредѣляются по окладнымъ душамъ. Въ 11 общинахъ Трубчевскаго у. Орловской губер. встрѣчается общественная аренда: «арендуемая земля между крестьянами распредѣляется въ большинствѣ случаевъ по числу надѣльныхъ и только въ двухъ общинахъ пропорціонально суммѣ вносимыхъ денегъ» [94]). Арендуемые выгоны сплошь и рядомъ находятся въ общинномъ владѣніи.

III.

Сельско-хозяйственная культура и общинное владѣніе.

Прежде чѣмъ указать на неблагопріятныя и даже прямо враждебныя существованію общины условія, остановимся на тѣхъ нападкахъ, которымъ подвергается она, какъ извѣстный типъ землевладѣнія. Принципіальный протестъ противъ общины основывается на томъ положеніи, что данный типъ землевладѣнія задерживаетъ ростъ національнаго богатства (дохода). Противники общиннаго землевладѣнія подчеркиваютъ это обстоятельство, смѣло игнорируя тѣ выгоды, которыя получаются націей отъ сравнительно (съ подворнымъ) цѣлесообразнаго распредѣленія земли. Безпристрастный анализъ долженъ, разумѣется, коснуться того и другого вопроса.

Всѣ указанія на то, что общинное землевладѣніе задерживаетъ ростъ національнаго богатства, могутъ быть подведены подъ двѣ главныя рубрики: во-1-хъ) община играетъ эту роль, какъ одна изъ разновидностей мелкаго землевладѣнія; во-2-хъ) она играетъ эту роль въ силу ей одной присущихъ, отличающихъ ее отъ подворнаго землевладѣнія признаковъ. Разборъ первыхъ положеній не относится къ избранной нами темѣ; намъ придется только мимоходомъ коснуться вопроса о крупныхъ хозяйствахъ, почему мы и отсылаемъ желающихъ познакомиться съ защитой мелкаго землевладѣнія къ популярному у насъ сочиненію Милля

«Основанія политической экономіи» (томъ I, книга 2-я, глава 6) *). Вторая группа положеній, на разборѣ которыхъ мы и остановимся, можетъ быть разбита на три главныя рубрики: указаніе на вредъ отъ способа дѣлить землю, на вредъ періодическихъ передѣловъ и обязательнаго сѣвооборота.

Принятый общинами способъ дѣлить землю порождаетъ чрезполосицу: пахотные, такъ же, какъ и сѣнокосные участки, принадлежащіе одному работнику или домохозяйству, находятся въ разныхъ мѣстахъ. (Въ одномъ полѣ общинникъ получаетъ иногда 30 полосъ). Такая чрезполосица невыгодно отзывается, по разбираемому нами мнѣнію, на земледѣльческомъ производствѣ; одною изъ такихъ невыгодъ считается трата времени при переѣздахъ съ одной полосы на другую. Нѣтъ сомнѣнія, что на переѣзды тратится время, но не надо забывать, что они требуютъ въ большинствѣ случаевъ нѣсколько минутъ, которыя посвящались бы иначе необходимому отдыху. Вотъ, напр., не лишенная интереса иллюстрація къ нашимъ словамъ. Изслѣдователи Вяземскаго уѣзда Смоленской губерніи взяли для примѣра типичную волость изъ 14 деревень; они брали самое длинное поле и пришли къ тому выводу, что при такой незначительной длинѣ полей переѣздъ съ полосы на полосу не представляетъ ни значительныхъ неудобствъ, ни потери времени такой, о которой стоило бы распространяться. На переѣздъ по полю даже въ двѣ квадратныхъ версты потребуется меньше времени,

*) Мы не считаемъ, впрочемъ, аргументацію Д. С. Милля полной.

чѣмъ сколько необходимо для передышки пахаря и лошади[95]). Въ крупныхъ хозяйствахъ батраческаго труда чрезполосица дѣйствительно невыгодна: управляющему трудно смотрѣть за батраками, работающими въ разныхъ частяхъ поля; опасаясь небрежной работы, онъ долженъ затрачивать массу времени, кидаясь съ одного конца поля на другой. Землепашцу же общиннику нѣтъ никакой надобности постоянно ѣздить съ одной полосы на другую: есть чрезполосица или ея нѣтъ, онъ работаетъ одинаково усердно или лѣниво. Какъ кажется, этотъ упрекъ сдѣланъ общинному владѣнію по недоразумѣнію: позабыли о разницѣ между управляющимъ и землепашцемъ-работникомъ. Вторая невыгодная сторона чрезполосицы — это узкость пахотныхъ полосъ, не допускающая благопріятно вліяющаго на производительность почвы поперечнаго пахавія. Такое явленіе дѣйствительно наблюдается, но его значеніе ослабляется 2-мя обстоятельствами: во-1-хъ) поперечное пахавіе далеко не такъ необходимо при мелкомъ хозяйствѣ, какъ при крупномъ: землепашецъ-собственникъ можетъ достигнуть желаемаго совершенства болѣе тщательнымъ продольнымъ (а, пожалуй, и въ косвенномъ направленіи) паханьемъ; во-2-хъ) и сами общинники безъ постороннихъ указаній догадываются устранять такое неудобство, разъ только послѣднее дѣйствительно тяготитъ ихъ: «въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ», говоритъ К. Д. Кавелинъ (далеко не другъ общины): «уже возникаетъ мысль о крайнемъ (?) неудобствѣ раздѣленія пашни на мелкія полоски и о необходимости разбить ее на болѣе крупные загоны»[96]).

Узкость полосъ считается также невыгодною оттого, что зерно попадаетъ во время сѣва на чужія полосы, точно также ихъ трудно бороновать. Но полосы въ 11 аршинъ считаются вполнѣ удобными для хозяйства, а слѣдовательно полосы общинниковъ далеко не такъ узки, какъ это говорятъ. В. Орловъ указываетъ, что въ 124 деревняхъ Московской губерніи ширина полосъ, колеблясь отъ 3 до 45 аршинъ, равняется въ среднемъ 11 аршинамъ [97]); про Бузулукскій у. Самарской губерніи нельзя сказать, чтобы загоны были слишкомъ узки для того, чтобы ихъ узкость лишала земледѣльца возможности пахать ихъ вдоль и поперегъ. Изъ 117 общинъ, въ которыхъ собраны свѣдѣнія о ширинѣ душевыхъ загоновъ въ пахотныхъ угодьяхъ, только въ 7 общинахъ ширина ихъ не превышаетъ 1—$^1/_2$ сажени.

Въ	14	общинахъ	не превышаетъ	2	саженъ
»	43	»	»	5	»
»	27	»	»	10	»
»	14	»	»	15	»
»	5	»	»	20	»
»	14	»	»	1	десятины [98]).

Но и помимо такихъ прямыхъ указаній на достаточную ширину полосъ, крайне комично ратовать противъ общины, ссылаясь на узкія полосы. Комично во первыхъ потому, что техника дѣлежа земли иногда влечетъ за собою сильное дробленіе пашни, иногда нѣтъ и во всякомъ случаѣ можетъ измѣняться сообразно съ предъявляемыми требованіями, а во-вторыхъ и потому, что широкія полосы прямо считаются въ нѣкоторыхъ

случаяхъ невыгодными для сельско-хозяйственныхъ цѣлей. Такъ, напр., хлѣба, растущіе на глинистой почвѣ, подвергаются вымочкамъ; для того, чтобы избѣжать послѣднихъ, полоса пашется бугоркомъ: средина ея остается возвышенной и понижается къ краямъ; эта-то выпуклость и не даетъ водѣ застаиваться. На полосахъ же шириною въ 15 — 20 аршинъ такая пахота становится невозможною. Изъ преній въ Стат. отд. Моск. Юр. Общ. выяснилось, что общины, точнѣе встрѣчающіяся послѣ передѣла земли узкія полосы не препятствуютъ, какъ утверждали, примѣненію плуговъ. А. А. Головачевъ указалъ, «что плугами можно пахать на узенькихъ полоскахъ; правда, послѣднія не допускаютъ, конечно, поперечной пашни, но она у насъ и непригодна, такъ какъ ведетъ лишь къ образованію вымочекъ на отдѣльныхъ квадратахъ, въ которыхъ задерживается вода. Между тѣмъ одна продольная пашня вполнѣ удовлетворяетъ цѣлямъ паханія. Къ этому Н. В. Всеволожскій (землевладѣлецъ Мещовскаго уѣзда Калужской губерніи) добавилъ, что въ настоящее время совсѣмъ перестали пахать кругомъ, такъ какъ такое паханье даетъ много огрѣховъ и что плуги вполнѣ примѣнимы и при узкихъ полосахъ» [99]). Къ этому добавимъ еще, что примѣры распространенія плуговъ въ другихъ уѣздахъ, гдѣ имъ приходится пахать на узкихъ полосахъ, прямо свидѣтельствуютъ, что послѣднія «не составляютъ препятствія для примѣненія плуговъ и ихъ распространенія» [100]). Говоря вообще, равнокачественность надѣла такъ важна для крестьянъ, что они охотно мирятся (въ тѣхъ случаяхъ, когда надо мириться) съ

узкими полосами, тѣмъ болѣе, что помѣняться землею для полученія болѣе широкихъ полосъ очень легко; бываютъ, напр., случаи, что одинъ пашетъ полосы двухъ домохозяйствъ въ одномъ концѣ, другой въ другомъ. Указаніе на третью невыгодную сторону чрезполосицы опять-таки основывается на недоразумѣніи и незнаніи условій общиннаго быта: говорятъ о затаптываніи сосѣднихъ полосъ при поворотѣ земледѣльческихъ орудій и о засореніи полосъ растущими по межникамъ сорными травами. Мы уже знаемъ, что между концами проводятся дорожки, устраняющія первое неудобство; правда, что общинники по взаимному согласію могутъ запахать эту дорожку, но міръ заставляетъ возобновить ее по первому требованію одного изъ заинтересованныхъ. Такимъ образомъ вопросъ о названномъ неудобствѣ разрѣшается самими общинниками. Нельзя не замѣтить, что міръ очень щепетиленъ въ этихъ вопросахъ; такъ, напр., тѣмъ общинникамъ, которые получили надѣлъ около проѣзжей дороги, міръ нарѣзаетъ нѣсколько лишней земли, какъ вознагражденіе за порчу растущихъ при дорогѣ хлѣбовъ. Если подобная чрезполосица и встрѣчается иногда, то, во-первыхъ, это крайне рѣдкое, а во-вторыхъ, устранимое явленіе. До какой степени рѣдка подобная чрезполосица, видно изъ слѣдующаго факта. Изъ 2,748 деревень Ярославской губерніи только въ 216 (т. е. 7,8%) надо проѣхать на свою полосу чрезъ полосу сосѣда. Указаніе на засореніе полосъ сорными травами имѣетъ мало значенія: межники встрѣчаются у общинниковъ далеко не всегда и болѣе половины общинъ отдѣляютъ полосы

глубоко пропаханными бороздами; межники же сохраняются крестьянами потому, что вредъ отъ нихъ вовсе не такъ уже страшенъ: многіе крестьяне просто отрицаютъ, что межники даже «при значительной ширинѣ вытягиваютъ изъ краевъ полосъ удобреніе и способствуютъ засоренію полей» [101]). А ужъ общинникамъ болѣе, чѣмъ подворнымъ владѣльцамъ, надо ратовать противъ межниковъ, такъ какъ послѣдніе, благодаря несовершенству орудій, съ трудомъ распахиваются крестьянами при передѣлахъ. Мало всего этого: чрезполосица имѣетъ и свою выгодную сторону для землепашца: градъ, дождь полосой, вымочки и пр. заставляютъ крестьянина пахать въ разныхъ мѣстахъ изъ справедливаго опасенія, что сплошной загонъ легче подвергнетъ хозяина убыткамъ, чѣмъ разбросанные въ разныхъ мѣстахъ клочки пашни. Г. Трироговъ писалъ о Саратовской губерніи слѣдующее: «разбросанность мелкихъ клочковъ земли (загоновъ) нерѣдко въ десяти различныхъ мѣстахъ обширнаго поля ставится обыкновенно въ упрекъ общинному владѣнію, а сами общинники, какъ обнаруживается изслѣдованіемъ, въ этомъ видятъ спасеніе, крѣпко придерживаясь теоріи вѣроятностей въ отношеніи климатическомъ. Даже частный ежегодный съемщикъ земли избѣгаетъ представляющейся ему возможности снять въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ участкѣ 70 десятинъ и, придерживаясь той же теоріи вѣроятностей, снимаетъ въ одномъ и томъ же полѣ нѣсколько участковъ» [102]). Въ виду сравнительной оригинальности этого замѣчанія мы приведемъ данныя еще о двухъ мѣстностяхъ Россіи, причемъ въ пер-

вомъ случаѣ будемъ говорить о болгарахъ. Дѣло идетъ о Ѳеодосійскомъ у. Таврической губерніи: «какъ извѣстно, въ Крыму урожай хлѣбовъ, въ особенности яровыхъ, почти исключительно зависитъ отъ своевременныхъ весеннихъ дождей, между тѣмъ послѣдніе очень часто спадаютъ полосами, отчего нерѣдко въ одномъ и томъ же полѣ, въ одномъ углу получается хорошій урожай, а въ сосѣднемъ участкѣ далеко неудовлетворительный». Поэтому, если бы болгары отводили каждому хозяину пашню къ одному мѣсту, то отдѣльный хозяинъ былъ бы менѣе застрахованъ отъ неурожая, чѣмъ теперь, когда его посѣвы разбросаны полосами по всему пахотному полю. Подобныя соображенія изслѣдователямъ приходилось слышать не только отъ болгаръ, но и отъ русскихъ и нѣмцевъ [103]). Съ такой же мотивировкой мы встрѣчаемся у общинниковъ Мелитопольскаго у. Таврической губерніи [104]). Введеніе чрезполосицы въ Елисаветградскомъ у. Херсонской губерніи объясняется, между прочимъ, «и стремленіемъ крестьянъ имѣть посѣвы въ разныхъ мѣстахъ въ той надеждѣ, что если не то, такъ другое мѣсто зацѣпитъ дождикъ и все-жъ ровнѣе урожай будетъ» [105]). Крестьянину гораздо выгоднѣе получить три среднихъ урожая, чѣмъ два хорошихъ и одинъ полный неурожай, могущій въ конецъ разорить его; вотъ поэтому онъ и не хочетъ имѣть землю въ одномъ отрубѣ [106]). Встрѣчаются и исключительныя указанія на выгодность чрезполосицы; такъ, напр., въ Федоровкѣ Мелитопольскаго у. Таврической губ. крестьяне находятъ, что малыя полосы хозяева съ большею тщательностью обработываютъ, чѣмъ большія [107]).

Протестуя противъ преувеличенныхъ нападокъ на чрезполосицу общиннаго землевладѣнія, мы вовсе не желаемъ отрицать, что ея отсутствіе, при извѣстныхъ условіяхъ, было бы желательно. Напротивъ того третій типъ общиннаго землевладѣнія (артель), до котораго можетъ эволюціонно развиться велико-русская община, считается нами желательнымъ между прочимъ и потому, что при немъ нѣтъ этихъ мелкихъ неудобствъ (напр., встрѣчающаяся нерѣдко затруднительность поперечнаго паханія, необходимость оставлять землю подъ головниками; при общинѣ-артели теряетъ также значеніе и только что указанное преимущество чрезполосицы). Посмотримъ теперь, имѣетъ-ли мелкое подворное владѣніе какое либо преимущество передъ общиннымъ въ этомъ частномъ случаѣ. Всѣ перечисленныя неудобства могутъ явиться только результатомъ крайней — дошедшей до предѣловъ возможнаго — чрезполосицы; послѣдняя же, какъ результатъ наслѣдованія купли, продажи, даренія, аренды, выражается при подворномъ землевладѣніи еще въ болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ при общинномъ. Да это и естественно: общинники путемъ передѣловъ могутъ уменьшить ставшую тормазомъ культурѣ чрезполосицу, подворникамъ же въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ чужда даже мысль о такомъ передѣлѣ. Самый фактъ равномѣрнаго наслѣдованія предполагаетъ тотъ же способъ дѣлежа земли, что и общинный. Не употребляя ссылокъ на западныя страны для того, чтобы указать существованіе крайней чрезполосицы въ подворныхъ хозяйствахъ (хотя эти ссылки не разъ доказывали вѣрность только что

высказаннаго положенія), укажемъ на чрезполосицу нѣкоторыхъ мѣстностей подворной Россіи. «Какъ въ сельско-хозяйственной, такъ и въ общей нашей литературѣ», говоритъ С. Я. Капустинъ: «содержится много указаній на нѣкоторыя злобы дня во всей западной части Россіи. Въ числѣ ихъ главнымъ образомъ фигурируютъ указанія на чрезполосицу и ссоры землевладѣльцевъ [108]). Въ сѣверо-западномъ краѣ крестьянскій надѣлъ каждаго населенія, не связанный общиннымъ началомъ, представляетъ поражающую чрезполосность, которая современемъ должна достигнуть такихъ размѣровъ, что всякое улучшеніе въ сельскомъ хозяйствѣ станетъ невозможнымъ» [109]). Въ Полтавскомъ, напр., уѣздѣ, гдѣ господствуетъ «почти исключительно» подворно—наслѣдственная форма владѣнія землею, дробленіе усадебныхъ участковъ дошло до предѣловъ возможнаго; возникли крайнія чрезполосица и многополосица [110]). Въ Миргородскомъ уѣздѣ, гдѣ только одна деревня общинниковъ, встрѣчаются тѣ же слѣдствія подворнаго владѣнія [111]). Близкое по своей сущности къ подворному—четвертное владѣніе породило въ Тимскомъ уѣздѣ Курской губерніи страшную чрезполосицу: «чрезполосица самая мелкая представляетъ вообще самую характерную особенность четвертнаго землевладѣнія, что и вполнѣ понятно, такъ какъ у четвертниковъ безъ очень важнаго повода передѣловъ не бываетъ и раздѣлы полосъ производятся съ каждымъ раздѣломъ семьи; еще пока три брата живутъ вмѣстѣ, загонъ въ 2 сажени ширины пахать можно, а какъ подѣлились, каждому достается такая узкая лента, что

и борону протащить нельзя; на вопросъ: «какъ широки у васъ загоны?» крестьяне весьма часто отвѣчали такъ: «да вотъ какъ борону тащить, а сосѣдній загонъ скородишь!» [112]). О четвертномъ владѣніи въ Предтечевской вол. Елецкаго у. Орловской губ. мы читаемъ «расположеніе угодій является рѣзко различнымъ для общинныхъ и четвертныхъ земель: послѣднія вездѣ—кромѣ дер. Курасовки, гдѣ почти вся земля въ одномъ участкѣ,—находятся въ страшной чрезполосицѣ; напротивъ первыя преимущественно въ одномъ, рѣдко въ двухъ особнякахъ для каждаго общества. Особенно рѣзко это различіе проявляется въ тѣхъ обществахъ, гдѣ часть земли находится въ общинномъ, а часть въ четвертномъ владѣніи» [113]). Приведемъ кстати одинъ историческій фактъ: извѣстно, что въ Россіи въ дворянскихъ имуществахъ, закрѣпленныхъ за помѣщичьими родами въ XVIII столѣтіи, уже въ первой четверти XIX-го завелась такая чрезполосность, что правительство вынуждено было приступить повсемѣстно къ такъ называемому спеціальному размежеванію, сначала добровольному, впослѣдствіи понудительному; операція эта продолжалась болѣе 30 лѣтъ и оказалась такою сложною, что никогда не могла быть приведена къ окончанію» [114]). Нельзя не замѣтить, что переходъ отъ общиннаго владѣнія къ подворному породилъ бы еще болѣе широкую, чѣмъ теперь, аренду участковъ малосемейныхъ крестьянъ многосемейными, а это естественно вызоветъ ужасающую чрезполосность, съ примѣромъ которой приходилось встрѣчаться.

К. Д. Кавелинъ, выдающійся юристъ, но не сильный экономистъ-политикъ, предложилъ замѣнить общинное владѣніе неприкосновенною и неотчуждаемою собственностью сельскихъ обществъ: члены такихъ обществъ должны имѣть «лишь право наслѣдственнаго владѣнія и пользованія этою землею безъ права ее закладывать или какимъ либо образомъ отчуждать на правахъ собственности» [115]) *). Нѣтъ сомнѣнія, что и этотъ способъ владѣнія землею не уничтожитъ чрезполосицы. Кавелинъ говоритъ, что «сохранится весьма драгоцѣнное право общества по взаимному соглашенію домохозяевъ уничтожить чрезполосицу»... [117]); но во-1-хъ она непремѣнно явится, какъ прямой и неизбѣжный результатъ наслѣдованія, а во-2-хъ и въ настоящее время общинники употребляютъ для ея устраненія «общія» переверстки, а подворники, хотя и примѣняютъ ихъ изрѣдка, но, тѣмъ не менѣе, нельзя постоянно разсчитывать на взаимное ихъ соглашеніе; есть не мало указаній, что его нельзя добиться никакими путями. Оставляя неприкосновенной одну изъ главныхъ причинъ явленія, нечего и думать о его устраненіи. Такимъ образомъ мы не можемъ считать чрезполосицу характерною чертою общиннаго владѣнія: она встрѣчается какъ при подворномъ, такъ и при наслѣдственно не отчуждаемомъ (хотя бы чиншевомъ) способѣ владѣнія землею.

Наиболѣе сильные протесты обрушиваются, впрочемъ, на передѣлы. Даже въ настоящее время, не

*) Еще въ 59 году Кавелинъ писалъ: „Отъ передѣловъ мірской земли рано или поздно придется отказаться совсѣмъ, это безспорно“ [116]).

смотря на всесторонній анализъ этого вопроса профессоромъ Посниковымъ, многіе указываютъ на нихъ, какъ на сильный тормазъ для производительности сельскаго хозяйства. Общинникъ, тщательно вспахавшій и унавозившій свои пашни, можетъ получить при передѣлѣ не унавоженныя и даже запущенныя земли. Въ силу этого, продолжаютъ противники общиннаго владѣнія, крестьянинъ за нѣсколько лѣтъ до передѣла забрасываетъ надѣлъ, истощаетъ его и такимъ образомъ не рискуетъ потерпѣть убытка; такое отношеніе къ землѣ влечетъ за собою истощеніе почвы и невозможность для общинника перейти къ высшей системѣ хозяйства. Но если общиннику и нѣтъ разсчета производить въ послѣднее время передъ передѣломъ долго окупающіяся затраты, то такія затраты и вообще-то рѣдко дѣлаются въ Россіи, да и дѣлать-то ихъ можно въ первые годы владѣнія землею, а затѣмъ поддерживать нужное statu quo своей почвы. Міръ не позволитъ своему члену обращаться съ землею такъ, какъ обращается съ нею кулакъ-арендаторъ; ему не позволятъ выжать изъ земли послѣдніе соки посѣвомъ льна, табаку, свеклы и т. п. растеній, «такъ, напримѣръ, во многихъ общинахъ Ошейкинской, Кульпинской и Яропольской волостей Волокаламскаго уѣзда Московской губерніи, гдѣ крестьяне въ довольно широкихъ размѣрахъ занимаются льноводствомъ, міръ запрещаетъ сѣять на своемъ душевномъ надѣлѣ болѣе одного четверика льна, такъ какъ ленъ сильно истощаетъ землю» [118]); сѣя же хлѣбныя растенія и кормовыя травы, общинникъ не истощитъ свой надѣлъ. Въ общинѣ Староу-

хинской Чернскаго уѣзда Тульской губерніи «каждый хозяинъ обязанъ унавоживать свою полосу и продажа навоза на сторону не дозволяется»[119]. Здѣсь мы опять встрѣчаемся со смѣшеніемъ условій частно-арендпаго и общиннаго хозяйства. Общинники принимаютъ, вообще говоря, цѣлый рядъ мѣръ для того, чтобы устранить вышеуказанное неудобство; такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ общинахъ міръ даетъ денежную приплату тому лицу, которое получитъ при передѣлѣ «пустырь», т. е. совершенно заброшенную землю. Этотъ одинъ изъ способовъ устраненія темныхъ сторонъ передѣла подвергся критикѣ еще въ пятидесятыхъ годахъ. «Приплату могутъ давать только богатые крестьяне», писалъ С. С. Ивановъ: «да и величина ея должна постоянно возвышаться съ улучшеніемъ земледѣлія», такъ что можно опасаться, что эта приплата приблизится къ продажной цѣнѣ земли[120]. Послѣднее опасеніе, разумѣется, лишено всякаго основанія, такъ какъ здѣсь уплачивается стоимость удобренія и труда, потраченнаго на него, что въ большинствѣ случаевъ составляетъ ничтожнѣйшую часть цѣны земли. Что касается до того, что приплату можетъ давать только богатый крестьянинъ, то это мнѣніе крайне неосновательно. Во-первыхъ, эти приплаты не очень велики; во-вторыхъ, что самое главное, онѣ могутъ быть разсрочены и большая часть ихъ можетъ выдаваться послѣ урожаевъ съ унавоженной земли. Получившій плохую истощенную полосу получитъ и больше земли. Мало того, пустыри остаются иногда внѣ передѣла у тѣхъ домохозяйствъ, которыя ихъ забросили, такъ что земли домохозяйствъ, забро-

сившихъ хлѣбопашество, выдѣляются въ особый конецъ. Опять-таки для того, чтобы земля не портилась, міръ велитъ иногда пахать ее, не засѣвая, или приказываетъ сдать надѣлъ арендатору; міръ запрещаетъ иногда продавать навозъ на сторону и принуждаетъ каждаго домохозяина вывозить навозъ на имѣющійся у него надѣлъ. Въ одной общинѣ Бѣлгородскаго уѣзда Курской губерніи «въ виду частыхъ переверстокъ унавоживаніе земли вмѣнено каждому домохозяину въ обязанность, (санкціонированную даже общественнымъ приговоромъ), если же кто не унавоживаетъ своего пахатнаго участка, тому при переверсткѣ даютъ прежнюю полосу и на новое мѣсто не пересаживаютъ» [121]). Удобренныя полосы остаются внѣ передѣла у тѣхъ домохозяйствъ, которыя приложили къ нимъ много труда; впрочемъ, это правило нарушается, разъ въ домохозяйствѣ есть убылыя души. Не надо также забывать, что сильная разница въ удобреніи разныхъ полосъ является, сравнительно, очень рѣдко. Въ Уржумскомъ уѣздѣ Вятской губерніи «при передѣлахъ пашенъ и сѣнокосовъ придерживаются слѣдующихъ двухъ условій: 1) унавоженныя полосы остаются за тѣми дворами, которые ранѣе владѣли ими, и только излишки поступаютъ во владѣніе другихъ крестьянъ; 2) расчищенные сѣнокосы остаются у прежнихъ владѣльцевъ, за исключеніемъ излишковъ» [122]). А вотъ, напримѣръ, такая аргументація крестьянина на вопросъ, не мѣшаютъ ли удобренію передѣлы: «Богъ дастъ, соберу хорошій урожай, а тамъ пусть пользуется другой, который не сдюжаетъ удобрить съ мое» (Блазновская община Тверской губер-

нія) [123]). Въ Тетюшскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, напримѣръ, образуются для унавоженныхъ полосъ особые жеребья, такъ что «при передѣлахъ совершенно невозможенъ для какого бы то ни было домохозяина обмѣнъ навозника на ненавозную полосу или обратно [124]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ передѣла, послѣ того какъ границы полосъ уничтожены, послѣднія проводятся перпендикулярно прежде бывшимъ полосамъ, такъ что всѣ участки уравниваются по качеству. Разумѣется, эти мѣры практикуются не во всѣхъ общинахъ (да и не всѣ онѣ перечислены), но мы привели ихъ для того, чтобы показать, какъ избѣгаютъ и могутъ избѣжать общинники только что указаннаго неудобства. Въ Княгининскомъ уѣздѣ, не смотря на жеребьевки, удобреніе крестьянскихъ полей примѣняется довольно успѣшно, а въ нѣкоторыхъ общинахъ «можетъ быть названо даже весьма интенсивнымъ». «Вообще», пишутъ изслѣдователи, «такъ или иначе, неудобства, возникающія для унавоженія полей вслѣдствіе ихъ передѣловъ, въ большинствѣ общинъ Княгининскаго уѣзда обходятся крестьянами и общинные порядки сами по себѣ не представляютъ еще какого либо неодолимаго къ тому препятствія» [125]). Приведемъ кстати нѣсколько выдержекъ изъ книги Папаева. «Дѣло въ томъ, что передѣлъ дѣлается всегда въ паровомъ полѣ до удобренія, т. е. наблюдается такой порядокъ, что никому не приходится снимать хлѣбъ къ чужому позему». «Вы убѣдитесь, что каждый крестьянинъ и спитъ и видитъ, какъ бы завести лишнюю коровку, чтобы увеличить количество позема». «Какая тебѣ охота стараться обработывать

свой участокъ получше, когда онъ можетъ попасть чрезъ нѣсколько лѣтъ другому?» «Какъ можно не стараться,—вѣдь отъ земли кормимся» [126]).

Враждебно относящіеся къ періодическимъ передѣламъ (по крайней мѣрѣ наиболѣе безпристрастные изъ нихъ) соглашаются, что съ общиннымъ землевладѣніемъ уживаются высшіе виды сельско-хозяйственной культуры; не согласиться съ этимъ нѣтъ возможности, такъ какъ крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей изстари воздѣлываютъ на общинномъ надѣлѣ овощи, дорогія растенія и даже плодовыя деревья. Подобные факты заставляютъ смягчить безусловно осужденіе передѣловъ и противники общины соглашаются, что передѣлы не имѣютъ вреднаго вліянія въ томъ случаѣ, когда крестьяне приняли одинаковую степень культуры (будь то хозяйство очень высокой или очень низкой культуры). Но если въ общинѣ является лицо, желающее улучшить свое хозяйство при косности остальной массы, то передѣлъ является сильнымъ тормазомъ этому намѣренію. Всѣ положенія опять-таки вертятся на единовременныхъ значительныхъ затратахъ. Общинники легко избѣгаютъ этого затрудненія, оставляя внѣ передѣла тѣ надѣлы, которые не окупили еще труды своихъ временныхъ собственниковъ.

Для устраненія невыгодныхъ сторонъ передѣла князь А. Васильчиковъ предлагалъ установить правило, по которому «домохозяева, не удобрившіе своихъ полосъ въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ передъ передѣломъ, могутъ быть изъяты изъ новой разверстки» [127]). Общинники придерживаются кое-гдѣ этого правила. Всѣ

значительныя единовременныя затраты могутъ легко окупиться, если только общиннику извѣстенъ срокъ передѣла, производимаго через достаточно продолжительные промежутки времени, если будетъ устранена неопредѣленность владѣнія. По вычисленію агрономовъ, промежутокъ въ 12 лѣтъ вполнѣ достаточенъ для введенія всевозможныхъ, почти невиданныхъ еще въ Россіи улучшеній, а наши общинники практикуютъ и устанавливаютъ въ большинствѣ случаевъ десятилѣтніе и болѣе длинные сроки. Въ виду важности указаннаго вопроса приведемъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ. Считая за передѣлы и общія переверстки (вовсе не типичную черту общины), мы получимъ за періодъ съ 1858—78 года слѣдующія данныя по Московской губерніи: болѣе одной трети общины (37,2°/₀) передѣлили землю тотчасъ послѣ 58 года и съ тѣхъ поръ передѣла не было, почти половина общинъ (42,3°/₀) передѣляли землю два раза, въ остальной 1/5 (20°/₀) всѣхъ общинъ земля дѣлилась чаще [128]). Свѣдѣнія о Тамбовской губерніи представляются въ слѣдующемъ видѣ: въ большинствѣ общинъ Темниковскаго уѣзда постановлено произвести передѣлъ черезъ 12 лѣтъ, у нѣкоторыхъ передѣлъ назначенъ черезъ 9—11 лѣтъ [129]); въ Спасскомъ уѣздѣ наибольшая часть общинъ назначила передѣлъ черезъ 12 лѣтъ, 17 общинъ черезъ 10 лѣтъ [130]), въ Козловскомъ уѣздѣ предположенъ 10-ти-лѣтній періодъ между передѣлами [131]), въ Липецкомъ уѣздѣ большинство общинъ рѣшило дѣлиться черезъ 10 и 12 лѣтъ, нѣкоторыя общины дѣлятся черезъ 9 и только Сокольская волость черезъ 6 лѣтъ [132]); въ Лебедянскомъ

уѣздѣ срокъ между передѣлами равенъ 10 годамъ [133]), въ Шацкомъ—тоже [134]), въ Кирсановскомъ уѣздѣ равенъ 10—12 годамъ, въ другихъ случаяхъ=6, такъ какъ болѣе продолжительные сроки считаются неудобными въ виду вздорожанія земли и раздѣла семействъ [135]); въ Моршанскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи болѣе половины сельскихъ общинъ подѣлили землю на 5—7 лѣтъ, меньшая половина на 10—12 лѣтъ; причина краткосрочности между передѣлами лежитъ во-1-хъ въ томъ, что земли этого уѣзда почти не удобряются по многимъ побочнымъ сущности общиннаго владѣнія причинамъ, а во-2-хъ въ томъ, что крестьяне боятся назначать для передѣла длинный срокъ, такъ какъ ожидаютъ ревизіи [136]). Перейдемъ теперь къ другимъ мѣстностямъ: въ Царевококшайскомъ уѣздѣ Казанской губерніи имѣются слѣдующія свѣдѣнія: 2 общины установили срокъ въ 20 лѣтъ, 6—въ 15, 8—въ 12 [137]). Въ Цивильскомъ уѣздѣ той же губерніи передѣлили землю 170 общинъ изъ 208:—на срокъ 3-хъ лѣтъ—одинъ передѣлъ; на срокъ 5 лѣтъ—тоже одинъ; на срокъ 6 лѣтъ—44 передѣла, на срокъ отъ 7 до 9 лѣтъ—4 передѣла, на срокъ 10 лѣтъ—33; на срокъ 11 лѣтъ—одинъ, на срокъ 12 лѣтъ—79, 20 лѣтъ—2 и до ревизіи—5. Средній срокъ для передѣла равняется 9,9 года [138]). Въ Казанскомъ уѣздѣ ежегодно дѣлятъ землю 2 общины, 4 общины даютъ надѣлъ на 6 лѣтъ, 5—на 9, 4—на 10, 21—на 12, 15—на 15 и 2—на 20 лѣтъ [139]). Въ Воронежскомъ уѣздѣ, въ одномъ селеніи срокъ передѣла равенъ 12 годамъ, въ 10-ти—10 годамъ, въ одномъ—5 и только въ двухъ—тремъ [140]).

Въ Острогожскомъ уѣздѣ той же губерніи 3 общины подѣлились на 6 лѣтъ, одна—на 7, двѣ—на 8, 12—на десять, 19—на двѣнадцать лѣтъ, три—на 15 [141]). Въ Мамадышскомъ уѣздѣ Казанской губерніи наиболѣе распространенный между передѣлами срокъ равенъ 12 годамъ [142]). Въ Мелитопольскомъ уѣздѣ Таврической губерніи срокъ между передѣлами равняется 8—10 годамъ [143]).

Въ Петергофскомъ уѣздѣ С.-Петербургской губерніи указанные сроки передѣловъ равняются 10—15 годамъ; въ одномъ же случаѣ достигаетъ 25 лѣтъ [144]); средній промежутокъ времени между двумя передѣлами въ Вяземскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи равняется 13 годамъ, при колебаніи отъ 10 до 16 лѣтъ [145]). Намъ придется еще указывать на сроки между передѣлами въ другихъ губерніяхъ, теперь же ограничимся приведеніемъ двухъ обобщающихъ положеній, такъ г. Соколовскій, на основаніи имѣвшихся у него статистическихъ сборниковъ, указываетъ, что «сроки для будущихъ коренныхъ передѣловъ назначены въ большей части общинъ въ 10 и болѣе лѣтъ» [146]). «Во всякомъ случаѣ», читаемъ мы въ «Матеріалахъ для изученія современнаго положенія землевладѣнія», «общіе передѣлы не составляютъ нынѣ частаго и крупнаго по послѣдствіямъ явленія, и, по большей части, бываютъ черезъ 8, 12, 15 и даже 20 лѣтъ, и то только въ случаѣ крайней необходимости, т. е. при распредѣленіи опустѣлыхъ надѣловъ или при значительномъ уменьшеніи въ нѣсколькихъ семействахъ числа работниковъ» [147]). Нападки на небольшіе промежутки между

передѣлами лишены теперь всякаго основанія, такъ какъ у общинниковъ замѣчается тенденція удлиннять сроки между передѣлами. Скажемъ болѣе, практика крестьянской жизни указала даже на невыгодность длинныхъ сроковъ между передѣлами, такъ какъ получающаяся при этомъ условіи черезполосица заставляетъ наиболѣе исправныхъ хозяевъ требовать дѣлежа земли. Вотъ что пишетъ г. Григорьевъ о Рязанскомъ уѣздѣ: «въ послѣдніе годы, въ виду болѣе полнаго использованія навоза самимъ навозившимъ домохозяиномъ, стали въ заокской сторонѣ уѣзда дѣлать приговоры о передѣлахъ не ранѣе, какъ черезъ 10 лѣтъ; эти приговоры особенно часты въ Утмарской, Клениковской и Ершовской волостяхъ; тамъ даже иногда съ исключительною цѣлью дать возможность домохозяину использовать свой навозъ и производятся передѣлы на вѣчно; впрочемъ, они часто нарушаются, такъ какъ даже сами навозившіе домохозяева, потерявъ часть своей рабочей силы, просятъ міръ о свалкѣ съ нихъ нѣкоторой доли земли; а рядъ такихъ свалокъ вызываетъ передѣлъ. Но все же многія общины выдерживаютъ если не десяти, то шести-лѣтніе сроки общихъ передѣловъ своихъ земель» [148]). Правда, встрѣчается иногда кажущееся стремленіе сокращать сроки передѣловъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что здѣсь произошло измѣненіе въ формѣ передѣловъ (понимая подъ этимъ терминомъ жеребьевки), а не въ ихъ частости. Передѣлы замѣняютъ собою часто встрѣчавшіяся общія переверстки, какъ, напр., въ Тетюшскомъ уѣздѣ Казанской губерніи [149]). Громадное число накопленныхъ

фактовъ заставляетъ признать передѣлы крайне цѣлесообразнымъ актомъ въ дѣлѣ поднятія народнаго благосостоянія; не говоря уже о томъ, что послѣ передѣла большинство семействъ становится въ болѣе выгодныя условія по отношенію къ надѣльной землѣ, мы укажемъ, напр., на уменьшеніе послѣ передѣла числа безлошадныхъ домохозяйствъ (Саратовскій уѣздъ)[150]), на уменьшеніе эмиграціи (Ямбургскій уѣздъ С.-Петербургской губерніи)[151]), на такіе поводы къ передѣлу, какъ стремленіе къ замѣнѣ мелкихъ полосъ болѣе крупными» (Бугурусланскій уѣздъ Самарской губерніи[152]).

«Надобно читать», пишетъ г. Капустинъ: «всю сложную, продолжающуюся много лѣтъ исторію заботъ, хлопотъ, споровъ, соглашеній, которые предшествуютъ въ деревнѣ рѣшенію о передѣлѣ, чтобы убѣдиться, что передѣлъ не можетъ быть дѣломъ легкомыслія, результатомъ какого нибудь горлопанства или водки»[153]). «Ни въ одномъ изъ Сборниковъ», пишетъ г. Соколовскій: «мы не нашли свѣдѣній о противодѣйствіи передѣламъ въ силу хозяйственныхъ интересовъ, ни въ одномъ изъ нихъ не приводится фактовъ, которые бы доказывали, что противники передѣловъ настаивали на ихъ прекращеніи въ видахъ уничтоженія обязательнаго сѣвооборота или предупрежденія разстройства хозяйства отъ сокращенія размѣровъ надѣла. Очевидно, что крестьяне не считаютъ передѣлы обстоятельствомъ, нарушающимъ ходъ хозяйства»[154]).

Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ, сравнительно, рѣдкихъ случаяхъ протестуютъ противъ

передѣла удобряющіе земли (напр., Орловская губернія)[155].

До какой степени безвреденъ самъ по себѣ передѣлъ, можно видѣть по сообщеннымъ профессоромъ Посниковымъ свѣдѣніямъ. Онъ блестяще доказалъ, что арендная система Англіи, влекущая за собою тотъ же переходъ земли въ другія руки, что и передѣлъ, не помѣшала фермерамъ довести хозяйство до высшей степени культуры и предпринимать грандіозныя работы для улучшенія почвы. А между тѣмъ фермеры поставлены въ менѣе выгодныя условія, чѣмъ общинники: работы по постройкѣ зданій, проведенія дорогъ, иногда и расходы на покупку нѣкоторыхъ орудій труда дѣлаются для фермера безполезными по окончаніи срока аренды, а общинникъ пользуется ими всегда. Единственныя улучшенія, которыя дѣлаетъ послѣдній—это удобреніе, полотье и тщательное паханіе, т. е. тѣ затраты, которыя сравнительно быстро окупаются. Такимъ образомъ передѣлъ самъ по себѣ отнюдь не является тормазомъ для земледѣльческой культуры, какъ не является имъ и система долгосрочныхъ арендъ запада. Злоупотребленія могутъ быть всюду: топоромъ, напр., можно убить человѣка, но было бы странно требовать на томъ основаніи изъятія топоровъ изъ обращенія. Если мы сравнимъ русское подворное и общинное владѣніе, то увидимъ, что аренда и перепродажа земли при первомъ влечетъ за собою какъ разъ тѣ невыгодныя явленія, въ которыхъ упрекаютъ передѣлы, и эти-то явленія болѣе рѣзки въ первомъ изъ двухъ сравниваемыхъ типовъ землевладѣнія. Мы

не станемъ подчеркивать выгодныя стороны передѣла, не станемъ говорить о хищнической арендѣ кулаковъ, ограничимся только данными о мобилизаціи земельной собственности. Размѣры работы не позволяютъ намъ приводить много примѣровъ по этому въ сущности побочному темѣ вопросу, поэтому ограничимся нижеслѣдующими данными; мы брали 12-ти-лѣтній срокъ между передѣлами, считая его вполнѣ безвреднымъ; въ сущности даже шестилѣтній срокъ аренды при самомъ интенсивномъ хозяйствѣ, гдѣ арендаторъ кладетъ въ землю сотни рублей, считается выгоднымъ и удобнымъ[156]); разумѣется, шестилѣтній срокъ пользованія можетъ считаться удобнымъ и для общинниковъ, а мы видѣли, что почти всѣ общины устанавляютъ болѣе длинные сроки пользованія. Посмотримъ теперь срокъ аренды въ Россіи, возьмемъ для примѣра сроки арендъ Мглинскаго уѣзда Черниговской губерніи: мы имѣемъ 9 арендъ на одинъ годъ, 19 арендъ на три года, 4 аренды на 4 года, 2 аренды на 5 лѣтъ, 31 аренду на 6 лѣтъ и только 15 арендъ на сроки отъ 7 до 10 лѣтъ[157]). Такимъ образомъ большая половина арендъ не превышаютъ 6-ти-лѣтняго срока. Вотъ другой примѣръ, указывающій на быстроту перепродажъ: мобилизація частной поземельной собственности совершается въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, начиная съ 1881 года, въ такихъ необычайно широкихъ размѣрахъ, съ такою головокружительною быстротою, какой не было примѣра въ прошломъ не одного только этого уѣзда. «Глядя со стороны на это бѣшеное обращеніе земли на рынкѣ, невольно начинаешь сомнѣваться въ устой-

чивости и жизненности у насъ частной собственности». «Средняя продолжительность владѣнія въ уѣздѣ немногимъ превышаетъ 11 лѣтъ. Если принять во вниманіе, что въ Московской губерніи, выдающейся по движенію земельной собственности, средній періодъ владѣнія не опускается ниже 17 лѣтъ, что въ Пруссіи онъ равенъ 15 годамъ, въ Австріи—16, во Франціи—этой классической странѣ мобилизаціи и дробленія земельной собственности—онъ колеблется между 12 и 15 годами, то мы должны будемъ признать, что Екатеринославскій уѣздъ въ разсматриваемомъ отношеніи дѣйствительно представляетъ собою нѣчто выдающееся [158]). За одинъ 1885 годъ въ Екатеринославскомъ уѣздѣ перешло изъ рукъ въ руки 14% частно-владѣльческой площади [159]). Мы привели эти цифры для того, чтобы показать, какъ близки сроки передѣловъ къ срокамъ владѣнія на началахъ личной собственности. Необходимо помнить, что въ послѣднемъ случаѣ приведены среднія числа, такъ что уклоненія книзу и кверху могутъ быть очень значительны. В. В. въ своей статьѣ объ общинномъ владѣніи указываетъ на быструю мобилизацію земельныхъ участковъ, не дающую времени для производства «радикальныхъ преобразованій въ этой отрасли промышленности» [160]).

Обязательный сѣвооборотъ, сковывающій личную инвціативу землепашцевъ—это третій конекъ противниковъ общиннаго землевладѣнія. Какъ извѣстно, принудительную обработку земли порождаютъ двѣ причины: во-1-хъ) чрезполосица, заставляющая землепашца проѣзжать на свою полосу черезъ поля сосѣдей;

во 2-хъ) выгонъ скота на паровое поле и жниву. Говоря о чрезполосицѣ, мы указали уже на невѣрность перваго положенія: общинники организуютъ обыкновенно свободный проѣздъ на каждую полосу и лица, указывающія съ чужихъ словъ на такое пагубное вліяніе чрезполосицы, не потрудились сообразить, что у общинниковъ нѣтъ такихъ стѣснительныхъ постановленій, какъ бывшіе сервитуты запада, что они могутъ, по желанію, уничтожить такую чрезполосицу. Остановимся теперь на второмъ положеніи. Съ перваго взгляда поражаетъ странностью положеніе, по которому общинники обязаны почему-то выпускать скотъ на паръ и жниву; невольно сомнѣваешься, что такой способъ выпаса составляетъ отличительную черту именно общиннаго типа пользованія. Знакомство съ фактами общинной и подворной жизни рѣзко опровергаетъ такое мнѣніе. Мы встрѣчаемся съ общинами, имѣющими отдѣльный выгонъ и не высылающими скота на паръ и жниву. Встрѣчаются такія общины, одна часть которыхъ ведетъ хозяйство по трехпольной, а другая—по многопольной системѣ, что прямо указываетъ на отсутствіе принудительнаго сѣвооборота. Аргументація тѣхъ лицъ, которыя видятъ въ общинѣ препятствіе къ развитію многопольнаго хозяйства, можно противопоставить аргументацію одной крестьянки: «Будь я мужикъ», говорила она, «я тамъ бы (на надѣлѣ) посѣяла (клеверъ), огородила бы да и посѣяла. Да мое-то дѣло бабье. Мужикъ вотъ пойдетъ на сходъ, того попоитъ, того ласковымъ словомъ уйметъ, а то, если захочетъ, прямо прогонитъ крестьянскій скотъ, а то и пастухъ ува-

жить, сбережетъ поле». Ей представлялся вполнѣ возможнымъ посѣвъ на душевыхъ надѣлахъ[161]). «Если при общинномъ землевладѣніи», говоритъ профессоръ Посниковъ: «встрѣчаются виды такихъ паствъ, которые ведутъ къ принудительной обработкѣ, то та же форма владѣнія можетъ совершенно свободно обойтись и безъ нихъ, представляя образцы крестьянскихъ хозяйствъ съ такой организаціей выгона, за которой не слѣдуетъ никакой принудительной обработки; и, наконецъ, эта форма владѣнія сама по себѣ вовсе не препятствуетъ ни единому изъ членовъ общины отказаться отъ пастьбы скота съ цѣлью содержанія его на дворѣ, т. е. сама по себѣ эта форма вовсе не мѣшаетъ уничтожить выгонъ совсѣмъ»[162]). Ничто не мѣшаетъ крестьянину огородить свой участокъ, что и практикуется, напр., въ Архангельской губерніи[163]). Въ Полужской, напр., общинѣ «всякій хозяинъ во владѣніи отведеннымъ ему участкомъ пользуется полнымъ правомъ: а) огораживать свою полосу, б) отступать отъ принятой въ общинѣ системы хозяйства, в) начинать всѣ работы по своему усмотрѣнію»[164]). «Въ Симбирской губерніи», писалъ г. Красовскій: «не разъ мнѣ приходилось видѣть крестьянскія поля, гдѣ работа начиналась не одновременно», тамъ не встрѣчается обязательный сѣвооборотъ, заставляющій одновременно начинать и кончать работы[165]). Что касается до выгона скота на скошенные луга, то указаній на неудобства одновременнаго кошенія травы не встрѣчается; наоборотъ, крестьяне, дорожа хорошей погодой, отнюдь не выражаютъ желанія запаздывать косьбою. Нельзя не

замѣтить, что пастьба на пару нерѣдко является выгодной въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, такъ какъ скотъ удобряетъ землю и уничтожаетъ сорныя травы. Помимо всего сказаннаго обязательный сѣвооборотъ существуетъ и въ подворныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ и если бы общинники перешли къ подворному владѣнію, то все-таки не избавились бы отъ нѣкоторыхъ видовъ обязательнаго сѣвооборота. Въ Полтавскомъ уѣздѣ существовалъ до X ревизіи «обязательный трехпольный сѣвооборотъ съ паровымъ клиномъ, служащимъ для выпаса скота»; вслѣдствіе его уничтоженія почва стала истощаться отъ ежегодныхъ посѣвовъ; невозможность пасти скотъ каждому отдѣльно на своей землѣ стала очевидной; въ виду этого подворные крестьяне постановили возобновить трехпольный сѣвооборотъ, принуждая силою не соглашавшихся съ этимъ постановленіемъ [166]). Въ Миргородскомъ уѣздѣ той же губерніи «господство подворнаго владѣнія отнюдь не исключаетъ возможности общаго полевого хозяйства, каковое и существуетъ въ огромномъ большинствѣ селеній Миргородскаго уѣзда въ видѣ обязательныхъ трехпольныхъ толочныхъ смѣнъ» [167]). О Мглинскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи изслѣдователи пишутъ слѣдующее: «Спеціальное межеваніе вмѣстѣ съ массою другихъ неблагопріятныхъ послѣдствій нанесло имъ еще одинъ тяжелый ударъ: оно навсегда (?) уничтожило общинную пашу и вслѣдствіе этого сократило общее количество пастбищныхъ угодій среди податнаго населенія не менѣе, какъ на половину». О Черниговской губерніи сообщали слѣдующее: «въ южныхъ уѣздахъ

прекращеніе общинной паши всюду вытѣсняетъ вола, а вмѣстѣ съ нимъ и плугъ; въ сѣверныхъ уѣздахъ оно ведетъ къ значительному сокращенію скотоводства»[168]). Изъ этихъ фактовъ ясно видно, что и подворное владѣніе не гарантируетъ населеніе отъ обязательнаго сѣвооборота, который, при извѣстныхъ условіяхъ (малоземельѣ, отсутствіи травосѣянія и пр.), является иногда лучшимъ изъ двухъ золъ. Типъ землевладѣнія, проектированный К. Д. Кавелинымъ, опять-таки не гарантируетъ населеніе отъ обязательнаго сѣвооборота. Не будучи отличительною чертою общиннаго или какого нибудь другого типа землевладѣнія, принудительная обработка является прямымъ слѣдствіемъ малоземелья, отсутствія выгоновъ, слѣдствіемъ недостатка удобренія, слѣдствіемъ отрицанія вреда отъ такой обработки при извѣстномъ состояніи культуры и т. п. Непонятно, почему нѣкоторые авторы считаютъ только общинное владѣніе за тѣсно связанное съ обязательнымъ сѣвооборотомъ и разсуждаютъ на этомъ основаніи и о его невыгодности; профессоръ Гаттенбергеръ писалъ, напр., въ 1878 году, что «община заключаетъ въ себѣ два явленія: принудительную систему хозяйства и союзъ людей; первое изъ нихъ мѣшаетъ культурѣ, второе помогаетъ ей»[169]). Вѣрна здѣсь только вторая часть положенія, такъ какъ нельзя не замѣтить, что отсутствіе хозяйственнаго союза у частныхъ собственниковъ дѣлаетъ ихъ безусловно неспособными къ такимъ общимъ работамъ, какъ осушка полей, болотъ и пр. Принудительная обработка безспорно встрѣчается у общинниковъ, но дѣло въ томъ, что она не является харак-

6*

терной чертой общины. Общинное владѣніе легко обходится и безъ обязательнаго сѣвооборота. «Нужно замѣтить, пишутъ земскіе статистики Одесскаго уѣзда Херсонской губерніи, что вообще здѣсь, при существованіи общиннаго землевладѣнія съ періодическими коренными передѣлами, царствуетъ полная свобода въ хозяйствованіи: никакой принудительной обработки нѣтъ и отдѣльный хозяинъ можетъ хозяйствовать, какъ пожелаетъ. Это отсутствіе принудительной обработки объясняется во-первыхъ тѣмъ, что общественный скотъ пасется на особо отведенномъ выгонѣ, а во-вторыхъ тѣмъ, что, какъ мы объяснили, всякій хозяинъ имѣетъ свободный проѣздъ къ своей десятинѣ и при обработкѣ ея онъ не затаптываетъ сосѣдней земли». Общество запрещаетъ только разводить сады на пахотныхъ земляхъ, ибо послѣднія отходятъ тогда въ частное владѣніе, и опредѣлило число овецъ, выгоняемыхъ каждымъ дворомъ[170]). Но возвращаясь къ прежнему положенію о томъ, что и принудительная обработка можетъ быть лучшимъ изъ двухъ золъ, приведемъ слова такого авторитета, какъ г. Энгельгардтъ, который видитъ въ ней то преимущество, что крестьяне волей-неволей подражаютъ при ней самымъ опытнымъ и дѣльнымъ домохозяевамъ. Это еще не доказательство повсемѣстной безвредности обязательнаго сѣвооборота, но надо остерегаться осуждать явленія хозяйственной жизни, не изучивъ окружающихъ ихъ условій и не выяснивъ вопроса о томъ, какъ измѣнятся они при измѣненіи одного изъ наличныхъ условій. Во всякомъ же случаѣ надо разсматривать вредъ или пользу обязательнаго

сѣвооборота внѣ всякой связи съ вопросомъ объ общинномъ владѣнiи. Можно привести много данныхъ, доказывающихъ полную совмѣстимость многополья и высокой культуры съ общиннымъ типомъ землевладѣнiя, но такъ какъ этотъ вопросъ является въ предлагаемой работѣ второстепеннымъ, то мы и ограничимся немногими данными. Указанiя на травосѣянiе встрѣчаются очень часто и для разныхъ мѣстностей; очень часто мы встрѣчаемся съ прямыми указанiями на совмѣстимость общины съ многопольемъ[171]): въ деревнѣ Конищево Ярославской губернiи общинники давно завели многополье; въ деревняхъ: Алферовѣ, Лукьяновѣ отдѣльные общинники сѣютъ клеверъ на надѣльной землѣ и пастухи берегутъ клеверныя поля[172]). П. А. Соколовскiй, приведя примѣры садоводства на передѣляемыхъ земляхъ, продолжаетъ слѣдующимъ образомъ: «мы могли бы указать еще на нѣкоторыя мѣстности Петербургской губернiи, Курской и другихъ, но полагаемъ, и приведенныхъ фактовъ достаточно для подтвержденiя нашего основного положенiя, что, при существованiи благопрiятныхъ условiй, каковы: удобства сбыта, возможность добывать хорошiя присадки и т. п. общинное землевладѣнiе не препятствуетъ развитiю садоводческой культуры»[173]). Г. Красноперовъ привелъ рядъ доказательствъ, что общинное владѣнiе (Пермской губернiи) не препятствуетъ видоизмѣненiямъ, развитiю и улучшенiю сельскаго хозяйства. «Позволяемъ себѣ думать», говоритъ онъ: «что эту сторону дѣла мы уяснили достаточно полно, что фактовъ приведено много и всѣ они говорятъ сами за себя, доказываютъ, что

если сельское хозяйство и не вездѣ идетъ удовлетворительно, то не потому, что здѣсь существуетъ общинное владѣніе, а, какъ выразился одинъ составитель свѣдѣній, «по совокупности разныхъ несчастій». Намъ кажется, съ другой стороны, факты доказываютъ наоборотъ, что общинное землевладѣніе служитъ гарантіею и залогомъ несомнѣннаго самобытнаго прогресса крестьянской земледѣльческой культуры, что устойчивость этой культуры среди «разныхъ несчастій», если и была чему въ особенности обязана, то именно общинному землевладѣнію [174]). Въ Новгородской, напр., губерніи травосѣянію препятствуетъ малоземелье [175]). Во многихъ мѣстахъ переходъ къ многополью пока еще не выгоденъ. Не лишенъ значенія тотъ фактъ, что частновладѣльческое хозяйство малороссіянъ стоитъ въ культурномъ отношеніи не выше общиннаго хозяйства. Хозяйство крестьянъ, перешедшихъ отъ общиннаго владѣнія къ подворному, ведется не лучше, чѣмъ при старыхъ порядкахъ, а зачастую много хуже. Профессоръ Исаевъ широко обобщаетъ защиту культуроспособности общиннаго владѣнія: «Тщательныя мѣстныя изслѣдованія поземельной общины», говоритъ онъ: «подкрѣпленныя теоретическими заключеніями, показали, что въ существѣ общиннаго строя нѣтъ такихъ особенностей, которыя не могли бы примириться съ успѣхами сельскаго хозяйства. Въ однихъ мѣстностяхъ Россіи мы видимъ общины, затрачивающія значительные капиталы для осушенія болотъ и расширенія площади сѣнокосовъ; въ другомъ мѣстѣ трехпольное хозяйство замѣняется четырехпольнымъ, на общинной землѣ вводится

травосѣяніе; здѣсь проводятся длинныя канавы для орошенія, тамъ исправность хозяйства крестьянъ-общинниковъ возбуждаетъ справедливую зависть личныхъ землевладѣльцевъ. Наконецъ, въ окрестностяхъ нашихъ столицъ часть общинныхъ земель служитъ для воздѣлыванія исключительно ягодъ, нѣжныхъ плодовъ и имѣетъ всѣ признаки, отличающіе высоко интенсивную культуру мѣстностей вблизи большихъ городовъ Западной Европы» [176]). Сравнительная исправность уплаты податей указываетъ до нѣкоторой степени на болѣе крѣпкое хозяйство общинниковъ; изъ Острова Псковской губерніи писали, напр., въ 1887 году слѣдующее: «Нужно замѣтить, что крестьяне-общинники нашего уѣзда, не смотря на всю безотрадность своего положенія, платятъ лежащія на нихъ повинности болѣе исправно, чѣмъ собственники» [177]).

Нѣтъ надобности подробно останавливаться на странномъ упрекѣ по адресу общиннаго владѣнія, упрекѣ, заключающемся въ томъ, что этотъ типъ порождаетъ громадныя по величинѣ селенія. Какъ размѣры, такъ и растянутость послѣднихъ, не имѣя никакой связи съ общиннымъ владѣніемъ, зачастую зависятъ отъ очень важныхъ и разумныхъ причинъ, такъ, напр., село Килечейскіе хутора (Днѣпровскаго уѣзда Таврической губерніи) растянулось на 12 верстъ въ одну улицу и такимъ расположеніемъ защищаетъ до нѣкоторой степени свои поля отъ заноса ихъ пескомъ» [178]). Большіе размѣры поселковъ на востокѣ и югѣ являются слѣдствіемъ рѣдкости воды, въ силу чего крестьяне и селятся большими селеніями. Борьба съ снѣгами, поло-

водьями въ свою очередь вызываетъ большія поселенія, не говоря уже объ экономической выгодѣ послѣднихъ, напр., о возможности имѣть одно пастбище, одного пастуха, защищать поля отъ чужихъ потравъ и т. п. [179]). Сосредоточеніе крестьянскихъ дворовъ въ одномъ мѣстѣ или разбросанность ихъ группами по 10—20 дворовъ— обѣ формы поселенія совмѣстимы какъ съ подворнымъ, такъ и съ общиннымъ владѣніемъ. Община, по мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, стѣсняетъ свободу передвиженія, но это прямо не вѣрно. Фискальныя и полицейскія требованія, не имѣющія ничего общаго съ принципами общиннаго владѣнія, могутъ, разумѣется, прикрѣплять крестьянъ къ землѣ, но община сама по себѣ не препятствуетъ ни отходу, ни переселенію. Указывается на то, что выходящій изъ общины крестьянинъ долженъ даромъ отдать свой участокъ, хотя бы и участвовалъ въ его выкупѣ. Но земля выкупается въ общинное, а не частное владѣніе и выкупъ столь же мало долженъ дѣлать общинника собственникомъ участка, какъ мало дѣлаетъ собственникомъ арендатора вносимая имъ плата. Да и выкупъ, строго говоря, вовсе не есть выкупъ земли въ личное владѣніе, а выкупъ лежащихъ на ней повинностей. Голословныя нападки на общину со стороны писателей 50—60-хъ годовъ едва ли заслуживаютъ разбора; достаточно указать на нѣкоторыя изъ нихъ. Большинство авторовъ повторяютъ разъ высказанныя положенія, изрѣдка прибавляя къ нимъ что либо новое. «Пропорціональность надѣла къ рабочимъ силамъ и нуждамъ», писалъ г. Ивановъ: «совершенно противна началамъ политической экономіи» [180]). «Глав-

ная причина неудобства общиннаго владѣнія землею и, по нашему мнѣнію, его не живучести, при возрастающемъ населеніи, заключается, по мнѣнію г. Бутовскаго, въ необходимости постояннаго дробленія участковъ» [181]). Г. Неёловъ полагалъ, что община мѣшаетъ прогрессу сельскаго хозяйства и отнимаетъ у крестьянъ охоту улучшать землю [182]). Ѳ. Г. Тернеръ указалъ отъ себя на то, что община не достигаетъ цѣли, такъ какъ при приростѣ населенія является необходимость выселенія; въ другой работѣ тотъ же авторъ указываетъ почему-то на то, что общинное владѣніе несовмѣстимо съ введеніемъ поземельнаго налога въ Россіи и препятствуетъ правильному развитію ипотекарнаго кредита [183-4]). Г. Масловъ полагалъ, что община порождаетъ недостатокъ энергіи, развитія и другихъ нравственныхъ качествъ въ народѣ [185]). Гг. Герье и Чичеринъ выставили, въ свою очередь, одинъ заслуживающій упоминанія доводъ; заслуживаетъ онъ вниманія потому, что часто эксплоатируется въ настоящее время міроѣдами. По мнѣнію названныхъ авторовъ, землю можно было передѣлять до тѣхъ поръ только, пока она была не крестьянская, а казенная или помѣщичья. Но разъ земля стала крестьянскою собственностью, то ее нельзя брать безъ соотвѣтствующаго вознагражденія. «Если крестьяне и послѣ выкупа продолжаютъ передѣлять свои земли, то это происходитъ единственно оттого, что они совершенно не понимаютъ своихъ правъ» [186]). «Общинное владѣніе радикально противорѣчитъ всѣмъ законамъ политической экономіи», заявляетъ, повидимому, редакціонная статья

«Русскаго Вѣстника» за 1858 годъ[187]). Но и новѣйшіе авторы (гг. Герье и Чичеринъ относятся къ ихъ числу) недалеко ушли отъ старыхъ въ своихъ нападкахъ на общину. Г. Головинъ въ своей обширной книгѣ «Сельская община въ литературѣ и дѣйствительности», являясь противникомъ общины, считаетъ ненужною насильственную ломку послѣдней. Оригинальнаго въ его нападкахъ на общину мы не нашли. Г. Соловьевъ въ своей статьѣ «Россія и Европа» сдѣлалъ удивительное открытіе, что «общинное землевладѣніе само по себѣ, какъ показываетъ статистика, совсѣмъ не благопріятствуетъ успѣхамъ сельскаго хозяйства», что народъ стремится отдѣлаться отъ общины, да государство поддерживаетъ ее закономъ[188]). Очень жаль, разумѣется, что именно г. Соловьевъ говоритъ объ общинѣ, не изучивъ этотъ типъ землевладѣнія.

Принявъ за неоспоримое положеніе тотъ фактъ, что равномѣрное распредѣленіе земли желательнѣе неравномѣрнаго, мы легко убѣдимся въ преимуществѣ общиннаго владѣнія передъ подворнымъ. Оставивъ въ сторонѣ постоянную перепродажу частныхъ земель и вытекающее отсюда обезземеленіе однихъ и обогащеніе землею другихъ, укажемъ только, къ чему ведетъ институтъ наслѣдованія. Н. Г. Чернышевскій взялъ изъ четвертой части «Россійской родословной книги» десять первыхъ попавшихся фамилій (въ разныхъ по порядку поколѣніяхъ) и вычислилъ, какъ распредѣлится земля между правнуками, если прадѣды получили равный надѣлъ. Число прадѣдовъ въ этихъ фамиліяхъ равнялось 251, число правнуковъ—388. «При прадѣдахъ

въ селѣ было общинное владѣніе и на каждую душу мужского пола приходилось 12 десятинъ. Если общинное владѣніе сохранилось при правнукахъ, каждая мужская душа имѣетъ 7³/₄ десятинъ». При подворномъ же владѣніи, прослѣдивъ по родословной книгѣ, какъ распредѣлится въ этомъ случаѣ земля, авторъ получилъ слѣдующій результатъ. Изъ 388 правнуковъ 29 будутъ имѣть отъ 24 до 138 десятинъ на душу, 44 человѣка—отъ 12 до 21 десятины; 68—отъ 5,4 до 10,8; 54—отъ 3,15 до 5; 38—отъ 2,66 до 3-хъ; 98—отъ 1,2 до 2,4 и, наконецъ, 54 правнука будутъ имѣть отъ 0,375 до 1,08 десятины на душу. Такимъ образомъ, только 141 человѣкъ будутъ имѣть болѣе, чѣмъ по 5 десятинъ на душу и 247 человѣкъ будутъ имѣть меньшій пятидесятиннаго надѣлъ; самый богатый имѣетъ, наконецъ, въ 368 разъ больше земли, чѣмъ самый бѣдный правнукъ. Эти выводы не являются случайными, что видно и изъ другого примѣра, гдѣ взято для изслѣдованія 31 семейство[189]). Только что приведенные гипотетическіе выводы легко провѣрить взятыми изъ жизни примѣрами. «Дочь Сусанина, вдова Антонида Сабинина, съ двумя сыновьями своими, Данилою и Константиномъ, получили въ неотъемлемое и вѣчное владѣніе пустошь Коробово въ Костромской губерніи съ освобожденіемъ отъ всѣхъ податей и повинностей». Никакихъ денежныхъ сборовъ на потомкахъ Сусанина, извѣстныхъ подъ именемъ бѣлопашцевъ, никогда не лежало: они не исправляли ни натуральныхъ, не земскихъ, ни рекрутскихъ повинностей. Въ 1834 году число бѣлопашцевъ равнялось 105 душамъ мужского пола, земли у нихъ было

118 десятинъ, изъ нихъ 98 были пожалованными и 20 купленными, но земля эта распредѣлена самымъ неравномѣрнымъ и несправедливымъ образомъ. У трехъ домовъ — старосты и его братьевъ, въ которыхъ всего только 7 душъ мужского пола, — земли въ поляхъ и сѣнокосахъ четвертая доля всего пожалованнаго количества. Полосы ихъ хороши и образуютъ большіе участки, а рядомъ лежатъ полосы бѣдняковъ, которымъ на 6 домовъ приходится въ 5 и 6 разъ менѣе, нежели на одинъ домъ старосты или его братьевъ. Есть дома, которыхъ сѣнокосные участки мѣряются вершками; ихъ нельзя косить, ибо каждый размахъ косы захватилъ бы чужія травы и потому дома эти чередуются въ кошеніи... черезъ два года въ третій они скашиваютъ вязанку пуда въ два»[190]). Вотъ еще не менѣе характерный примѣръ, указанный княземъ Васильчиковымъ: «всего болѣе заслуживаетъ вниманія въ исторіи нѣмецкихъ колоній», писалъ онъ, «то обстоятельство, что въ тѣхъ изъ нихъ, въ коихъ былъ принятъ съ самаго начала душевой надѣлъ или русская мірская организація съ передѣлами, всѣ колонисты по прошествіи цѣлаго столѣтія остались при землѣ; а, напротивъ, въ тѣхъ, гдѣ введено было подворное владѣніе и единонаслѣдіе, въ настоящее время уже половина колонистовъ остается безъ земли, хотя первоначальный надѣлъ и былъ у всѣхъ равный и не смотря на то, что большее число этихъ переселенцевъ было уже переселено вторично на новые надѣлы-добавочные»[191]). Перейдемъ къ новому времени. «Во всѣхъ селеніяхъ, отступившихъ отъ мірской разверстки земли», пишетъ В. Орловъ о Московской губерніи, «исподволь

развивается значительная неравномѣрность въ размѣрахъ поземельнаго владѣнія отдѣльныхъ дворовъ: у однихъ дворовъ, при маломъ составѣ семей, земельныя доли становятся настолько велики, что семьи не въ состояніи бываютъ обработать всю землю и часть ея сдаютъ въ аренду; другіе дворы, наоборотъ, владѣютъ столь ничтожными долями, что вести на нихъ правильное земледѣльческое хозяйство бываетъ невозможно и потому такія доли или продаются, или сдаются въ аренду, а владѣльцы ихъ отдаются исключительно стороннимъ промысламъ; наконецъ, нѣкоторые дворы, въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, совсѣмъ лишаются земли и становятся такимъ образомъ навсегда крестьянами безземельными»[192]). Въ 35 подворныхъ (точнѣе четвертныхъ) обществахъ Темниковскаго уѣзда Тамбовской губерніи земля раздробилась на крайне мелкіе участки, чего не встрѣчается у рядомъ живущихъ общинниковъ[193]). У четвертныхъ крестьянъ Шацкаго уѣзда надѣлы очень неравномѣрны: въ селеніи Ишеева Гора, напр., minimum владѣнія равенъ $1^1/_2$ десятинамъ, а maximum — 132[194]). Минoратъ (Хотинскій у.) оказываетъ еще болѣе пагубное вліяніе на развитіе пролетаріата. Крестьяне хорошо понимаютъ, къ какимъ результатамъ ведетъ подворное владѣніе; приведемъ слова одного крестьянина с. Грузина Новгородской губерніи: «Если у меня будутъ четыре сына, а у тебя одинъ, такъ теперь (при общинномъ владѣніи) всѣ получатъ по-ровну, а будь-ка земля въ раздѣлѣ, выдѣлись-ка мы, такъ твой сынъ получилъ бы столько, сколько мои всѣ, а за что?»[195]). Нѣтъ сомнѣнія, что прямымъ слѣдствіемъ

подворнаго владѣнія является сосредоточеніе земли въ немногихъ рукахъ на счетъ обезземеленія большинства. Что касается до проектированнаго К. Д. Кавелинымъ типа землевладѣнія, то его результатомъ будетъ то же явленіе: въ ревизскихъ общинахъ Борисоглѣбскаго уѣзда Тамбовской губерніи, напр., обнаружены изслѣдователями какъ крайняя неравномѣрность владѣнія, такъ и чрезмѣрное дробленіе надѣловъ. Въ этомъ и заключается самое слабое мѣсто проекта Кавелина, давшаго, впрочемъ, только общій очеркъ его; было бы желательно, чтобы лица, принявшія проектъ К. Д. Кавелина, не довольствуясь повтореніемъ общихъ мѣстъ своего учителя, указали, какъ можно избѣжать при немъ названныхъ неудобствъ, лишающихъ данный типъ землевладѣнія всѣхъ достоинствъ и, по нашему мнѣнію, неудобствъ неустранимыхъ.

Очень часто въ доказательство того, что община должна погибнуть, ссылаются на примѣръ Запада. Можетъ быть, она и погибнетъ—мы этого не знаемъ, но что она можетъ уцѣлѣть, реорганизируясь впослѣдствіи въ высшую ассоціонную форму владѣнія и хозяйства—это тоже вѣроятно. Общину разрушали и могутъ разрушать факторы, уничтоженіе которыхъ вполнѣ мыслимо. Приведемъ кстати слова профессора Карѣева: «Мы твердо убѣждены», пишетъ онъ, «что не экономическая необходимость и не непреложный законъ человѣческой природы разрушили общину на Западѣ, но что, наоборотъ, разрушеніе общины произвело вредныя экономическія послѣдствія, что оно неизбѣжно вело къ любви къ частной собственности, той формѣ, которая

при своемъ крайнемъ развитіи сосредоточиваетъ землю въ немногихъ рукахъ, какъ въ Англіи, или дробитъ ее на мелкія частицы (parcelles), какъ во Франціи» [196]). Особенно странно считать частную собственность на землю за институтъ наиболѣе желательный. Даже такія лица, какъ берлинскій профессоръ Вагнеръ, признавая, что право собственности на землю способствовало хозяйственнымъ успѣхамъ на болѣе раннихъ ступеняхъ общежитія, полагаетъ, что нельзя доказать преимуществъ такого права предъ иными формами землевладѣнія ни съ точки зрѣнія распредѣленія, ни съ точки зрѣнія производства. Переходъ же земли въ собственность государства, городскихъ и сельскихъ общинъ, по его мнѣнію, поведетъ къ распредѣленію ренты, поступающей нынѣ небольшому меньшинству, между всѣми членами общежитія [197]). Безспорно, возможно разрушеніе общины, но такого разрушенія можно бы было избѣжать при извѣстныхъ условіяхъ. Частная же собственность на землю отнюдь не является логически неизбѣжной ступенью въ реорганизаціи современнаго экономическаго строя въ какія либо высшія формы народнаго хозяйства.

IV.

Разрушающіе общину факторы.

Перейдемъ теперь къ перечисленію тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ видоизмѣняются и даже разрушаются общины великорусскаго типа. Одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду этихъ условій занимаютъ высокія

лежащія на общинникахъ подати, малоземелье и враждебное принципамъ общиннаго владѣнія законодательство. Совокупность этихъ трехъ факторовъ въ связи съ внѣ-общинной, складывающейся по капиталистическому образцу экономической жизнью и порождаетъ деморализирующую власть міроѣдовъ *). Пользуясь паденіемъ крестьянскаго хозяйства (паденіемъ, зависящимъ отъ малоземелья и высокаго обложенія земли), міроѣды de facto и de jure разрушаютъ общину, созидая на ея развалинахъ свое благосостояніе и богатство. Прямымъ слѣдствіемъ паденія хозяйства является у насъ сдача крестьянами въ аренду надѣловъ, которые и поступаютъ въ пользованіе богатыхъ лицъ на крайне тягостныхъ для сдатчиковъ и очень выгодныхъ для съемщиковъ условіяхъ. Интересенъ и тотъ фактъ, что высокіе, превышающіе доходность надѣла платежи даютъ матеріалъ для аргументаціи анти-общинниковъ. Уменьшеніе числа работниковъ въ какомъ-либо семействѣ ведетъ въ этомъ случаѣ къ отобранію у послѣдняго части надѣла и къ передачѣ ея болѣе трудоспособному домохозяйству; внѣ такой передачи на плечи міра упала бы тяжесть недоимокъ, накапливаемыхъ ослабѣвшимъ домохозяйствомъ. Смерть крестьянина, уходъ въ солдаты, достиженіе нетрудоспособнаго возраста ведетъ за собою частную переверстку. Когда три-четыре домохозяйства

*) По понятіямъ крестьянъ міроѣдъ—это членъ общины, разрушающій послѣднюю. Міроѣдство не является результатомъ самостоятельнаго разрушенія общины; наоборотъ, явившись результатомъ побочныхъ причинъ, результатомъ стоящей внѣ ея экономической жизни, оно разрушаетъ общину, какъ враждебная крестьянскому міру сила.

получатъ новые надѣлы, лежащіе въ большинствѣ случаевъ далеко отъ ихъ участковъ, на сходѣ поднимается вопросъ о необходимости общей переверстки. Общая переверстка (общая пережеребьевка) состоитъ въ томъ, что получившимъ новую землю домохозяевамъ полосы нарѣзываются рядомъ, а надѣлы остальныхъ общинниковъ передвигаются только на новыя мѣста, оставаясь тѣхъ же размѣровъ, что и прежде. Чрезполосица, при условіи высокихъ податей, такъ невыгодна, что богатые крестьяне соглашаются брать землю не иначе, какъ при условіи сплошной нарѣзки полосъ; общую переверстку вызываетъ и такой, напримѣръ, случай: одному домохозяйству достается по частной переверсткѣ хорошо удобренная «пустовая душа», а другому—запущенная. Въ общинахъ же, земля которыхъ обложена нормальными платежами, надѣлы «убылыхъ» душъ остаются до передѣла во владѣніи тѣхъ домохозяйствъ, у которыхъ они были и раньше, или же многолюдныя домохозяйства берутъ ихъ внѣ всякихъ условій. Такимъ образомъ можно утверждать, что съ устраненіемъ непосильныхъ платежей исчезнутъ и общія переверстки указаннаго типа. Невозможность же опредѣлить срокъ для производства такихъ переверстокъ не позволяетъ общинникамъ дѣлать значительныя затраты, не позволяетъ даже измѣнить систему сѣвооборота. «Хозяинъ, который завелъ бы, напримѣръ, пятипольное хозяйство въ то время, какъ другіе ведутъ трехпольное, при передѣлѣ, наступившемъ въ срединѣ его сѣвооборота, лишится, вслѣдствіе всеобщей мѣны участковъ, своего приспособленнаго къ пятипольному

сѣвообороту участка, на которомъ слѣдуетъ въ годъ передѣла сѣять, положимъ, клеверъ, и получить другой, который долженъ лежать подъ паромъ; съ другой стороны хозяинъ, которому достанется участокъ этого новатора, вовсе не желаетъ и не можетъ сѣять клеверъ, ибо ведетъ хозяйство трехпольное» [198]). Опредѣленный промежутокъ между передѣлами легко достигается находящимися въ нормальныхъ условіяхъ общинами, но положительно невозможенъ при условіи высокихъ податей, не дающемъ возможности предвидѣть время общей переверстки. Даже сговорившись произвести передѣлъ черезъ извѣстное число лѣтъ, крестьяне вынуждаются невыносимой чрезполосицей къ несвоевременной мѣнѣ надѣльной земли. Общія переверстки бываютъ, впрочемъ, и въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, въ случаѣ прирѣзки или отрѣзки части общиннаго надѣла, въ случаѣ перехода (въ общинахъ залежнаго хозяйства) съ пашни на толоку, перехода, вызываемаго желаніемъ пахать удобренную скотомъ землю; иногда большія группы крестьянъ чередуются черезъ опредѣленный срокъ въ пользованіи, особенно выгодными и невыгодными участками; какъ исключеніе, встрѣчается общая переверстка въ недавно сложившихся общинахъ, не съумѣвшихъ равномѣрно раздѣлить землю и исправляющихъ переверсткой не искусный передѣлъ. Понятно, что переверстки послѣднихъ видовъ являются или случайными, или безвредными, благодаря возможности точно опредѣлить ихъ срокъ. Встрѣчаются и такія общины, въ которыхъ земля распредѣляется между крестьянами исключительно частными переверстками,

а общія переверстки производятся черезъ продолжительные сроки, замѣняя, въ связи съ частными, коренной передѣлъ; такъ, напр., черезъ 9 — 18 лѣтъ производятъ общія переверстки 51% общинъ Княгининскаго уѣзда Нижегородской губерніи. Такія переверстки опять-таки не являются вредными; «вообще», пишутъ изслѣдователи Княгининскаго уѣзда: «такъ или иначе, неудобства, возникающія для унавоженія полей вслѣдствіе ихъ передѣловъ (т. е. жеребьевокъ) въ большинствѣ общинъ Княгининскаго уѣзда обходятся крестьянами, а общинные порядки сами по себѣ не представляютъ еще какого-либо неодолимаго къ тому препятствія» [199]). Въ очень рѣдкихъ случаяхъ домохозяйства, имѣющія мало скота, добиваются пережеребьевокъ для того, чтобы получить удобренную землю; понятно, что такія требованія, особенно въ послѣднее время, все рѣже и рѣже имѣютъ успѣхъ; крестьяне нѣкоторыхъ мѣстъ допускаютъ пережеребьевку только тѣхъ полей, которыя не удобряются. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьяне, сознавая невыгодность быстро слѣдующихъ одна за другою переверстокъ, не рѣшаются отказаться отъ нихъ, полагая, что при наличныхъ условіяхъ это было бы еще невыгоднѣе. Замѣтимъ, наконецъ, что общія пережеребьевки встрѣчаются и у подворныхъ владѣльцевъ для устраненія чрезполосицы, явившейся результатомъ продажъ и наслѣдованія.

Малоземелье и высокія подати, породивъ бѣдность общинниковъ, дали возможность упрекнуть послѣднихъ въ хищнической эксплуатаціи лѣса. Нѣтъ сомнѣнія, что бѣдность, въ связи съ мѣропріятіями по сбору

податей, заставляетъ иногда вырубать лѣса, но не надо забывать, что и подворные крестьяне поступаютъ въ этомъ случаѣ такъ же, какъ общинники. Подворнымъ крестьянамъ не удается сохранить лѣсъ даже въ томъ случаѣ, когда они подѣлили его съ цѣлью сохраненія. Въ нѣкоторыхъ обществахъ Мценскаго уѣзда Орловской губерніи, гдѣ, говоря вообще, община не отличается устойчивостью, лѣсъ раздѣленъ на подворные участки: «цѣлью установленія такого порядка со стороны міра было лучшее сохраненіе лѣса: «свое каждый лучше бережетъ», говорятъ крестьяне. «И несомнѣнно, это соображеніе совершенно вѣрное», прибавляетъ изслѣдователь: «но лишь относительно тѣхъ хозяевъ, которые могутъ беречь свой лѣсъ, т. е. наиболѣе состоятельныхъ; маломощные же хозяева скоро совершенно уничтожаютъ свои доли, чего они не могли бы сдѣлать при мірскомъ владѣніи»[200]). Надо еще замѣтить, что и на зажиточныхъ хозяевъ пагубно вліяетъ возможность достать относительно порядочную сумму денегъ продажею лѣса; неразсчетливая спекуляція вовсе не рѣдкость въ рядахъ крестьянъ, а община ставитъ ей неодолимыя препятствія. Внѣ крайней бѣдности общинники умѣютъ пользоваться и дорожить своимъ лѣсомъ, а если и истребляютъ его, то подъ вліяніемъ чисто случайныхъ причинъ, ничего не имѣющихъ общаго съ сущностью общиннаго пользованія. Такъ, наприм., неправильно истолкованная крестьянами 15-ая статья «правилъ о лѣсахъ, отведенныхъ въ надѣлъ бывшимъ государственнымъ крестьянамъ» породила въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лихорадочное истребленіе лѣса. Крестьяне

Харьковской губерніи были увѣрены, что съ 1886 года лѣса будутъ отобраны отъ сельскихъ обществъ и вновь переданы въ вѣдѣніе казны». И вотъ началось невозможное, непроизводительное, частью самовольное, частью по приговорамъ общества истребленіе лѣса [201]). Неразсчетливое пользованіе лѣсомъ зависѣло въ Московской губерніи оттого, что крестьяне — преимущественно государственные—думаютъ, «что владѣніе лѣсами, поступившими имъ въ надѣлъ, не прочно, не надежно» [202]). Ясно, что въ этихъ случаяхъ лѣсъ рубится внѣ какого бы то ни было отношенія къ общинному владѣнію. Общинники нерѣдко берегутъ свой лѣсъ, причемъ однимъ изъ болѣе распространенныхъ пріемовъ охраны служитъ «заповѣдываніе» лѣса, въ заповѣданныхъ лѣсахъ не бываетъ даже воровства [203-204]); иногда заповѣданный лѣсъ могутъ рубить только дѣти или внуки [205]). Бережливое пользованіе лѣсомъ — отнюдь не рѣдкое явленіе и до какой степени бываетъ серьезна мірская охрана лѣса, видно изъ слѣдующей, напр., фразы г. Трирогова: «Ни казна, ни частный владѣлецъ», говоритъ онъ: «не ограждены государственными учрежденіями и законами, какъ огражденъ «лоховскій» мірской лѣсъ законоположеніемъ сельскаго схода отъ истребленія» [206]). Въ послѣднее время особенно часто встрѣчается или прекращеніе рубки лѣса [207-208]), или правильное хозяйство. Въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи изслѣдователи нерѣдко встрѣчали «установленіе сроковъ, до истеченія которыхъ лѣсъ не долженъ вырубаться, постановленія объ очередной вырубкѣ опредѣленными участками, и. т. п. [209]); въ одномъ изъ селеній

Бугульминскаго уѣзда тщательнымъ обереганіемъ и правильною рубкою крестьяне выростили лѣсъ до 4—5 вершковъ въ діаметрѣ [210]). Въ Козловскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи нѣкоторыя общины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ тщательно сберегаютъ у себя каждый, хотя бы и ничтожный, клочекъ лѣса [211]). Крестьяне скептически относятся къ такимъ выраженіямъ, какъ, напр., мценское: «свое каждый лучше бережетъ»; вотъ, напр., аргументація крестьянъ с. Пустынь Рязанской губерніи: «Если бы раздѣлить лѣсъ на семейные участки, то его въ 3—4 года не стало бы, такъ какъ всякій распоряжался бы имъ, какъ своею собственностью: гдѣ вырубилъ бы, гдѣ продалъ бы, гдѣ запахалъ бы. Да и воровства, и кляузъ было бы больше. Напротивъ, когда лѣсъ находится въ общемъ пользованіи, то каждый отдѣльно распоряжаться и пользоваться имъ зря не можетъ, а только сообща, по мірскому приговору. Въ общемъ же лѣсѣ и воровства быть не можетъ» [212]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне-общинники даже разводятъ лѣсъ, такъ, напр., нѣкоторыя общины Кирсановскаго уѣзда Тамбовской губерніи выростили изъ кустарника довольно цѣнный лѣсъ [213]); крестьяне-общинники Бузулукскаго уѣзда Самарской губерніи [214]), Липецкаго Тамбовской [215]) занялись даже лѣсонасажденіемъ; въ послѣднемъ уѣздѣ насадка молодыхъ саженцевъ производится міромъ по равномѣрной разверсткѣ труда. Сходъ Чистоперволочной волости Оханскаго уѣзда Пермской губерніи постановилъ завести во всѣхъ обществахъ означенной волости обязательные посѣвъ и посадку лѣса. Для этой

цѣли крестьяне отвели всѣ неудобныя мѣста на своихъ поляхъ [216]). Въ 1887 году въ Острожской волости того же уѣзда приговоромъ была запрещена вырубка лѣса и рѣшено устроить лѣсной питомникъ [217]). Всѣ приведенные факты ясно доказываютъ, что общинное владѣніе не мѣшаетъ организаціи правильнаго лѣснаго хозяйства.

Намъ остается еще указать на то вліяніе, которое оказываетъ на передѣлъ крайнее малоземелье. Подъ опасеніемъ дробленія земли на черезчуръ мелкія, негодныя для культуры полоски, крестьяне боятся дѣлить землю на новое большее число окладныхъ душъ (напр., Мамадышскій уѣздъ). Бѣдность крестьянъ создаетъ власть міроѣдовъ, которые отсрочиваютъ или не допускаютъ частныхъ переверстокъ и передѣловъ, разъ послѣдніе имъ не выгодны. Оба эти явленія наблюдаются въ тѣхъ случаяхъ, когда міроѣды, благодаря перемѣнамъ въ составѣ домохозяйствъ, надѣлены лишнимъ количествомъ доходной земли или когда они имѣютъ меньше обремененной податями земли. Пользуясь экономической зависимостью крестьянъ, міроѣды захватываютъ при передѣлахъ лучшіе и большіе участки, а міръ производитъ нормальный передѣлъ только между рядовыми общинниками. Иногда, по настоянію богачей, не даются надѣлы тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ право на нихъ, такъ, напр., въ Иркутской губерніи міроѣды захватили массу земли, а бѣднякамъ приходится довольствоваться 2—3 десятинами на душу. У однихъ надѣляются землею едва родившіяся дѣти, у другихъ не хотятъ записывать и 15-ти-лѣтнихъ мальчиковъ [218]); въ

одной изъ деревень Острогожскаго уѣзда Воронежской губерніи, по настоянію богачей, было исключено до 20 мальчиковъ, имѣвшихъ право на надѣлъ [219]). Міроѣды почти постоянно захватываютъ надѣлы вдовъ и сиротъ, «что составляетъ болѣзненное явленіе народной жизни» [220]). Захватъ богачами «клинушекъ», «углушекъ» и другихъ оставшихся при передѣлѣ земли мѣстечекъ опять-таки частое явленіе. Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что крестьянинъ, уступая міроѣду, какъ отдѣльное лицо (при сдачѣ надѣла въ аренду, при уплатѣ долга и пр.), на ряду съ другими крестьянами, какъ общинникъ, какъ «міръ» зачастую давитъ міроѣда, не позволяя послѣднему разрушать устои общинной жизни.

V.

Законодательство и община.

Наше законодательство, благодаря существующимъ экономическимъ условіямъ, играетъ очень важную роль въ дѣлѣ разрушенія общины. Законодательство, регулирующее общинное землевладѣніе, явилось результатомъ компромисса между двумя діаметрально противоположными взглядами на этотъ институтъ. Одни считали общину устарѣлымъ, мѣшающимъ нормальной жизни осколкомъ, подлежащаго уничтоженію прошлаго, другіе видѣли въ ней залогъ будущаго или симпатичное учрежденіе настоящаго; въ 50-хъ и 60-хъ годахъ объ общинѣ знали очень мало. Если литература часто

обсуждала этотъ вопросъ, то не на основаніи фактическаго матеріала, а на основаніи обще-экономическихъ, этическихъ и тому подобныхъ положеній. Работы славянофиловъ съ одной стороны, гг. Иванова, Неелова, Бутовскаго и т. п. авторовъ съ другой, давали слишкомъ зыбкую почву для того, чтобы выступить, основываясь на ней, за или противъ общины. Даже блестящія статьи «Современника», доказавъ неосновательность нападокъ на общину, не дали достаточно матеріала для всесторонней ея оцѣнки. Неудивительно, что законодательство 60-хъ годовъ одновременно и признаетъ и разрушаетъ общину. Не удивительно также, что его создатели не были знакомы ни съ обычно-правовыми воззрѣніями крестьянъ, ни съ многообразными формами этого института, не подозрѣвая, какъ кажется, существованія общиннаго владѣнія какими либо другими источниками сырыхъ матеріаловъ, кромѣ земли.

Авторъ извѣстной статьи: «Коренная нужда на сѣверѣ и принципъ государственнаго землевладѣнія» характеризуетъ роль современнаго законодательства слѣдующими словами: «какъ бы ни были велики для общества и для крестьянъ выгоды отъ начала мірскаго землевладѣнія, но землевладѣніе это неизбѣжно должно уменьшиться и, наконецъ, исчезнуть, если надъ землею будетъ признано то исключительное и неограниченное господство частнаго права, которое установлено надъ нею законодательствомъ 60-хъ годовъ» [221]). Нельзя не замѣтить, что сѣмена, брошенныя нашимъ законодательствомъ, упали на довольно благодатную почву. Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному,

малоземелье, высокія подати, ростъ торговаго предпринимательскаго и ссуднаго капитала не замедлили создать въ рядахъ общиннаго крестьянства группу міроѣдовъ, т. е. лицъ, de facto и de jure, стремящихся разрушить общину, препятствующую имъ наживаться на счетъ рядоваго крестьянства.

Мы разсмотримъ здѣсь 149—150 ст., 36, первые три параграфа 54, шестой параграфа 188 статьи «Общаго положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости», 161, 162, 163 и 165 статьи «Положенія о выкупѣ», а также и соотвѣтствующія перечисленнымъ статьи другихъ положеній о крестьянахъ.

149—150 статьи даютъ общиннику право выкупить свою усадебную осѣдлость въ личную собственность безъ согласія на то общества. Тѣмъ не менѣе, «положеніе» не давало домохозяйствамъ права отчуждать усадебную землю безъ согласія общества, но Сенатъ, «руководствуясь 91 статьею общаго положенія, которой онъ далъ распространительное толкованіе, призналъ, что крестьянинъ, числящійся владѣльцемъ усадебнаго участка по уставной грамотѣ, можетъ уступить право на него другому лицу по условію, записанному согласно 91 статьѣ въ книгу волостнаго правленія» [222]). Такое толкованіе Сената (юридически, впрочемъ, неправильное), создаетъ, разумѣется, «небывалый просторъ, какъ для мобилизаціи усадебъ, такъ и для всевозможныхъ злоупотребленій кулаковъ и писарей» [223]). 110 статья «Мѣстнаго положенія великороссійскаго», установившая подворное владѣніе на при-усадебныя и усадебныя

мѣста, довольно часто игнорируется крестьянами. Подольская, напримѣръ, управа Московской губерніи старалась, на основаніи 110 статьи, ввести подворное владѣніе на при-усадебныя земли, но потерпѣла полное фіаско [224]). Тѣмъ не менѣе указанныя статьи оказали уже кое-гдѣ свое пагубное дѣйствіе. Въ Гдовскомъ, напримѣръ, уѣздѣ Петербургской губерніи, даже послѣ пожара, всякій дворъ занимаетъ, безъ какого бы то ни было уравненія, какъ разъ то мѣсто, которымъ владѣлъ раньше; выдавая, напримѣръ, новому двору усадебный надѣлъ, міръ отбираетъ у него соотвѣтственный участокъ полевой земли; въ нѣкоторыхъ волостяхъ эти земли прямо покупаются на деньги. Однимъ словомъ, общинное владѣніе усадебными мѣстами совершенно исчезло въ данной мѣстности [225]). Въ Бугурусланскомъ уѣздѣ Самарской губерніи въ нѣкоторыхъ торгово-промышленныхъ обществахъ усадебныя земли отчуждаются на вѣчно [226]). Въ Бахмутскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи крестьяне продаютъ, кому хотятъ, или всю усадьбу, или часть ея; пріобрѣтаютъ у нихъ усадьбы даже пришлые люди [227]). Въ Мураевской волости Рязанской губерніи такія продажи происходятъ только между однообщественниками [228]). Въ Тверской губерніи, созданное 110 статьей ненормальное положеніе вызвало протестъ тверскаго губернскаго земскаго собранія; оно постановило ходатайствовать «о разъясненіи 110 статьи въ томъ смыслѣ, что каждому крестьянскому семейству предоставляется не право собственности или владѣнія на тотъ участокъ усадебной земли, которымъ это семейство фактически пользуется,

а лишь общее право пользованія усадебною землею въ селеніи, гдѣ оно проживаетъ, съ тѣмъ, что право это, а не извѣстный, опредѣленный участокъ земли, переходитъ къ наслѣдникамъ его, согласно существующему обычному порядку наслѣдованія»[229]).

Содержаніе первыхъ трехъ параграфовъ 54 статьи заключается въ слѣдующемъ: «для рѣшенія нижеслѣдующихъ дѣлъ требуется согласіе не менѣе двухъ третей всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ: 1) о замѣнѣ общиннаго пользованія землею участковымъ или подворнымъ (наслѣдственнымъ); 2) о раздѣленіи мірскихъ земель на постоянные наслѣдственные участки; 3) о передѣлахъ мірской земли».

Переходъ отъ общиннаго владѣнія къ подворному встрѣчается, вообще говоря, очень рѣдко. Такъ по опубликованнымъ въ 1880 году свѣдѣніямъ, въ Тверской губерніи перешли къ подворному владѣнію 49 обществъ (0,8% общиннаго населенія)[230]). Встрѣчались такіе переходы въ Казанской, Ярославской, Минской, Могилевской и другихъ губерніяхъ. Замѣтимъ въ самомъ началѣ, что % селеній, могущихъ легко перейти къ подворному владѣнію и тѣмъ не менѣе сохраняющихъ общину, очень высокъ. Такъ, напр., изъ 130 общинъ Московской губерніи, выкупившихъ свои надѣлы и могущихъ безпрепятственно перейти къ подворному владѣнію, перешло къ нему только 8; изъ числа же послѣднихъ 5—6 были населены вольными хлѣбопашцами, по закону владѣющими землей на подворныхъ началахъ. Изъ имѣющихся данныхъ нельзя заключить, что крестьяне тяготѣютъ къ подворному владѣнію. Необхо-

димыя для разрушенія общины $^{2}/_{3}$ голосовъ собираются въ большинствѣ случаевъ съ большимъ трудомъ; міроѣды спаиваютъ «гулякъ», лицъ, запустившихъ хозяйство, соблазняютъ ихъ возможностью получить продажею земли деньги, даютъ бѣднякамъ почувствовать всю силу экономической власти, подкупаютъ волостное и сельское начальство, устраиваютъ рядъ подлоговъ и пр., и пр. Не общинники, а сильное подкупомъ, кабалой и невѣжествомъ деревенской массы міроѣдство добивается подворнаго дѣлежа земли, влекущаго за собою обезземеленіе большинства, нищету и, какъ слѣдствіе ея, деморализацію наиболѣе разоренной части населенія. Постараемся теперь выяснить, чѣмъ является въ большинствѣ случаевъ переходъ отъ общиннаго владѣнія къ подворному и какія слѣдствія влечетъ онъ за собою. Въ Мценскомъ уѣздѣ Орловской губерніи 10,31% всѣхъ общинъ перешло къ такъ называемому подворному владѣнію; главной причиной перехода было малоземелье, заставляющее дорожить каждымъ клочкомъ земли, и внѣшнія вліянія. Нерѣдко совѣты мироваго посредника и непремѣннаго члена уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, въ связи съ желаніемъ избавиться отъ круговой поруки, повліяли на уничтоженіе общины. Тѣмъ не менѣе «вообще крестьянское подворное владѣніе землею отстоитъ очень далеко отъ владѣнія ею на правѣ полной личной собственности; оно составляетъ промежуточную форму между послѣднимъ и общиннымъ владѣніемъ, соединяющую въ себѣ черты того и другого, но, необходимо замѣтить, далеко не выгоднымъ образомъ: не имѣя главныхъ достоинствъ

этихъ формъ, оно обладаетъ почти всѣми ихъ недостатками [231])». Типъ такого землевладѣнія близко подходитъ къ четвертному; крестьяне владѣютъ землею (какъ и перешедшіе къ подворному владѣнію въ другихъ мѣстахъ) не въ отрубныхъ участкахъ, а чрезполосно; они устраиваютъ общія переверстки, уравнивающія землю по качеству или устраняющія чрезполосность. Очень интересное указаніе на тѣ мотивы, которые побуждаютъ крестьянъ переходить къ подворному владѣнію, мы встрѣчаемъ у петербургскихъ статистиковъ. «Живя въ общинѣ, воспитываясь въ понятіяхъ, выработанныхъ общинною жизнью, крестьянинъ, можно думать, видитъ въ подворной формѣ землевладѣнія ничто иное, какъ дальнѣйшій шагъ въ развитіи общины. Онъ наивно воображаетъ, что ему попрежнему можно будетъ пользоваться всѣми благами общинной жизни, но что только не будетъ тѣхъ лѣнтяевъ и пустодомовъ, за которыхъ, по круговой порукѣ, онъ долженъ платить подати, не будетъ тѣхъ «баламутовъ» и «смутьяновъ», которые готовы каждый день передѣляться, сегодня въ угоду одному, завтра другому. Вводя участковые порядки, онъ искренно видитъ въ нихъ лишь устраненіе нѣкоторыхъ неудобствъ общины. Крестьянину, исконному общиннику, не придетъ и на мысль считать вѣнцомъ участковаго владѣнія ферму или полумызокъ, гдѣ онъ, независимый владѣлецъ, имѣющій всѣ угодья подъ рукою, получитъ полное право отгородить себя отъ всѣхъ прежнихъ его односельцевъ-сообщинниковъ, воспретить проѣздъ и проходъ каждому по своей землѣ и что онъ воленъ поль-

зоваться своею землею съ такою полнотою правъ, какая немыслима въ общинѣ. Этотъ идеалъ участковаго владѣнія... нашему крестьянину рѣшительно не извѣстенъ» [232]). Ни мотивы перехода къ подворному владѣнію, ни форма землевладѣнія, которую принимаютъ разрушившіе общину крестьяне, не имѣютъ ничего общаго съ доводами въ пользу частной собственности на землю и съ формою подворнаго владѣнія, за которое стоятъ анти-общинники въ литературѣ. Крестьянское подворное владѣніе зачастую бываетъ фиктивнымъ, нерѣдко считаютъ подворниками тѣхъ крестьянъ, которые и не думали отказываться отъ общины. Такъ, напр., въ приговорахъ сходовъ встрѣчается выраженіе: «передѣлили землю на вѣчность», выраженіе, которое толкуется, какъ означающее переходъ къ подворному владѣнію; въ дѣйствительности же оно значитъ только то, что до новаго передѣла не будетъ происходить частныхъ перевёрстокъ, «свалки и навалки душъ», или же то, что новый передѣлъ предвидится только въ далекомъ будущемъ. Многіе приговоры о переходѣ къ подворному владѣнію доказываютъ только полное непониманіе послѣдняго термина: вотъ, напр., выдержка изъ приговора деревни Парфеновой Смоленской губерніи: «... постановили на основаніи 54 ст. 2 п. Общ. Пол. общинное пользованіе замѣнить постояннымъ участковымъ въ слѣдующемъ порядкѣ»... «въ случаѣ кто изъ насъ окажется нерадивымъ къ платежу, то отъ того участокъ его земли отобрать и передать другому» (это послѣ провозглашенія постояннаго участковаго владѣнія). Въ трехъ

деревняхъ той же губерніи (Вяземскаго уѣзда) были постановлены такіе же приговоры; «во всѣхъ этихъ деревняхъ, какъ и въ Парфеновой, рѣчь у крестьянъ шла (какъ оказалось изъ разспросовъ) только объ уничтоженіи подвижекъ, въ томъ, чтобы не сходить съ удобряемыхъ каждымъ нивъ. Относительно литературныхъ упражненій писаря въ этихъ деревняхъ оказывается или полное невѣдѣніе, или заявленіе, что онъ «незнамо, что напуталъ и только міръ перемутилъ» [233]). Въ Славяносербскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи крестьяне одной деревни постановили «отмѣнивъ передѣлы и переверстку мірской земли разбить ее навсегда на подворные участки и раздать ихъ домохозяевамъ въ постоянное пользованіе», да и забыли черезъ два года объ этомъ приговорѣ [234]). На весь уѣздъ только и существуетъ одинъ этотъ приговоръ о переходѣ къ подворному владѣнію. Въ деревнѣ Кокоревкѣ Трубчевскаго уѣзда Орловской губерніи «былъ постановленъ приговоръ о раздѣлѣ земли на подворные наслѣдственные участки, но въ исполненіе приговоръ этотъ приведенъ не былъ. Въ настоящее время крестьяне совершенно забыли объ этомъ приговорѣ и не могли объяснить ни причинъ его составленія, ни того, почему онъ не былъ исполненъ» [235]). Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ, вѣроятно, дѣло съ неумѣлымъ изложеніемъ на бумагѣ крестьянскихъ постановленій. Тѣ крестьяне Петергофскаго уѣзда Петербургской губерніи, которые установили подворное владѣніе землею, руководствовались только желаніемъ избавиться отъ круговой поруки; никакихъ другихъ, особенно же хо-

зяйственныхъ, соображеній у нихъ не было. И эти-то подворники преспокойно упражняются въ свалкѣ и навалкѣ надѣловъ. «Такимъ образомъ участковая форма владѣнія здѣсь столь мало отличается отъ общинной, что за раздѣльнымъ актомъ остается значенія не болѣе какъ передѣла общинныхъ земель и что земельная община въ сознаніи крестьянъ ни мало не утратила своихъ правъ распоряженія землею своихъ членовъ»[236]). Подѣливъ въ концѣ 1872 года подворно землю, крестьяне четырехъ общинъ Моршанскаго уѣзда Тамбовской губерніи не хотятъ даже признавать, что у нихъ было введено подворное владѣніе, и большинство ихъ желаетъ передѣла, упрекая стоящаго на законной почвѣ старшину; указывая на своихъ сосѣдей подворниковъ (четвертныхъ), говорятъ, что не хотѣли и не хотятъ такихъ порядковъ, какъ у послѣднихъ[237]). Въ Рязанскомъ уѣздѣ изъ 633 общинъ 16 рѣшили перейти къ подворному владѣнію; пять изъ нихъ составили письменные приговоры, а одиннадцать сдѣлали лишь словесныя постановленія; первое изъ пяти указанныхъ обществъ лежало около города и цѣны на землю дошли до 600 — 800 рублей за десятину. Соблазненные такой выгодой, крестьяне перешли къ подворному владѣнію; на проданныхъ земляхъ появились заводы, кабаки, трактиры. «Многіе изъ крестьянъ допытывались», говоритъ изслѣдователь: «нельзя ли снова возстановить старый порядокъ владѣнія, такъ какъ во многихъ семьяхъ явилось сильное несоотвѣтствіе между надѣломъ и ихъ наличнымъ составомъ». Во второй общинѣ «многіе почувствовали ошибочность

стараго рѣшенія, многіе сѣтуютъ на «старичковъ», что тѣ «неладно удумали», сдѣлавъ невозможнымъ поравненіе земли; третья община постановила не передѣлять землю, въ полной увѣренности, что каждый будетъ выкупать надѣлъ въ свою личную (а не общественную) собственность. Въ четвертой хотѣли избавиться отъ круговой поруки, пятая преслѣдовала ту же цѣль и разрушила общину только фиктивно [238]). Крестьяне нѣсколькихъ селеній въ Ярославской губерніи перешли къ подворному владѣнію тоже фиктивно, подъ давленіемъ той же круговой поруки; «круговая порука была у нихъ уничтожена, но земля не раздѣлена на участки до настоящаго времени и общинное владѣніе осталось у нихъ попрежнему» [239]). Подобное же явленіе было замѣчено въ Симбирской губерніи, въ Путивльскомъ, Грайворонскомъ уѣздахъ Курской губерніи и въ другихъ мѣстахъ [240]). Любопытныя данныя приводитъ г. Красноперовъ о Пермской губерніи; говоря о перешедшихъ къ подворному владѣнію крестьянахъ, онъ пишетъ слѣдующее: «эти quasi подворники изъявляютъ готовность на участковую форму владѣнія не иначе, какъ предварительно поравнявши участки. Это требованіе уравненія—ясный признакъ того, что въ сознаніи населенія живо право общиннаго землевладѣнія, это требованіе несовмѣстимо съ началомъ подворнаго владѣнія». «Средство, которымъ поддерживается это недоразумѣніе», продолжаетъ авторъ: «весьма тонкое и коварное: привлечь сочувствіе большинства въ пользу подворной формы владѣнія такимъ актомъ, который составляетъ неотъемлемую исключительную особенность

общиннаго землевладѣнія»[241]). Не говоря уже о томъ, что крестьяне, перешедшіе къ подворному владѣнію, очень далеки отъ послѣдняго, замѣтимъ, что большинство приговоровъ о переходѣ къ подворному владѣнію вызваны вовсе не сознаніемъ выгодности этой формы, а случайными причинами, или же являются плодомъ недоразумѣнія и обмана. Среди случайныхъ причинъ выдающуюся роль играютъ или крайне высокая цѣна на землю (въ пригородныхъ мѣстностяхъ, въ Петербургскомъ уѣздѣ, гдѣ подворные участки ускользаютъ изъ рукъ крестьянъ)[242]), или же внѣшнее давленіе— оно выражается иногда въ «совѣтахъ» начальства или въ поступкахъ людей, власть имѣющихъ; «во многихъ мѣстахъ Пермскаго уѣзда, напр., помѣщики подарили крестьянамъ землю съ условіемъ владѣть ею подворно»; понятно, что здѣсь сравнительно высокъ процентъ подворниковъ у бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ (8,3 % селеній)[243]). Въ средѣ же крестьянъ агитаторами за подворное владѣніе являются или лица, желающія скупить землю бѣдняковъ, или же отбившіеся отъ сельскаго хозяйства крестьяне, мечтающіе положить въ карманъ продажей земли нѣсколько десятковъ рублей. Для того, чтобы выяснить основную причину, не дозволяющую общинникамъ принять подворный типъ владѣнія, остановимся на обычно-правовыхъ воззрѣніяхъ крестьянства. Крестьяне-общинники не признаютъ частной собственности на землю за нормальный, удобный и соотвѣтствующій ихъ нравственному воззрѣнію институтъ. Такое непризнаніе вытекаетъ изъ принциповъ трудового начала, по которому собствен-

ность можетъ явиться только результатомъ трудовыхъ усилій. Никѣмъ не произведенная земля является поэтому «Божьей», «ничьей»; находящаяся въ Россіи— «государственной», «государевой» (главнымъ образомъ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ). Принадлежащая общинѣ земля называется «мірской». Мірская, государева земля противополагается крестьянами частно-владѣльческой. Они не хотѣли даже вѣрить, что послѣдняя составляетъ навѣки нерушимую собственность владѣльцевъ. Государство, отбиравшее и дававшее земли, сохраняетъ, по ихъ мнѣнію, верховное право надъ всей землей такъ же, какъ міръ сохраняетъ его надъ общиннымъ надѣломъ. Отсюда надежды на «черный передѣлъ», «дѣлъ», «слушной часъ», дополнительный надѣлъ, съ которыми, вопреки мнѣнію очень многихъ, у большинства крестьянства вовсе не связывалась мысль о своевольномъ захватѣ земли; со всѣми этими моментами крестьянинъ связывалъ такое представленіе, что государство сочтетъ когда либо нужнымъ произвести поравненіе земли, какъ находитъ это нужнымъ сдѣлать, иногда послѣ долгихъ и томительныхъ ожиданій малоземельныхъ, община. Въ послѣднее время крестьяне, разочаровавшись въ немедленномъ исполненіи своихъ надеждъ, ожидаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подготовительнаго шага къ нимъ—признанія всей земли казенною. Государство могло не пользоваться нѣкоторое время своимъ правомъ, но міръ, близко наблюдая бытъ землепашцевъ, никогда не выпускалъ изъ рукъ власти. Заботясь о томъ, чтобы не подрывалось благосостояніе кого либо изъ общинни-

ковъ, міръ зорко слѣдитъ за величиною надѣловъ и производитъ равненіе каждый разъ, когда находитъ это возможнымъ. Власть ссуднаго, торговаго и промышленнаго капитала не замедлила создать въ рядахъ крестьянства группу міроѣдовъ. Но поддерживаемое современными условіями жизни міроѣдство столкнулось съ сильными традиціями міра, а въ настоящее время и съ сознательной защитой общины рядовымъ крестьянствомъ. Не смотря на непрерывность ударовъ, наносимыхъ общинному владѣнію, не смотря на то, что анти-общинныя тенденціи находятъ опору въ писанномъ правѣ и его толкованіяхъ, было бы ни на чемъ не основанною смѣлостью сказать, что община расшатана міроѣдствомъ. Понятно, она можетъ погибнуть подъ внѣшними ударами и, разъ послѣдніе не будутъ устранены, погибнетъ, но до этого еще далеко; торжество индивидуальнаго владѣнія отсрочивается и пробуждающимся въ рядахъ общинниковъ сознательнымъ отношеніемъ къ выгодамъ исконной формы землевладѣнія. Къ сознательной защитѣ общины крестьянами мы и перейдемъ теперь. О крестьянахъ Бурмакинской волости Ярославскаго уѣзда, г. Исаевъ писалъ слѣдующее: «крестьянинъ знаетъ о существованіи частнаго землевладѣнія: въ его сосѣдствѣ многіе владѣютъ землею на правѣ частной собственности, но онъ считаетъ непригодной для себя эту форму. Вниманіе крестьянина особенно останавливаютъ на себѣ двѣ невыгодныя стороны частнаго землевладѣнія: 1) въ замѣнѣ этою формою общиннаго быта онъ видитъ первый шагъ на пути къ обезземеленію большинства и сосредото-

ченія земли въ рукахъ немногихъ сильныхъ и предпріимчивыхъ личностей; 2) онъ живо представляетъ себѣ всѣ невыгоды чрезполосицы, сопряженной съ переходомъ отъ мірского владѣнія къ участковому. Первая невыгода чувствуется всего полнѣе и сознается всего глубже неимущими, малосильными членами міра. Надъ второй же задумываются и достаточные крестьяне»[244]). Очень характерно разсужденіе харьковскихъ крестьянъ (Купянскаго уѣзда). «Какъ возьмемъ владѣнную запись», говорятъ они: «такъ сейчасъ сможемъ продавать часть земли, когда будетъ на то согласіе двухъ третей общества, а у насъ всегда наберется голи и лѣнтяевъ и того болѣе. Вотъ папы да купцы водкой да деньгами подобьютъ насъ продать имъ часть земли, да еще лучшей. Деньги за землю поступятъ въ казну, намъ полегчаетъ на нѣсколько копѣекъ, а мы ту же проданную землю будемъ покупать по 3 да по 5 рублей въ годъ... Пока земля казенная, съ голоду я не умру и, что бы со мной не было, земля останется при мнѣ, а какъ мы выкупимъ, то она достанется богатымъ. Я умру и земля пойдетъ на общество, а выростутъ дѣти и получатъ землю, а какъ выкупимъ да подѣлимъ, то, пока выростутъ дѣти, опекуны и волость проживутъ землю, какъ бываетъ съ избами и другимъ имуществомъ, а дѣтямъ нашимъ придется таскаться нищими». «Только дай намъ право», продолжаетъ крестьянинъ: «такъ добрую волю нашу въ кабакахъ легко будетъ достать. Такой-то (имя и отчество) сейчасъ споитъ насъ, подкупитъ волостное и сельское начальство да и купитъ у насъ лучшую землю

и мы останемся при однѣхъ усадьбахъ и неудобной землѣ»[245]). Опросъ общинниковъ Московской губерніи ясно доказалъ сознательную привязанность крестьянъ къ общинѣ. Приведемъ для примѣра одинъ изъ типичныхъ крестьянскихъ отзывовъ; въ деревнѣ Логиновой Можайскаго уѣзда записаны слѣдующія слова: «при подворномъ владѣніи скотъ нельзя будетъ гонять; загородки дѣлать надо и каждому своего пастуха нанимать, да и землю не уравняешь. Другой ослабнетъ, куда ему дѣвать землю? И будетъ платить спуста, а дѣтямъ оставитъ камень, а не землю»[246]). Въ общемъ крестьяне считаютъ подворное владѣніе положительно не прочнымъ; они увѣрены, что прямымъ его слѣдствіемъ будетъ оббезземеленіе многихъ. «За это насъ дѣти проклянутъ», «это не по-русски», говорятъ о подворномъ владѣніи крестьяне Воронежскаго уѣзда[247]). «Подворное владѣніе», говорили крестьяне Самарскаго уѣзда: «выгодно только у тѣхъ, у кого земли много и кто живетъ не въ обществѣ»[248]). Крестьяне Саратовскаго уѣзда разсуждали слѣдующимъ образомъ: «раздѣлить землю по дворамъ навѣчно, такъ можно совсѣмъ пропасть; у кого работниковъ мало или кто въ семьѣ заболѣетъ, недоимку и запустятъ и отъ этого можетъ быть разореніе. При общественномъ же владѣніи міръ можетъ взять землю съ упалаго крестьянина и передать другому за подати»[249]). Изъ многихъ мѣстъ сообщались свѣдѣнія, что крестьяне враждебно относятся къ подворному владѣнію; попытки замѣнить общину «вызываютъ ропотъ, даже сопротивленіе»[250]); такъ, напр., въ общинахъ государственныхъ крестьянъ Харьковской

губерніи (Науголевской, Покровской) за нѣсколько лѣтъ до 1880 года были безпорядки, «вызвавшіе вмѣшательство военной власти, вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ отъ нежеланія крестьянъ переходить къ подворному владѣнію»[251]).

Не смотря на тяготѣніе крестьянства къ общинѣ, наше законодательство не санкціонировало переходы отъ подворнаго владѣнія къ общинному. Положеніе 19-го февраля, составленное лицами, убѣжденными, что община не имѣетъ будущности, не заключаетъ въ себѣ статьи, легализирующей такіе переходы, которые тѣмъ не менѣе существуютъ. Не говоря уже о переходахъ къ великорусскимъ общинамъ отъ захватнаго и четвертнаго землевладѣнія, остановимся на подворникахъ, перешедшихъ къ общинѣ; перешли къ общинному владѣнію Калиновскіе однодворцы Серпуховскаго уѣзда Московской губерніи; мѣщане села Лопатина Подольскаго уѣзда возстановили, въ виду неравномѣрнаго распредѣленія земли, общину[252]); крестьяне двухъ селеній Бугульминскаго уѣзда Самарской губерніи перешли въ 1869 году къ общинному владѣнію[253]). Горнозаводскіе крестьяне Уржумскаго уѣзда Вятской губерніи, владѣвшіе ранѣе подворно, при окончательномъ устройствѣ своего быта избрали общинное владѣніе, хотя при этомъ многимъ пришлось отказаться отъ своихъ насиженныхъ мѣстъ[254]). Крестьяне с. Ижевскаго Спасскаго уѣзда Рязанской губерніи выпросили себѣ право перейти къ подворному владѣнію[255]). Въ Тамбовской губерніи въ 1861 году многіе крестьяне перешли къ общинѣ[256]). Правительство пыталось обра-

зовать изъ великорусскаго населенія подворниковъ. Съ цѣлью узнать, какъ привьется эта форма владѣнія, 103 общества Самарской губерніи получили землю на подворномъ правѣ. Въ настоящее время большинство этихъ селеній заявили изслѣдователямъ, что они желали бы передѣлить землю по душамъ, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ крестьяне фактически перешли къ общинному владѣнію [257]). Въ Саратовской губерніи были водворены на подворныхъ началахъ питомцы воспитательнаго дома. Лѣсомъ, выгономъ и арендованною землею они владѣютъ въ настоящее время на общинныхъ началахъ, міръ отбираетъ надѣлы у недоимщиковъ, наслѣдуетъ выморочные надѣлы, которые намѣренъ передѣлять. Наконецъ, они давно уже намѣреваются произвести коренной передѣлъ: «вѣдь есть же», говорятъ они: «законъ, что, коли $^2/_3$ согласны, такъ и дѣлить землю можно; почему же намъ нельзя» [258]). Крестьяне села Ново-Николаевки Днѣпровскаго уѣзда Таврической губерніи на собственномъ опытѣ и примѣрѣ сосѣдей убѣдились въ неудобствахъ подворнаго владѣнія и стали рѣшительно склоняться къ разверсткѣ по ревизскимъ душамъ [259]). Крестьяне Самарской губерніи устроивали въ нѣкоторыхъ случаяхъ общинное владѣніе на купчихъ земляхъ; переходовъ же къ подворному владѣнію въ губерніи не было [260]). Г. Ремезовъ указалъ рядъ случаевъ, какъ крестьяне, купивъ землю «на паяхъ», переходили къ общинному владѣнію. Да и вообще говоря, крестьяне, купившіе землю товариществомъ, почти безъ исключенія владѣютъ землею на четвертномъ или на общинно-четвертномъ

правѣ [261]). Два товарищества Княгининскаго уѣзда Нижегородской губерніи владѣютъ купленною землею на общинныхъ началахъ [262]). Укажемъ, въ какое невозможное положеніе ставитъ крестьянъ и начальство отсутствіе легализаціи переходовъ къ общинному владѣнію. Крестьяне постановили приговоръ о переходѣ къ подворному владѣнію. Когда дѣло дошло до дѣлежа, они никакими силами не могли добиться требуемой всѣми безобидности. Ничего не добившись, они опять таки рѣшили перейти къ общинному владѣнію, но нѣсколько человѣкъ не пожелали этого и крестьяне остались въ невозможномъ положеніи.

Говоря о переходахъ къ подворному владѣнію, мы указали на круговую поруку, какъ на разрушающій общину факторъ. Круговая порука съ давнихъ поръ связывается съ рабочими группами крестьянъ, будь то артели или общины. Тѣмъ не менѣе она не можетъ считаться институтомъ, неизбѣжно связаннымъ съ общиннымъ владѣніемъ. Указомъ 17-го ноября 1869 года «всѣ селенія, имѣющія отдѣльное владѣніе землею и въ которыхъ числится менѣе 40 душъ, избавлены отъ круговой поруки по платежу податей, но тѣмъ не менѣе сохранили общинное землевладѣніе [263]). Съ другой стороны подушная подать взыскивалась при подворномъ владѣніи по круговой порукѣ. Нельзя, однако, отрицать, что круговая порука тѣсно слилась съ общиною и, при нормальныхъ условіяхъ податнаго обложенія, составляетъ свѣтлую сторону послѣдняго. Понятно, что высокія подати, разоряя большинство общинниковъ и создавая массу недоимщиковъ, заставляютъ сваливать,

при помощи круговой поруки, недоимки на болѣе состоятельныхъ крестьянъ; понятно, что при такихъ условіяхъ, послѣдніе тяготятся круговой порукой. Но разъ будетъ устранено ненормально высокое обложеніе земли, круговая порука, не мѣшая отдѣльнымъ лицамъ, сильно помогаетъ общинѣ, какъ цѣлому. Только при высокихъ платежахъ зажиточные крестьяне тяготятся связанною съ общиной круговою порукою и, стараясь избавиться отъ послѣдней, подаютъ голоса за подворное (зачастую фиктивное) владѣніе. Тѣ же лица, которыя считаютъ возможнымъ разрушить общину для уничтоженія круговой поруки, убиваютъ, ради потроховъ, несущую золотыя яица курицу и часто горько ошибаются въ разсчетѣ. Очень часто крестьяне преувеличиваютъ свои силы, надѣясь устроиться внѣ общины. Увеличеніе семейства, болѣзни, неурожаи и т. п. заставляютъ ихъ продать землю и войти въ ряды пролетаріата, куда они толкали своихъ бѣдныхъ односельчанъ.

Польза отъ круговой поруки вполнѣ очевидна. При ея существованіи обществу «крайне невыгоденъ упадокъ хозяйства отдѣльныхъ его членовъ, такъ какъ они, вслѣдствіе разстройства хозяйства, могутъ сдѣлаться неплательщиками. Въ виду этого обществомъ принимается цѣлый рядъ мѣръ, изъ которыхъ нѣкоторыя составляютъ одну изъ лучшихъ сторонъ общинной жизни»[264]). «Въ случаѣ смерти единственнаго работника въ семьѣ», продолжаетъ г. Якушкинъ: «когда послѣ него остаются малолѣтнія дѣти, иногда весь міръ, чтобы не нарушать хозяйства, обработываетъ сиротскую землю. Но это бываетъ рѣдко; гораздо чаще общество оставляетъ весь

надѣлъ или часть его въ пользованіи вдовы и сиротъ, принимая на себя всѣ платежи. При временномъ упадкѣ хозяйства отъ разныхъ несчастныхъ случаевъ (пожара, падежа скота, болѣзни работника и т. п.), долго хозяину оказывается всевозможная помощь: общество или складываетъ съ него платежи, или разсрочиваетъ ихъ, иногда помогаетъ ему изъ мірского капитала, иногда помогаетъ ему работою» [265]). Мало этого; общество, желая поддержать неисправныя хозяйства, сдаетъ иногда въ аренду часть земли, мельницу, беретъ деньги изъ общественныхъ суммъ, дѣлаетъ заемъ и уплачиваетъ за нихъ подати. Круговая порука играетъ здѣсь немалую роль, такъ какъ вдова съ сыновьями, напримѣръ, пользуется болѣе серьезной и постоянной помощью, чѣмъ вдова съ дочерями. Круговая порука играетъ важную роль и при разверсткѣ повинностей. Богачамъ не выгодно облагать бѣдные и слабосильные дворы непосильною долею податей, такъ какъ недоимки пришлось бы уплачивать имъ же самимъ. Можетъ, понятно, случиться, что міроѣдамъ будетъ выгоднѣе отдать недоимщика въ кабалу, раскупить его имущество, отобрать надѣлъ, т. е. произвести рядъ мѣропріятій, разрѣшенныхъ закономъ по отношенію къ недоимщику, но тѣмъ не менѣе круговая порука устраняетъ поводы «къ явно несправедливому отягощенію малосостоятельныхъ хозяевъ непосильными для нихъ платежами» [266]). За круговую поруку раздались въ послѣднее время сильные голоса: «круговая порука», писалъ Н. Шелгуновъ: «есть народная страховая система распредѣленія платежей, одна изъ натуральныхъ формъ подоходнаго

обложенія и осуществленіе идеи податной справедливости, какъ ее понялъ и осуществилъ народъ» [267]). Нападки на круговую поруку не имѣютъ за собою серьезнаго основанія; то, напримѣръ, положеніе, что она покровительствуетъ лѣнтяямъ, вовсе не подтверждается наблюденіями; разложивъ между собою недоимку, общинники, при первой возможности, взыскиваютъ ее и, зорко слѣдя за малѣйшей поправкой недоимщика, не позволяютъ ему тратить деньги на маловажныя нужды до тѣхъ поръ, пока не покроется недоимка. Общинники, заинтересованные въ благосостояніи и платежной силѣ хозяйствъ, стараются, по возможности, не допускать примѣненія тѣхъ фискальныхъ мѣропріятій, которыя, на основаніи 188 статьи «Общаго Положенія», могутъ легко разорить крестьянина. Не будь круговой поруки, эти мѣропріятія, большая гуманность которыхъ или прямое уничтоженіе очень желательны, дѣйствовали бы съ болѣе разрушительною силою, чѣмъ теперь. Крестьяне нерѣдко понимаютъ выгоды круговой поруки: въ нѣкоторыхъ общинахъ Славяносербскаго уѣзда Екатеринославской губерніи «крестьяне, по словамъ г. Пругавина, категорически высказываются за круговую поруку. Въ сельцѣ Мало-Николаевкѣ они дѣлаютъ указаніе на то, что, благодаря круговой порукѣ, многіе изъ жителей за прежніе годы изъ бѣдныхъ сдѣлались средними хозяевами, завели скотъ. Круговая порука практикуется не только въ большихъ общинахъ, которыя обязаны по закону примѣнять ее, она существуетъ и въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ имѣется менѣе 40 ревизскихъ

душъ и которыя по закону избавлены отъ нея»[268]). Сама по себѣ круговая порука не побуждаетъ крестьянъ переходить къ подворному владѣнію; этотъ ложный шагъ заставляютъ ихъ дѣлать, прилестенные къ круговой порукѣ, высокіе платежи, уменьшеніе которыхъ очень важно для устойчивости общины.

Во всякомъ случаѣ, какіе бы мотивы не вызывали переходъ крестьянъ къ подворному владѣнію, этотъ переходъ очень нежелателенъ. На западѣ пришли уже къ тому убѣжденію, что остатки тамошнихъ общинъ не могутъ быть уничтожены безъ согласія правительства. Не мѣшало бы и русскимъ принять это положеніе, явившееся результатомъ внушительнаго историческаго урока. Большинство, собранное всѣми неправдами или даже правдами, большинство экономическое зависимое и потому преслѣдующее не столько свои личныя выгоды, сколько выгоды своихъ патроновъ, не должно по произволу распоряжаться судьбою общины. Допустивъ такое распоряженіе, законодательство отдаетъ судьбу и благосостояніе крестьянской Россіи въ руки жаднаго, дикаго и невѣжественнаго міроѣдства, лишеннаго и тѣхъ симпатичныхъ чертъ, которыя наблюдаются въ простомъ народѣ, и безсильнаго заимствовать свѣтлыя стороны общечеловѣческой культуры. Община, свободная въ своемъ развитіи отъ непродуманныхъ законовъ, не стѣсняемая малоземельемъ и высокими податями, сильно сдерживаетъ развитіе пролетаріата; такимъ образомъ ея сохраненіе является національной задачей и никакое мѣстное большинство не имѣетъ права уничтожить ее. Двумъ первымъ параграфамъ 54 статьи

Общаго Положенія соотвѣтствуютъ 163 статья «Положенія о выкупѣ», 115 статья «Мѣстнаго положенія великороссійскаго», первый параграфъ 15-й и первый параграфъ 30-й статьи «Положенія о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ», третій и четвертый параграфы 33-й статьи «Положенія о башкирахъ» съ тѣмъ, впрочемъ, ограниченіемъ, что по первому примѣчанію 31 статьи постановленіе схода представляется здѣсь на разрѣшеніе начальства.

Перейдемъ теперь къ третьему параграфу 54 статьи, играющему не менѣе печальную роль въ дѣлѣ разрушенія общины и порожденія смуты среди крестьянства. Великорусскій типъ общины утрачиваетъ безъ передѣловъ свою сущность и превращается въ чрезполосно наслѣдственное владѣніе, безъ права продажи земли отдѣльными лицами. Крестьяне зло острятъ надъ общинами такого типа: «надо бы солдатамъ землю дать», говорятъ они, «а то скоро мертвыхъ будемъ выкапывать да въ солдаты отдавать: у нихъ земля есть» [263]). Подобная форма землевладѣнія, при которой землевладѣльцами являются, по мнѣнію крестьянъ, мертвецы, положительно не имѣетъ никакихъ достоинствъ. Міроѣды, опираясь на третій параграфъ 54-й статьи, не допускаютъ невыгодныхъ имъ передѣловъ, обнаруживая такимъ образомъ свою симпатію къ положеніямъ, пропагандируемымъ нѣкоторыми членами интеллигентнаго общества. Для того, чтобы разрушить общину, надо собрать $^2/_3$ голосовъ, а чтобы не допустить передѣла, нужна только одна треть съ однимъ еще голосомъ. Міроѣды и пользуются этимъ для фак-

тическаго уничтоженія общины, для удержанія за собою земли, на которую не имѣютъ права. Однако, уничтоженіе передѣловъ является далеко не легкимъ дѣломъ. Въ слободѣ Костомаровой Острогожскаго уѣзда Воронежской губерніи, напр., безземельные крестьяне отказались отбывать всякія повинности, чѣмъ и заставили общество передѣлить землю на новыя души [270]). Въ Симбирской губерніи «противниками передѣла съ цѣлью привлечь болѣе домохозяевъ на свою сторону и составить больше ⅓ голосовъ пускаются въ ходъ подкупы, подпаиваніе, выписываются нотаріальныя довѣренности отъ лицъ, живущихъ на сторонѣ, при чемъ разстояніемъ не стѣсняются; такія довѣренности присылаются изъ Тобольска и Благовѣщенска Амурской области и изъ другихъ не менѣе отдаленныхъ мѣстъ [271]). Въ деревнѣ Юрьевкѣ Саратовскаго уѣзда противники передѣла заставляютъ бѣдныхъ держать ихъ сторону силою своего вліянія и состоятельности, наконецъ пускаютъ въ ходъ и водку» [272]). Нѣтъ сомнѣнія, что міроѣдамъ приходится тратить много усилій каждый разъ, когда они отсрочиваютъ передѣлъ; по всей Россіи идетъ борьба между общинниками и міроѣдами, борьба, достигшая въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крайняго напряженія. Былъ случай, когда общинники просили отдѣлить ихъ въ особое отъ міроѣдовъ общество. Въ цѣломъ рядѣ губерній идутъ ожесточенные споры [273]). «Стоило только въ иныхъ общинахъ», пишетъ г. Григорьевъ: «завести разговоръ объ этомъ назрѣвшемъ вопросѣ (о передѣлѣ), какъ изъ вялаго, не вполнѣ довѣрчиваго схода, онъ превращался въ

шумное, энергичное деревенское вѣче: тутъ слышались брань, угрозы и отборныя выраженія [274]). Зажиточные крестьяне положительно терроризировали въ нѣкоторыхъ случаяхъ бѣдняковъ. Крестьяне Бузулукскаго уѣзда Самарской губерніи такъ говорятъ объ этомъ: «безъ ревизіи и начальства при дѣлежкѣ большая драка будетъ. Богатые дворы завладѣли душами ушедшихъ на новыя земли хозяевъ вмѣстѣ съ усадьбами и ни за что не отдадутъ ихъ» [275]). О Липецкомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи сообщали, «что споры меньшинства хозяевъ съ большинствомъ бываютъ ожесточенные, при чемъ для застращиванія большинства пускаются въ ходъ всякія непозволительныя угрозы. Такъ, напр., крестьяне с. Крутого разсказываютъ, что у нихъ противники передѣла земли «грозятъ смертоубійствомъ» [276]). Драки между крестьянами,—обычное явленіе въ с. Ярославкѣ Козловскаго уѣзда той же губерніи: «ссоры и драки изъ-за передѣла земли сопровождались довольно серьезными послѣдствіями и привели къ уголовному слѣдствію» [277]). Въ с. Семяней Тамбовскаго уѣзда передѣлъ разстроился изъ-за того, что богатые его противники «стали подпаивать бѣдныхъ виномъ, чтобы они приняли ихъ сторону. Вслѣдствіе этого изъ-за начатаго передѣла земли начались судбища, драки и все дѣло разстроилось» [278]). «Въ д. Елховозерной Симбирскаго уѣзда во время споровъ о земельномъ передѣлѣ былъ заколоченъ до смерти сельскій староста. Въ с. Крестниковѣ того же уѣзда крестьяне много разъ дрались изъ-за передѣла»; въ с. Мещерякахъ противники передѣла чуть не побили

исправника Буинскаго уѣзда [279]). Въ Мелитопольскомъ уѣздѣ Таврической губерніи «дѣло доходитъ до отчаянныхъ дракъ, до ножей, до кровопролитныхъ схватокъ съ кольями въ рукахъ» [280]). Въ с. Осиповка Кирсановскаго уѣзда Тамбовской губерніи изъ-за передѣла дрались мужчины и женщины, «пускались въ ходъ вилы и топоры, противники рубили другъ у друга сохи, хомуты, оглобли; убійствъ, по счастью, не случилось, но много избитыхъ» [281]). Въ Свіяжскомъ уѣздѣ Казанской губерніи во многихъ случаяхъ передѣлу предшествовала долгая и упорная борьба между сторонниками старыхъ и новыхъ душъ, доходившая иногда до кровавыхъ схватокъ [282]). Въ деревнѣ Молвиной того же уѣзда передѣлъ былъ пріостановленъ вслѣдствіе жалобы губернатору на яко бы неправильное его составленіе. Тѣмъ не менѣе крестьяне приступили къ передѣлу, богачи воспротивились и «это столкновеніе крестьянъ между собою кончилось, буквально, сраженіемъ, гдѣ легли убитыми трое изъ меньшинства и ранеными четырнадцать человѣкъ» [283]). Въ сентябрѣ 1887 года приверженцы старой разверстки убили въ с. Матокъ Буинскаго уѣзда Симбирской губерніи сторонника передѣла — старосту [284]). Лѣтомъ 1888 года убитъ въ Казанской губерніи крестьянинъ во время спора о передѣлѣ [285]). Въ Усть-Ижорѣ Петербургскаго уѣзда дѣло обходится мирнѣе: богачи не позволяютъ поставить вопросъ о передѣлѣ; «обыкновенно смѣльчака, поднимающаго вопросъ о передѣлѣ, безъ всякой церемоніи арестуютъ и сажаютъ въ холодную подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ пьянъ» [286]). Сторонники

передѣла сравнительно рѣдко начинаютъ драки, но все-таки начинаютъ: въ Абакумовской волости Тамбовскаго уѣзда, напр., крестьяне подѣлили землю и часть ея засѣяли, но приговоръ не былъ утвержденъ и стародушники явились передѣлять землю по старому; общинники напали на нихъ и шестерыхъ поранили до крови. Летаетъ по деревнямъ изъ-за передѣла и красный пѣтухъ [257]). Не легко также произвести передѣлъ съ наличныхъ на ревизскія души и тутъ не обходится дѣло безъ подлоговъ; такъ, напр., въ одномъ изъ селеній Мелитопольскаго уѣзда Таврической губерніи приговоръ о переходѣ на ревизскія души былъ составленъ при слѣдующихъ условіяхъ: «на сходѣ было 17 женщинъ вмѣсто отсутствующихъ мужчинъ, подъ двумя номерами въ приговорѣ никто не записанъ, а въ счетъ приняты два лица, подъ однимъ номеромъ записано только имя «Иванъ», три лица записаны по 2 раза, а четыре лица не имѣли права голоса на сходѣ» [258]). Требованіе собрать $^2/_3$ голосовъ для передѣла положительно деморализируетъ населеніе: спаиваніе, подкупы, подлоги, убійства — все это не можетъ проходить безслѣдно и не отзываться на крестьянахъ. Сутяжничество кулаковъ доводитъ иногда міръ до озлобленія, до полнаго непониманія, гдѣ начинаются и гдѣ кончаются его права. Энергія міроѣдовъ прямо изумительна: они посылаютъ иногда ходоковъ въ Петербургъ, добиваясь всевозможными способами отмѣны постановленнаго приговора о передѣлѣ. На сходѣ трудно собрать всѣхъ домохозяевъ, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сильно развиты отхожіе промыслы, и поста-

новленный безспорнымъ большинствомъ приговоръ о передѣлѣ отмѣняется только потому, что два, три давшіе на него согласіе домохозяева были въ отлучкѣ. «Въ нѣкоторыхъ общинахъ Бѣлгородскаго уѣзда Курской губерніи вопросъ о передѣлѣ, не смотря на общее согласіе всѣхъ домохозяевъ, не рѣшается до сихъ поръ, благодаря только тому, что общины слишкомъ велики, собрать полный сходъ для написанія приговора, необходимаго въ этомъ случаѣ, было бы слишкомъ трудно» [289]). Въ очень маленькихъ общинахъ дѣла обстоятъ очень оригинально; такъ, напр., въ с. Усовъ-Колодезь Мценскаго уѣзда «пять хозяевъ изъ восьми желали бы передѣла снова на наличныя души, но для этого, какъ они говорятъ, не хватаетъ 1/3 голоса» [290]). Борьба изъ-за передѣловъ поддерживается иногда совсѣмъ сторонними лицами: изъ словъ крестьянъ Усманскаго уѣзда Тамбовской губерніи можно заключить, что многихъ жалобъ на приговоры сельскихъ сходовъ не было бы, еслибъ противники передѣла не поощрялись къ жалобамъ разными посторонними лицами (такъ называемые «аблакаты», даже одинъ священникъ), бравшими «деньги и разныя приношенія съ обѣихъ сторонъ и писавшими обѣимъ всевозможныя кляузы, то есть сторонникамъ и противникамъ мірского передѣла земли» [291]). Сильно радуется міръ, когда побѣдитъ міроѣдовъ, онъ прямо празднуетъ побѣду: «сегодня у насъ большой праздникъ», говоритъ крестьянинъ села Ташлы Симбирскаго уѣзда. «Съ самаго освобожденія земля у насъ была спервоначалу роздана по душамъ, такъ съ тѣхъ поръ за этими душами только и оста-

валась, а тѣмъ временемъ народу народилось. Долго держался у насъ этотъ порядокъ, да вотъ вчера, благослови Боже, правда осилила. На міру рѣшили всю землю подѣлить по живымъ душамъ, а сегодня это и произвели въ дѣло. Вотъ мы и празднуемъ»[292]). Замѣна требуемаго закономъ большинства—двухъ третей простымъ большинствомъ была бы полезна не только въ экономическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи. «Продолжительное отсутствіе передѣловъ», пишутъ о Саратовскомъ уѣздѣ: «порождаетъ не только экономическую, но и нравственную рознь въ крестьянской средѣ»[293]). Существуетъ много свѣдѣній о томъ, что міроѣды до того спутали понятія крестьянъ, что послѣдніе ждутъ распоряженія о передѣлѣ (ревизіи), не зная о своемъ правѣ дѣлить землю. Волостныя правленія, земства и другія учрежденія должны ознакомить крестьянъ съ этимъ правомъ. На сколько важно подобное увѣдомленіе, можно судить по слѣдующему факту: со времени послѣдней ревизіи коренныхъ передѣловъ какъ въ Вятскомъ уѣздѣ, такъ и во всей сѣверной полосѣ Вятской губерніи, нигдѣ не производилось. «Только въ послѣдніе годы, когда въ сосѣднемъ Орловскомъ уѣздѣ мѣстному населенію было разъяснено со стороны уѣзднаго земства о возможности и законности подобныхъ передѣловъ, крестьяне и Вятскаго уѣзда начали серьезно подумывать о разверсткѣ по новымъ душамъ, причемъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ, какъ, напр., въ Куменской, коренные передѣлы произведены по всѣмъ селеніямъ»[294]).—Не смотря на упорную борьбу передъ передѣломъ, большинство его противниковъ легко при-

миряется съ совершившимся фактомъ; исключеніемъ являются всегда малочисленные міроѣды. Вотъ что писалъ объ этомъ г. Пругавинъ: «до совершенія передѣла противники послѣдняго рѣзко и категорически высказываются противъ него, признавая такой передѣлъ незаконнымъ и несправедливымъ. Послѣ же передѣла громадное большинство противниковъ его совершенно примиряются со своимъ положеніемъ, находя, что лучшаго выхода изъ образовавшейся въ общинѣ земельной путаницы не могло и быть и что общество (въ данномъ случаѣ) вправѣ было распредѣлять землю по своему усмотрѣнію» [295]).

Бывшіе помѣщичьи крестьяне платятъ, какъ извѣстно, выкупные платежи. Разсмотримъ теперь поднятый нашей литературой вопросъ о вліяніи такого выкупа на передѣлы. Нѣтъ сомнѣнія, что до послѣдняго времени коренные передѣлы у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ встрѣчались много рѣже, чѣмъ у бывшихъ государственныхъ. Такъ, напр., въ Воронежскомъ уѣздѣ въ теченіе 20 лѣтъ, считая съ X ревизіи, общины не передѣляли землю, но съ 81—82 года произвели передѣлы 57% общинъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ и только 1% бывшихъ помѣщичьихъ; помѣщичьи крестьяне не знали здѣсь о законѣ, дозволяющемъ дѣлить землю [296]). Въ Кирсановскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи передѣлили землю 50% общинъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ и только 8% общинъ бывшихъ помѣщичьихъ [297]), въ Спасскомъ уѣздѣ передѣлила землю только одна община бывшихъ помѣщичьихъ, а у государственныхъ подѣлили всѣ, кромѣ

четырехъ общинъ, гдѣ не было передѣла въ силу чисто случайныхъ причинъ [298]); въ Темниковскомъ уѣздѣ передѣлили землю только 7 общинъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ [299]). Въ Тетюшскомъ уѣздѣ Казанской губерніи государственные крестьяне передѣлялись чаще бывшихъ помѣщичьихъ [300]); въ Цивильскомъ изъ общинъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ передѣлилось 88%, а изъ бывшихъ помѣщичьихъ менѣе 19% [301]); въ Свіяжскомъ процентъ передѣлившихся общинъ у бывшихъ государственныхъ равенъ 72,5, а у бывшихъ помѣщичьихъ 22,4; въ Мамадышскомъ % первыхъ равенъ 86,2, вторыхъ 10 [302]). О Духовщинскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи мы читаемъ: «въ то время, какъ у крестьянъ государственныхъ встрѣчается, хотя не какъ общее правило, разверстка земли по наличнымъ мужскимъ душамъ, причемъ иногда принимается въ разсчетъ даже и женское населеніе, у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ господствующимъ основаніемъ разверстки является владѣніе по ревизскимъ душамъ» [303]). Въ Рязанскомъ уѣздѣ, въ Вяземскомъ Смоленской губерніи, въ Острогожскомъ Воронежской, въ Бѣлгородскомъ Курской, въ Борисоглѣбскомъ Тамбовской и въ другихъ мѣстахъ встрѣчается такое убѣжденіе, что выкупаемую землю нельзя дѣлить по душамъ; такой взглядъ поддерживается иногда и начальствомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр., въ Тамбовскомъ уѣздѣ [304]), въ Малмыжскомъ Вятской [305]) и пр. крестьяне начинаютъ смотрѣть на выкупаемую землю, какъ на личную собственность и даже продаютъ ее. Не удивительно, что многіе пришли къ тому убѣжденію, что

общинное владѣніе разрушается самымъ фактомъ выкупа: «по нашему мнѣнію», писалъ г. Ермолинскій, «общинное владѣніе несовмѣстимо съ принципомъ купли (а что же такое выкупъ земли?) и разъ онъ закрался въ общину — она должна погибнуть»[306]). Не сомнѣваясь, однако, въ томъ, что выкупъ расшатываетъ общину, мы убѣждены, что такое его дѣйствіе легко устранимо и что это расшатываніе простой результатъ обычныхъ недоразумѣній и непониманія своихъ правъ со стороны крестьянской массы. Убѣдись они завтра, что законъ позволяетъ дѣлить выкупаемую землю, что выкупаются, строго говоря, повинности, а не земля, что и послѣ выкупа земля можетъ остаться въ общинномъ владѣніи,—и послѣзавтра общины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ передѣлятъ свои земли. Мѣшаетъ, разумѣется, и требованіе $^{2}/_{3}$ согласныхъ на передѣлъ домохозяевъ; внѣ послѣдняго обстоятельства передѣлъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Кирсановскаго, напр., уѣзда не составлялъ бы исключенія[307]). Въ Ржевскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, напр., передѣлы были почти исключительно у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ[308]), въ Царицынскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи вовсе не встрѣчается ссылокъ на выкупъ, какъ на институтъ, задерживающій передѣлъ[309]). Мы знаемъ, наконецъ, что во многихъ общинахъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ значительныя группы послѣднихъ энергично требуютъ передѣла. Уже одно то, что у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ была тягловая община, объясняетъ отчасти рѣдкость непривычной для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ душевой

разверстки. Припомнивъ, какъ трудно собрать нужные для передѣла голоса, зная, что ссылка на ожидаемую ревизію отстрочиваетъ передѣлы и у бывшихъ государственныхъ крестьянъ, мы можемъ допустить, что выкупъ является для міроѣдовъ и для зависимыхъ отъ нихъ лицъ благовиднымъ предлогомъ при отказѣ подать голосъ за передѣлъ, при протестѣ противъ него и при попыткахъ перетянуть на свою сторону нейтральныхъ членовъ общины. Выступать противъ общины нахрапомъ, не выставивъ благовиднаго предлога, міроѣды рѣдко рѣшаются, опасаясь остаться безъ нужной поддержки: такъ, напр., въ общинахъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ они выставляютъ на видъ трудовое начало, жалуются, что у нихъ отнимаютъ политую по̀томъ землю, на что зачастую получаютъ рѣзкій отвѣтъ, перечисляющій тѣхъ кабальныхъ батраковъ и членовъ вынужденныхъ помочей, по̀томъ которыхъ дѣйствительно вспоена захваченная ими земля. Они указываютъ въ тѣхъ же общинахъ, что нельзя дѣлиться до ревизіи, что во время послѣдней безземельные получатъ новый надѣлъ отъ правительства. Безъ всякаго сомнѣнія крестьяне многихъ мѣстъ чуть не съ тоской ждали и ждутъ ревизіи, но нѣтъ сомнѣнія, что многіе же крестьяне перестали мечтать о новомъ надѣлѣ въ связи съ ревизіей, а ждутъ только одновременнаго съ ревизіей закона о передѣлахъ, который сломитъ сопротивленіе міроѣдовъ и ихъ своры. Надежда на надѣлъ при ревизіи является зачастую міроѣдской выдумкой, имѣющей цѣлью переманить на неправую сторону тѣхъ лицъ, для которыхъ передѣлъ безразличенъ,

но которые не разучились стыдиться продаваемаго міра; болѣе слабохарактерные изъ нихъ, не желая наживать враговъ среди міроѣдовъ, а слѣдовательно и среди волостного и сельскаго начальства, легко поддаются на эту приманку, убѣдительно оправдываясь передъ собою и другими. Противники передѣловъ распускаютъ еще менѣе вѣроятные слухи, такъ, напр., въ с. Усть-Курдюмъ Саратовскаго уѣзда крестьяне не дѣлятъ землю потому, что повѣрили нелѣпымъ разсказамъ о томъ, что послѣ разверстки по наличнымъ душамъ каждая изъ послѣднихъ будетъ нести тѣ же платежи, что и прежняя ревизская[310]).

Отсутствіе передѣловъ для нѣкоторыхъ мѣстностей и группъ крестьянъ стало въ настоящее время болѣзненнымъ, тяжело отражающимся на народномъ благосостояніи явленіемъ; причины этого явленія очень разнообразны, но большинство изъ нихъ сводится къ простому непониманію крестьянами своихъ правъ. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что ложныя представленія о ревизіи, о выкупѣ и т. п. далеко не повсемѣстны: во Владимірской губерніи, напр., крестьяне полагаютъ, что по окончаніи выкупа земля должна поступить въ передѣлъ, т. е. у нихъ сложилось представленіе какъ разъ обратное вышеуказанному. Нѣтъ сомнѣнія, что выкупъ понятый, какъ купля земли, какъ бы санкціонируетъ наслѣдственное владѣніе землею, но обычное право не поддается писанному закону безъ страшной борьбы, не поддается особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній противорѣчитъ вѣками выработаннымъ устоямъ крестьянской жизни. Одинъ изъ такихъ устоевъ — это

признаніе земли мірскою коллективною собственностью, въ силу чего мы и встрѣчаемъ въ подавляющемъ большинствѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ упорную вражду къ подворному владѣнію. Во многихъ мѣстахъ крестьяне поняли уже, что выкупъ не мѣшаетъ передѣламъ. «Да развѣ я отдамъ кому землю, которую 10—15 лѣтъ выкупалъ?» говорятъ крестьяне Рязанскаго уѣзда: «да я косою прогоню всякаго, кто выйдетъ на мою землю». «Конечно, такъ говорятъ тѣ», пишетъ изслѣдователь: «кому выгодно удержать старое распредѣленіе земли, кто при новомъ передѣлѣ получитъ меньше прежняго. Совсѣмъ другіе резоны выставляетъ противная сторона: «Если ты подати платилъ, такъ земли у тебя цѣлая прорва. Она тебѣ подати-то всѣ съ лихвой вернула. Я той порой больше тебя за ренду отдалъ, а земля-то развѣ моя стала?» [311]). Въ Курскомъ уѣздѣ противники передѣла долгое время эксплоатировали одинъ и тотъ же аргументъ: «мы выплачивали выкупной платежъ (или оброчную подать *); поэтому и не отдадимъ свою землю ради новаго передѣла». Но аргументъ этотъ потерялъ всякій кредитъ: «мы за это время въ пять разъ больше переплатили за аренду земель», отвѣчаютъ обыкновенно сторонники передѣла и всѣ какъ бы признаютъ большую доказательную силу за послѣднимъ доводомъ [312]). Дѣйствительно, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ выплачиваемая кре-

*) Государственные крестьяне этой мѣстности убѣждены, что выплачивая оброчную подать, они выкупаютъ свои надѣлы — „чѣмъ мы хуже помѣщичьихъ“—говорятъ они.

стьянами сумма податей и выкупа превышаетъ нормальную арендную плату за землю, тамъ передѣлы часты и уравниваютъ податное бремя (встрѣчаются, разумѣется, и исключенія); въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ выплачиваемая подать и выкупъ меньше арендной платы, гдѣ платящее выкупъ домохозяйство не настаиваетъ, какъ въ первомъ случаѣ, на передѣлѣ, тамъ многоземельное, хотя и платящее выкупъ домохозяйство находится въ привиллегированномъ положеніи сравнительно съ тѣми, которые имѣютъ мало земли. Странно указывать въ этомъ случаѣ на выкупъ, какъ на жертву, за которую нужна награда. Несомнѣнно, что міръ имѣетъ нравственное право лишить домохозяйство привиллегіи платить за большее количество земли. Бываетъ, впрочемъ, болѣе сложное положеніе дѣлъ, а именно пользованіе землею въ первое время по освобожденіи не было такъ выгодно, какъ теперь. Сельскими сходами Темниковскаго уѣзда Тамбовской губерніи «признается уже, что нынѣшнее неуравнительное распредѣленіе душевыхъ надѣловъ пока, должно быть терпимо въ виду того, что нынѣшніе владѣльцы надѣловъ вынесли на себѣ наиболѣе обременительную часть выкупныхъ платежей. Пройдетъ большій срокъ пользованія надѣлами по первоначальной ихъ разверсткѣ и не будетъ уже основанія откладывать передѣлъ земли, потому что долговременное пользованіе надѣлами вознаградитъ каждаго за первоначальные, сравнительно высокіе платежи за нее» [313]). Сравнительная рѣдкость передѣловъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ объясняется ихъ прошлымъ, 165 статьею «Положенія о

выкупѣ» (о которой будетъ еще рѣчь), большею бѣдностью, а слѣдовательно, и большею зависимостью крестьянства отъ міроѣдовъ и, наконецъ, еще большею спутанностью (чѣмъ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ) юридическихъ понятій. Помимо всего сказаннаго, бывшимъ крѣпостнымъ негдѣ было научиться энергіи и послѣдовательности въ дѣлѣ отстаиванія своихъ интересовъ; а эта энергія необходима при борьбѣ за передѣлы. Третьему параграфу 54 статьи соотвѣтствуютъ: 114 ст. «Мѣстнаго положенія великороссійскаго», 160 ст. «Положенія о выкупѣ» и шестой параграфъ 33-й статьи «Положенія о башкирахъ».

Второй и шестой параграфы 188 статьи опять-таки оказываютъ вредное вліяніе на устойчивость общины. Второй параграфъ разрѣшаетъ отдавать неисправнаго плательщика на сторону въ заработки, чѣмъ, разумѣется, и пользуются міроѣды для захвата земли. Въ силу шестого параграфа той же статьи сельское общество можетъ «отобрать у недоимщика часть отведенныхъ ему полевыхъ угодій или даже весь его полевой надѣлъ». Къ этой мѣрѣ взысканія податей общество можетъ прибѣгнуть только въ томъ случаѣ, когда другія, назначенныя закономъ, мѣры окажутся недостаточными для взысканія недоимки. Къ сожалѣнію, міроѣды съумѣли свести кое-гдѣ это ограниченіе на нѣтъ. Такъ, напр., крестьяне Старо-Бурецкой волости Малмыжскаго уѣзда Вятской губерніи говорятъ слѣдующее: «въ нашемъ обществѣ нельзя податей не платить; какъ только бѣднякъ не уплатитъ, то всѣ напустятся на него, какъ коршуны на мертваго и по не-

рышку растеребятъ — кто $1/2$, кто $1/4$ купитъ, кто $1/8$ и останется бѣднякъ совсѣмъ бобылемъ»[314]. Въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи крестьяне села Британь отобрали у своихъ недоимщиковъ 250 десятинъ и, нуждаясь въ наличныхъ деньгахъ, отдали ихъ въ аренду[315]. Названный параграфъ противорѣчитъ основнымъ требованіямъ экономической политики: отобрать у крестьянина недоимщика надѣлъ—это значитъ совершенно разорять его, обрекать на нищенство цѣлое семейство. Во многихъ мѣстностяхъ обычное право не допускаетъ примѣненія этой части 188 статьи (такъ, напр., въ Шацкомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи[316]), въ Яренскомъ Вологодской и т. д.[317]).

Перейдемъ теперь къ 165 ст. «Положенія о выкупѣ». Содержаніе ея слѣдующее: «до уплаты выкупной ссуды выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ изъ земли, пріобрѣтенной обществомъ, допускается не иначе, какъ съ согласія общества. Но если домохозяинъ, желающій выдѣлиться, внесетъ въ мѣстное казначейство всю причитающуюся на его участокъ выкупную ссуду, то общество обязывается выдать крестьянину, сдѣлавшему такой взносъ, соотвѣтственный оному участокъ по возможности къ одному мѣсту, по усмотрѣнію самого общества, а впредь до выдѣла крестьянинъ продолжаетъ пользоваться пріобрѣтенною имъ частью земли въ составѣ мірского надѣла, безъ взноса выкупныхъ платежей». 23-го марта 1882 года къ этой статьѣ было сдѣлано слѣдующее добавленіе: «въ случаѣ выкупа отдѣльнымъ домохозяиномъ своего участка по 165 ст. положенія о выкупѣ требуется отъ

него только та часть капитальнаго долга, которая окажется на немъ по исключеніи всей суммы долга, причитающейся на выкупленный участокъ по разверсткѣ обществомъ денегъ, поступившихъ на погашеніе капитальнаго долга въ числѣ внесенныхъ крестьяниномъ домохозяиномъ платежей». Посмотримъ теперь, какъ вліяетъ эта статья на распаденіе общины. До 1888 года внесено по 165 статьѣ 13.381,000 рублей, причемъ съ каждымъ пятилѣтіемъ выкупъ усиливается:

съ	64	по	69	годъ	. . . 6%
»	70	»	75	»	. . . 13%
»	76	»	81	»	. . . 30%
»	82	»	87	»	. . . 48% [318])

Такъ какъ желающему выдѣлиться надо вносить уменьшающуюся съ каждымъ годомъ сумму денегъ, то не сильное покамѣстъ стремленіе къ выкупу можетъ возрасти до нежелательныхъ размѣровъ, принявъ форму выкупа земли на занятыя деньги для расплаты имп съ заимодавцами кулаками. Крестьянство оказываетъ въ настоящее время возможное сопротивленіе выкупу. Крестьянинъ выкупилъ, напр., въ Самарскомъ уѣздѣ четыре надѣла и требовалъ выдѣлить ихъ въ особое мѣсто; міръ согласился, но съ тѣмъ, чтобы онъ исключился изъ общества и «убирался со всѣмъ своимъ домомъ на выдѣленную землю за 5 верстъ отъ села»; благодаря такому постановленію крестьянинъ не захотѣлъ выдѣлять надѣлъ [319]). Другому такому же отщепенцу въ Бугульминскомъ уѣздѣ крестьяне отвели въ верстѣ отъ селенія безводный съ галькой участокъ [320]).

Можно бы было привести много примѣровъ, доказывающихъ попытки крестьянъ сопротивляться выкупу. Посмотримъ теперь, къ чему сводятся мотивы выкупа: одни домохозяйства избѣгаютъ благодаря ему нарѣзки новаго, обложеннаго непосильными платежами надѣла; другія — выкупаютъ большее количество земли, чѣмъ то, которое принадлежитъ имъ по праву; опасаясь, что во время передѣла у нихъ отберется лишняя земля, они и спѣшатъ выкупомъ. Въ Воронежскомъ уѣздѣ крестьяне села Михайловки постановили въ мартѣ 1886 года приговоръ о передѣлѣ; за послѣдній было 20 домохозяевъ, а такъ какъ всѣхъ правоспособныхъ членовъ общины было 29, то приговоръ несомнѣнно вошелъ бы въ законную силу. Но черезъ три, четыре дня подана была жалоба одиннадцати несогласныхъ на передѣлъ домохозяевъ. Присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ командировало одного изъ своихъ членовъ для провѣрки приговора на мѣстѣ. Оказалось, что двое новыхъ протестантовъ не имѣютъ право на подачу голоса и что «всѣ несогласные на передѣлъ частью владѣютъ очень большимъ количествомъ вымершихъ душъ, частью снимаютъ эти души на долгій срокъ. Во время провѣрки правильности протеста противники передѣла заявили желаніе выкупить землю, о чемъ и подали формальное заявленіе, надѣясь добиться своей цѣли до вступленія приговора въ законную силу. Нашелся и человѣкъ, ссужающій деньги для выкупа. Выкупной ссуды крестьянамъ остается уплатить не болѣе, какъ по 35 рублей за десятину, а за землю ихъ всякій даетъ по 100—120 рублей. Общее количество

выкупаемой земли составляетъ по разсчету около 100 десятинъ — почти половину всей общинной земли». «Случай этотъ не единственный. Во многихъ мѣстностяхъ также слышатся толки о выкупѣ, въ особенности тамъ, гдѣ общество начинаетъ дѣлать предположеніе о коренномъ передѣлѣ» [321]). Возьмемъ теперь домохозяйство, состоявшее изъ двухъ душъ, но увеличившееся ко времени новаго передѣла до четырехъ и получившее при немъ соотвѣтствующій новому числу душъ надѣлъ. Внесшее выкупъ за всѣ четыре души домохозяйство получаетъ въ пользованіе и тѣ два надѣла, за которые платили въ теченіе 31 года выкупъ совсѣмъ другіе общинники, и такимъ образомъ дѣлается собственникомъ на большую половину выкупленной общинною земли. Возьмемъ третій примѣръ: міроѣдъ взялъ въ аренду два надѣла ушедшихъ въ отходъ крестьянъ или лишнюю землю малодушнаго домохозяйства. Получивъ отъ волостного начальства удостовѣреніе, что онъ владѣетъ тремя надѣлами, міроѣдъ выкупаетъ въ свою собственность и чужіе надѣлы; волостное начальство можетъ иногда и не знать, что два надѣла взяты въ аренду; въ писанныхъ приговорахъ міра такія извѣстныя всѣмъ общинникамъ детали легко пропускаются да и подкупъ волостного начальства не рѣдкое явленіе. Неудивительны, поэтому, такія, напр., свѣдѣнія: нѣкоторыя хозяйства Юхновскаго уѣзда Смоленской губерніи выкупали заодно и непринадлежащія имъ земли, а чужія, временно данныя*) [322]). Нѣкоторыя

*) Такія покупки юридически не правильны, но, своевременно не обжалованныя, остаются въ силѣ.

общины не допускают, впрочем, таких произвольных толкований; так, напр., въ с. Сосновкѣ Моршанскаго уѣзда Тамбовской губерніи «четыре домохозяина внесли полный выкуп за свои надѣлы. У этих домохозяевъ находились въ пользованіи надѣлы крестьянъ своего общества, выселившихся въ Томскую губернію; они намѣревались пріобрѣсти въ собственность всѣ эти надѣлы. Общество не допустило этого сдѣлать»[323]). Иногда кулаки просто хотятъ избавиться путемъ выкупа отъ круговой поруки, такъ, напр., въ волостяхъ Запонорской, Ильинской и Дорховской Богородскаго уѣзда Московской губерніи въ тѣхъ обществахъ, на которыхъ накопились крупныя недоимки, обнаружилось въ 1887 году «лихорадочное стремленіе деревенскихъ кулаковъ и вообще зажиточныхъ мужиковъ къ выкупу своихъ надѣловъ». Старательными проводниками въ жизнь 165 статьи и ея истолкователями являются волостные писаря: «они берутъ на себя ходатайства по выкупу надѣловъ кулаками и потомъ, когда послѣдуютъ надлежащіе запросы казенной палаты, уѣзднаго присутствія, писаря являются по деревнямъ, якобы по порученію начальства «дознать», «опросить общество» и дѣйствуютъ въ этихъ случаяхъ именемъ власти въ интересахъ деревенскихъ кулаковъ, подсовывая крестьянамъ къ подписи напередъ заготовленные приговоры въ желаемомъ смыслѣ»[324]). Въ промысловыхъ мѣстностяхъ надѣлы довольно часто выкупаются съ цѣлью избавиться отъ выборной сельской службы: въ Шуйскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи 50% изъ числа выкупленныхъ надѣловъ выкуплены

именно съ этою цѣлью: выборная служба, «отрывая крестьянъ отъ фабричныхъ заработковъ, является своего рода пугаломъ, особенно благодаря тому безправію передъ администраціей, въ которое поставлено сельское начальство» [325]). Изрѣдка встрѣчаются такіе мотивы выкупа, какъ желаніе дать землю старику, надѣлъ у котораго былъ бы отобранъ; по смерти послѣдняго надѣлъ опять поступаетъ въ общинное владѣніе; выкупаютъ надѣлъ для обезпеченія женщинъ; довольно часто, наконецъ, выкупаютъ надѣлы, чтобы сразу избавиться отъ выкупныхъ платежей. Земля выкупается въ большинствѣ случаевъ для собственнаго пользованія, рѣже для перепродажи. Встрѣчались и такіе случаи, что земля выкупалась на взятыя въ ссуду деньги и тотчасъ же передавалась кредитору. Вотъ, напр., что писалъ г. Пругавинъ о Симбирской губерніи: «въ селѣ Крестовниковѣ, какъ и вообще во всѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ нѣкоторые домохозяева пріобрѣли въ собственность не только свои земельные участки, но еще сосредоточили въ своихъ рукахъ болѣе или менѣе значительное число надѣловъ отъ чужихъ дворовъ путемъ взноса за нихъ выкупной ссуды,— борьба міра съ отдѣльными домохозяевами антиобщинниками достигаетъ своего апогея. Питается здѣсь вражда къ кулакамъ, дышетъ ненавистью и озлобленіемъ, напоминая о столь же враждебныхъ отношеніяхъ между евреями и русскимъ крестьянствомъ Южной Россіи» [326]). «Мѣстныя изслѣдованія», пишутъ статистики Петербургскаго уѣзда: «констатировали тотъ фактъ, что крестьяне прибѣгаютъ къ выкупу съ цѣлью имѣть

возможность отчужденія всей выкупаемой земли или же чаще части ея. Бывали даже случаи, когда выкупъ производился на средства лица, желающаго пріобрѣсти крестьянскую землю, при чемъ сумма, внесенная въ погашеніе выкупного долга, засчитывалась затѣмъ въ продажную цѣну отчуждаемой земли»[327]). Въ Юхновскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи 4,7% выкупленныхъ надѣловъ проданы такъ, что «земля продавалась не послѣ выкупа ея, а напротивъ продажа предшествовала выкупу, совершенному уже на счетъ покупателя»[328]). Въ с. Знаменскомъ того же уѣзда торговцы покупали у крестьянъ усадебныя земли, выкупая имъ за это полевые надѣлы[329]). Въ Самарскомъ уѣздѣ были случаи выкупа надѣловъ на средства кулаковъ, которые и построили на нихъ кабаки[330]). Въ промысловыхъ уѣздахъ ссуды даются для того, чтобъ на выкупленныхъ надѣлахъ построить промышленныя заведенія; понятно, что здѣсь выкупъ не грозитъ принять форму массовой распродажи земли, хотя выкупъ на занятыя деньги, выкупъ для перепродажи и здѣсь не рѣдкость: въ Шуйскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи, напр., на деньги кулаковъ выкуплено 20% изъ общаго числа отнятыхъ у общинъ надѣловъ; послѣдніе были съ лѣсомъ и изрѣдка съ выгодными покосами[331]).—На выкупленныхъ участкахъ работаютъ иногда ихъ бывшіе владѣльцы, а иногда и нѣтъ. Въ Гжатскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи, напр., 82% дворовъ, выкупившихъ свои надѣлы, ведутъ самостоятельное хозяйство[332]). Въ Бахмутскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи выкупленной землею пользуются слѣдующимъ образомъ:

утилизируютъ сами 16%, продали 12%, сдаютъ въ аренду 4%, передали, уйдя на сторону, своимъ односельцамъ за уплату податей 56%, передали при такихъ же условіяхъ обществу 12%. Эти отлучки являются постоянными [333]). Иногда выкупленные участки остаются во владѣніи общинъ, а выкупившіе переходятъ въ городскія сословія, но это явленіе очень рѣдко. Довольно часто выкупается не участокъ, а право на опредѣленную долю достающейся при передѣлѣ земли; въ общинахъ появляются, такъ сказать, четверные владѣльцы. 89% выкупившихъ свои надѣлы крестьянъ Московской губерніи, подчиняются добровольно всѣмъ принятымъ порядкамъ мірского землевладѣнія» [334]). Въ Гжатскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи 84,9% выкупленныхъ надѣловъ находятся въ чрезполосномъ владѣніи и подлежатъ передвижкамъ [335]). Изъ 1395 надѣловъ, выкупленныхъ въ Шуйскомъ уѣздѣ, только 18 выдѣлены изъ общиннаго пользованія. Интересенъ тотъ фактъ, что досрочный выкупъ сильнѣе всего примѣнялся въ 9-ти промышленныхъ губерніяхъ, дающихъ заработокъ на фабрикахъ [336]); концентрирующая сила «капитала» сказалась и здѣсь.

Не смотря на то, что надѣлы выкупаются иногда и съ другими цѣлями, кромѣ вредно-эгоистическихъ, мы должны съ величайшей осторожностью относиться къ словамъ тѣхъ личностей, которыя указываютъ на выкупъ, какъ на логическую реализацію желанія освободиться отъ такъ называемыхъ «темныхъ сторонъ» общиннаго владѣнія. 7 декабря 1885 года въ засѣданіи III-го отдѣленія Императорскаго Вольнаго Экономиче-

скаго общества г. Богушевичъ указалъ приблизительно слѣдующее: «въ Нижегородской губерніи былъ случай, что изъ 540 членовъ общины 400 выкупили надѣлы и переписались въ мѣщане, продолжая оставаться на своей землѣ и заниматься хлѣбопашествомъ. Очевидно, переходъ совершился не для продажи земли, а для того, чтобы избавиться отъ безобразнаго состоянія крестьянскаго самоуправленія, сельскаго суда и расправы, круговой поруки и т. д., чтобы гарантировать себя отъ «навалки земли» или домашняго передѣла, при которомъ у крестьянина могутъ отнять его землю и дать клочекъ ничего не стоющаго надѣла. Сельскіе сходы составляютъ кагалъ пьяныхъ крикуновъ, за которыми стоятъ кулаки и міроѣды; порядочные же зажиточные члены общины всегда могутъ сдѣлаться и дѣлаются жертвами пьяной толпы». На подобное разсужденіе г. предсѣдатель замѣтилъ, что изъ его сенатской практики видно, что картина, нарисованная г. Богушевичемъ, слишкомъ мрачна и случаи, о которыхъ онъ говоритъ, рѣдки [337]). Крайне сожалѣя о томъ, что не названо имя нижегородскаго селенія, о которомъ шла рѣчь, замѣтимъ только, что все разсужденіе г. Богушевича со словъ «чтобы гарантировать» можетъ служить по отношенію къ приведенному имъ примѣру образцомъ тѣхъ разсужденій, которымъ, не смотря на всю почтенность авторовъ, положительно нельзя вѣрить. Какъ извѣстно, $^2/_3$ голосовъ рѣшаютъ вопросъ о передѣлѣ и являются рѣшительнымъ большинствомъ при рѣшеніи всѣхъ дѣлъ сельскаго схода. Съ какой же радости 400 человѣкъ, т. е. болѣе $^2/_3$

домохозяевъ боялись передѣла и постановленій сельскаго схода, тогда какъ то и другое всецѣло зависѣло отъ нихъ. Въ виду только что сказаннаго, нельзя и выяснить себѣ причины такого массоваго выкупа.

Во всякомъ случаѣ выкупъ общинной земли является серьезнымъ зломъ, которое погубило общинное владѣніе и другихъ мѣстностей, напр., Пенджаба [338]). Нѣтъ сомнѣнія, что запрещеніе досрочнаго выкупа будетъ благодѣтельнымъ актомъ, съ которымъ необходимо поспѣшить въ виду того, что оброчные государственные крестьяне тоже начали вносить выкупные платежи. Симбирское губернское земство высказалось за измѣненіе 165 статьи. Исходя изъ того положенія, что 165 статья породила спекуляціи крестьянскими надѣлами со стороны кулаковъ, которые вносятъ выкупъ за обѣднѣвшаго крестьянина, а безземельный бѣднякъ крестьянинъ тяжелымъ бременемъ ложится на общество, собраніе постановило ходатайствовать объ измѣненіи статьи въ смыслѣ стѣсненія права отчуждать полевой и усадебный надѣлъ и «о распространеніи права сельскихъ обществъ на выкупъ отчуждаемыхъ отдѣльными домохозяевами (надѣловъ) по цѣнѣ, внесенной ими въ казначейство при выкупѣ участковъ» [339]). Статьѣ 165 соотвѣтствуетъ 86 статья общаго положенія.

161 статья «Положенія о выкупѣ» говоритъ объ отчужденіи крестьянскихъ земель подъ желѣзныя и почтовыя дороги. Было бы желательно, чтобы община получала въ этомъ случаѣ равный отчужденному участокъ земли и пособіе для переселенія на него желающихъ односельчанъ.

Статья 162 того положенія разрѣшаетъ крестьянскому обществу продавать принадлежащія ему земли. Такія продажи встрѣчаются, хотя онѣ и очень нежелательны. Укажемъ на двѣ такія продажи въ Славяносербскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи: — въ первомъ случаѣ крестьяне опять хотятъ купить проданную землю, во второмъ — покупатели два года спаивали мужиковъ [340]).

Даже крестьянскій поземельный банкъ «почему-то благоволитъ больше подворному владѣнію, чѣмъ общинному. При подворномъ владѣніи онъ даетъ ссуду до 500 рублей на дворъ, а при общинномъ по 125 рублей на мужскую душу» [341]). Чтобы получить 500 рублей на дворъ, нужно имѣть въ семьѣ четыре души мужского пола, а такихъ семействъ почти нѣтъ. «Бывали примѣры, что крестьяне общинники, чтобы получить изъ банка большую ссуду, составляли приговоры о замѣнѣ общиннаго подворнымъ владѣніемъ», такъ, напр., «крестьяне села Михайловки Днѣпровскаго уѣзда Таврической губерніи составили приговоръ о замѣнѣ общиннаго владѣнія подворнымъ. Цѣль приговора крестьяне объясняютъ желаніемъ получить большую ссуду изъ крестьянскаго банка, по 500 рублей на дворъ» [342]).

Мы говорили уже, что крестьянство зачастую не знаетъ тѣхъ законовъ, которые регулируютъ общинное владѣніе. Просвѣтителями являются въ этомъ случаѣ міроѣды, наглядно знакомящіе крестьянъ какъ разъ съ тѣми статьями закона, примѣненіе которыхъ наименѣе желательно. Даже волостное начальство не знаетъ

иногда, въ чемъ состоятъ права міра на землю, такъ, напр., въ одной изъ волостей Трубчевскаго уѣзда Орловской губерніи крестьяне навсегда передаютъ, продаютъ свои надѣлы, а волостное правленіе спокойно свидѣтельствуетъ такія сдѣлки [343]).

Нами указаны главныя статьи закона, оказывающія вредное вліяніе на общинный типъ землевладѣнія. Сторонники общиннаго владѣнія настаиваютъ на необходимости отмѣны указанной части законодательства. Въ основу новаго закона должны быть поставлены слѣдующія положенія: 1) обязательность передѣла через опредѣленные, установленные закономъ, сроки; 2) легализація перехода отъ подворнаго къ общинному владѣнію; 3) неотчуждаемость общинной земли. Нельзя не замѣтить, что крестьяне продаютъ иногда не общинную землю, а вложенный въ нее трудъ; такіе случаи наблюдались иногда на новыхъ земляхъ (напр., въ Сибири, по даннымъ г. Марусина [344]). Такія явленія надо, впрочемъ, считать исключительными, такъ какъ почти всегда продажа земли основывается не на трудовомъ, а на рентномъ началѣ. Нѣсколько земствъ ходатайствовали о неотчуждаемости крестьянскихъ земель, напр., Курское, Ярославское, Новгородское, Симбирское, Самарское, Олонецкое и др. [345]). Надо надѣяться, что легализація принципа неотчуждаемости не заставитъ себя долго ждать*). Новгородское земское собраніе рѣшительно

---

*) «Землю не должно продавать навсегда, ибо Моя земля: — вы пришельцы и поселенцы у Меня». (Левитъ XXV, 10, 23).

признало, что общинная «форма землевладѣнія, въ силу своего историческаго прошлаго, въ виду значенія ея служитъ обезпеченіемъ большинства населенія отъ пролетаріата, несомнѣнно заслуживаетъ не только признанія со стороны положительнаго закона, но и принятія со стороны законодательной власти особыхъ мѣръ, могущихъ послужить укрѣпленію экономическаго положенія общины. При этомъ нѣкоторыми гласными было высказано, что заключеніе коммиссіи, рекомендующей признать за отдѣльными общинами право соединяться и организовать общинные уѣздные союзы по вопросамъ, касающимся исключительно общинъ, каковы: покупка земель общинами, передѣлы между общинами, переселенія и т. п. слѣдовало бы принять» [346]).

VI.

Недружелюбное отношеніе къ общинѣ.

На ряду со всѣми невзгодами обрушилась на общину и еще одна, а именно недружелюбное или даже прямо враждебное отношеніе къ ней администраціи. Даже въ послѣднее время терпимое отношеніе къ общинѣ не является общимъ правиломъ. Начнемъ съ того, что бывшіе министры государственныхъ имуществъ покровительствовали разрушенію общины. «Муравьевъ, будучи министромъ государственныхъ имуществъ, очень покровительствовалъ 165 статьѣ Положенія о выкупѣ и оказывалъ даже денежное пособіе тѣмъ крестьянамъ, которые же-

лали выдѣлиться изъ общины. (Министерство гр. Валуева тоже покровительствовало личному началу» [347]). Бывшій генералъ-губернаторъ Западной Сибири, Госфордъ, добился того, что министерство государственныхъ имуществъ попыталось искусственно создать въ Сибири классъ личныхъ землевладѣльцевъ въ виду того, что «общинное крестьянское землевладѣніе въ Сибири не оказало услугъ промышленности, а что таковыя услуги должны оказаться только при частномъ владѣніи» [348]). Разумѣется, попытка министерства потерпѣла полное фіаско. Въ 1886 г. уѣздный начальникъ Атбасорскаго у. Акмолинской области началъ убѣждать крестьянъ возвратить отобранныя по приговору лишнія земли тѣмъ крестьянамъ, которые ими владѣли до приговора. Убѣжденія не подѣйствовали и начальникъ въ самое горячее рабочее время арестовалъ на трое сутокъ старосту и на сутки двухъ крестьянъ. Съ другой стороны крестьяне, у которыхъ міръ отобралъ землю, начали дѣло въ гражданскомъ судѣ и, разумѣется, проиграли его, что и освѣтило надлежащимъ образомъ дѣйствія уѣзднаго начальника [349]). Даже присутствія по крестьянскимъ дѣламъ боролись противъ общины, такъ, напр., тамбовское, «признавая существованіе общиннаго владѣнія продуктомъ неразвитости и невѣжества крестьянъ», пропагандировало въ ихъ средѣ выгоды подворнаго владѣнія; крестьяне не очень-то слушали новаторовъ, въ свою очередь перечисляя невыгоды подворнаго владѣнія. Правда, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ этой губерніи «были случаи, что общества подѣлили земли на подворные участки, но, убѣдившись на дѣлѣ во многихъ

неудобствахъ, возвратились къ общинному землевладѣнію» [350]). Ардатовское присутствіе Симбирской губерніи, не потрудившись прочитать законъ, считало общинниковъ не имѣющими права передѣлять землю до ревизіи [351]). Даже въ 1889 году Фатежское присутствіе Курской губерніи рѣшило вымежевать невыкупленные и, не смотря на то, проданные одной помѣщицѣ надѣлы переселенцевъ. Два раза приводило оно въ исполненіе свое беззаконное предписаніе и дѣло кончилось судомъ надъ сопротивлявшимися властямъ крестьянами [352]). Нѣкоторые изъ мировыхъ посредниковъ, исправниковъ и даже урядниковъ запрещали производить передѣлы. Волостное, сельское начальство, сплошь и рядомъ креатуры міроѣдовъ, упорно распространяютъ слухи о противозаконности передѣловъ; эти слухи иной разъ безкорыстно поддерживаются мелкой администраціей, отождествляющей, по своей малограмотности, передѣлъ по 54 ст. съ «чернымъ передѣломъ» въ томъ значеніи послѣдняго слова, которое придала ему «ходившая» въ 70-хъ годахъ «въ народъ» молодежь. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ Ржевскомъ уѣздѣ Тверской губерніи [353]), въ Великолуцкомъ—Псковской [354]), коренной передѣлъ, легализированный 54 ст., называется «чернымъ дѣломъ». Приведемъ нѣсколько случаевъ изъ практики волостного и сельскаго начальства: въ Уржумскомъ уѣздѣ Вятской губерніи волостныя правленія отказывались свидѣтельствовать приговоры о передѣлахъ; крестьяне на вопросы о передѣлахъ почти всегда отвѣчали: «думали было передѣлить землю, да

волостные начальники запретили» [355]); въ одномъ изъ селъ Саратовскаго уѣзда староста отказался утвердить печатью приговоръ о передѣлѣ, такъ какъ такой приговоръ самъ по себѣ, по его словамъ, «незаконенъ» [356]). Въ Оршанскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи деревенское начальство прямо объявляетъ передѣлъ незаконнымъ, а когда крестьяне ссылаются на примѣръ Смоленской губерніи, то объявляетъ, что для здѣшнихъ мѣстъ изданы другіе законы [357]). Захватываетъ, напр., міроѣдъ излишнюю общинную землю; урядникъ становится на его сторону и къ удивленію всего общества дѣло выигрывается неправой стороной: «какъ же это такъ», говорятъ они: «уряднику вѣрятъ, а все общество противъ одного человѣка ничего сдѣлать не можетъ» [358]). Прямыя запрещенія сельскихъ властей производить переверстки и передѣлы и т. п. мѣропріятія высшаго начальства породили въ Рязанскомъ уѣздѣ какое-то боязливое отношеніе крестьянъ къ разговору о передѣлахъ мірской земли [359]). Въ Курскомъ уѣздѣ администрація съумѣла упразднить законодательство объ общинномъ владѣніи; крестьяне не вѣрятъ, напримѣръ, непремѣнному члену уѣзднаго присутствія, когда онъ говоритъ, что землю можно подѣлить по наличнымъ душамъ. «Никто не повѣрилъ сказанному непремѣннымъ членомъ, а рѣшается только вопросъ о томъ, шутилъ ли онъ или старался вывѣдать отношеніе крестьянъ къ противозаконному распредѣленію земли по наличнымъ душамъ» [360]). Въ Щигровскомъ, Бугульминскомъ, Ставропольскомъ уѣздахъ крестьяне опять-таки запуганы. Сельское начальство не только отвер-

гаетъ иной разъ существующее законодательство, но не стѣсняется дѣлать къ нему и прибавленія. Въ селѣ Отрадовкѣ Днѣпровскаго уѣзда Таврической губерніи, напримѣръ, на сходѣ «волостное и сельское начальство увѣряло крестьянъ, что Палата Государственныхъ Имуществъ непремѣнно отведетъ новый участокъ земли для безземельныхъ и что это не будетъ сдѣлано, если общество надѣлитъ ихъ своею землею» [361]). Съ своеобразными общинами сѣвера (захватными, волостными) церемонились еще меньше. Такъ, напримѣръ, расчищенныя крестьянами пашни включены были крестьянами Архангельской губерніи, по истеченіи 40-лѣтняго срока пользованія, въ общій надѣлъ. По распоряженію же начальства, наивно смѣшавшаго захватное право съ подворнымъ, эти участки были возвращены прежнимъ домохозяевамъ [362]). Въ Олонецкой губерніи дѣла о включеніи «запольныхъ» земель въ общій надѣлъ рѣшаются міромъ, а если переходятъ на разсмотрѣніе присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, то только запутываются въ немъ, «такъ какъ чиновники до сихъ поръ еще не переварили мѣстныхъ обычаевъ и рѣшаютъ подобныя дѣла крайне безалаберно» [363]). Отрядъ чиновъ по составленію и выдачѣ владѣнныхъ записей государственнымъ крестьянамъ Вятской губерніи натворилъ много бѣдъ, могущихъ быть объясненными только грубѣйшимъ невѣжествомъ его членовъ. Община-волость была разрушена, причемъ даже оброчныя статьи (мельницы, рыбныя ловли) были приписываемы отдѣльнымъ деревнямъ, «не смотря на то, что принадлежали группамъ общинъ. Отрядъ замежевалъ находящіеся въ

пользованіи отдѣльныхъ семействъ участки въ подворное владѣніе; благодаря этому въ области исконнаго господства общины широко распространился подворный типъ землевладѣнія, такъ, въ Вятскомъ уѣздѣ въ общинномъ владѣніи очутилось только 12,018 дес. сѣнокосовъ, а въ подворное перешло 24,500 дес.; затѣмъ въ подворную собственность занесено также 1,039 дес. пахотной земли и даже 75 дес. пастбища. Въ Орловскомъ уѣздѣ той же губерніи въ подворную собственность отходитъ 36,211 дес. Такимъ образомъ однимъ дворамъ досталось по 15 десятинъ покоса, другимъ по 1/2 десятины. Крестьяне хотѣли было подѣлиться передъ выдачей владѣнныхъ записей, на что по закону имѣютъ право, но присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ препятствуетъ производству передѣловъ, являясь защитникомъ интересовъ подворнаго владѣнія» [364]). Чиновники никакъ не могли понять, что захваченныя угодья—та же общинная земля, поступающая при недостаткѣ разверстанныхъ угодій въ общій передѣлъ (въ томъ же Орловскомъ уѣздѣ, напримѣръ). Г. Чудновскій въ немногихъ словахъ объясняетъ сущность «заимочнаго» («захватнаго», «запольнаго») владѣнія: «иной со стороны можетъ подумать, что богатый крестьянинъ, захвативъ иногда верстахъ въ 15—20 отъ селенія болѣе или менѣе значительную площадь земли, на которую и переселяется со всѣмъ своимъ семействомъ, есть частный собственникъ этой «заимки», но это не вѣрно: всѣ подобныя заимки у общества на счету, онѣ считаются общественною собственностью, собственностью всего міра, которою всякій общественникъ можетъ

пользоваться до поры до времени, пока міръ не почувствуетъ необходимости въ силу разростанія населенія раздвинуть дальше свои угодья» [365]). Заканчивая отдѣлъ объ отношеніи къ общинѣ начальства, замѣтимъ, что литература не замедлитъ, вѣроятно, выяснить отношеніе къ этому институту со стороны земскихъ начальниковъ. Личныя наблюденія по этому вопросу мы не будемъ здѣсь приводить, замѣтивъ только, что въ нашей литературѣ встрѣтился одинъ случай, когда даже мировой судья и съѣздъ (Уржумскій) посягнули на права общины [366]). Безусловно необходимо внушить мелкой администраціи необходимость стоять на законной почвѣ, если только такое внушеніе можетъ имѣть желательный результатъ.

VII.

Малорусскія, бѣлорусскія и другія общины.

Общинное владѣніе встрѣчается не у однихъ великороссовъ. Въ Малороссіи не рѣдки общины: въ Полтавской, напр., губерніи числится 512 общинъ и 3441 громада, въ Черниговской—2606 общинъ и 1536 громадъ, въ Кіевской—298 общинъ и 1793 громады, въ Волынской—614 общинъ и 2376 громадъ и, наконецъ, въ Подольской—80 общинъ и 1873 громады [367]). «Не вводя даже въ исчисленіе», говоритъ г. Южаковъ: «значительное малорусское населеніе Ставропольской губерніи и областей Терской, Семирѣченской и Забай-

кальской, живущее, однако, въ общинномъ быту, мы получимъ слѣдующіе итоги общиннаго и подворнаго владѣнія среди малороссовъ:

Общинное землевладѣніе	. . 18.592,271	десят.	
Подворное »	. . 10.264,981	»	
С.	. 28.857,252	»	[368])

Приведемъ нѣсколько данныхъ объ общинномъ владѣніи у малороссовъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Кобелякскаго уѣзда, «пахатная земля», пишетъ профессоръ Лучицкій: «еще и теперь находится въ общемъ владѣніи и передѣляется между общественниками»; «во многихъ мнѣ лично извѣстныхъ казачьихъ селахъ Золотоношскаго и отчасти Переяславскаго уѣздовъ», продолжаетъ авторъ: «и до настоящаго времени уцѣлѣли лѣса и луга, не говоря уже о выгонахъ,—составляющіе предметъ общаго владѣнія и пользованія» [369]). Крестьяне Подольской и Волынской губерній «вслѣдствіе перемѣнъ въ составѣ семействъ не пользуются тѣмъ надѣломъ, который имъ отведенъ по люстраціи, мѣняютъ съ общаго согласія и передѣляютъ по дворамъ ежегодно, смотря по рабочимъ силамъ каждой семьи» [370]). Нельзя не замѣтить, что въ самой Малороссіи сохранились остатки общиннаго владѣнія. Въ Полтавской губерніи «на ряду съ господствующею подворно-наслѣдственною формою землевладѣнія, сохранилось въ идеѣ и отчасти въ жизни сельскаго населенія другое начало, по которому земля считается принадлежностью общества и обществу принадлежитъ право установить основаніе для распредѣленія земли

между своими членами». Въ хозяйственномъ общественномъ пользованіи находятся выгоны, водопои, участки пахотной земли, сѣнокосовъ и лѣсовъ, часто рѣкъ и озеръ [371]). Въ Гадячскомъ уѣздѣ пользованіе общественными пахотными землями происходитъ такъ, что или пахотная земля раздѣляется поровну на всѣхъ хозяевъ общества, или ведется на ней общественная запашка съ равномѣрнымъ участіемъ всѣхъ хозяевъ въ работахъ. При пользованіи сѣнокосными угодьями наблюдались случаи: а) раздѣла самаго сѣнокоса по хозяевамъ, б) гуртового покоса и дѣлежа копнами, в) захватнаго покоса». Пользованіе общественнымъ лѣсомъ организовано такъ, что лѣсъ или рубится въ назначенный срокъ сообща и дѣлится по домохозяевамъ, или же употребляется на ремонтъ мостковъ, зданій и т. п. Нѣкоторыя общественныя угодья сдаются въ аренду [372]). Въ Золотоношскомъ уѣздѣ 11,5% находится въ общественномъ владѣніи подъ выгонами; встрѣчаются иногда запасные участки для отвода всѣмъ нуждающимся домохозяевамъ; въ двухъ селеніяхъ запрещаютъ отчуждать на сторону усадебную землю, отбираютъ ее при переходѣ въ другое селеніе; встрѣчается общинное владѣніе частью пашни (8 селеній Мойсеевской волости); встрѣчаются общины ревизскихъ душъ. Не смотря на сильные споры между богатыми и бѣдными, земля не раздѣлена на подворные участки, «такъ какъ преобладаетъ то мнѣніе, что въ случаѣ раздѣла въ личную собственность многіе по нуждѣ продадутъ свои участки богатырямъ своимъ и изъ чужихъ селеній и земля скоро сосредоточится въ немно-

гихъ мѣстахъ, а теперь хоть понемногу, а у всякаго есть[373]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи сохранились остатки общинъ старыхъ типовъ — волостной (лѣсъ, принадлежащій тремъ волостямъ вмѣстѣ), артельной (артельная косьба и рубка лѣса)[374]). Въ средѣ малороссовъ существуетъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, тяготѣніе къ общинному владѣнію: «въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи», писалъ г. Щербина, «какъ было заявлено въ газетахъ, сельскія общества сами совершенно самостоятельно и добровольно стремятся къ тому, чтобы замѣнить участковое подворное землевладѣніе общиннымъ. Это уже весьма характерный для нашего времени фактъ. У южно-русскихъ сектантовъ подобные факты носятъ болѣе яркіе оттѣнки»[375]). Г. Южаковъ указывалъ, что «въ Полтавской, Черниговской, Волынской, Бессарабской губерніяхъ сразу сказывается стремленіе общинъ къ переходу отъ подворнаго владѣнія къ общинному». Малороссы, переселившіеся со своей родины, часто усвоиваютъ общинное, а иногда долевое землевладѣніе, такъ, напримѣръ, по свидѣтельству г. Южакова же «малороссіяне Новороссіи, Кубанской области, губерній Воронежской и Курской, Семирѣчья, напр., очень быстро усвоили общинное владѣніе, введенное у нихъ законодательствомъ и въ настоящее время практикуютъ его съ такимъ же успѣхомъ, какъ и великороссіяне, никогда его не терявшіе»[376]). Г. Картавцевъ указывалъ на переходъ малороссіянъ къ четвертному, судя по описанію, типу землевладѣнія[377]). Подворники Гадячскаго уѣзда, переселившись въ Маріупольскій уѣздъ Екатеринославской

губерніи, перешли къ общинному владѣнію, увидавъ въ немъ лучшую форму землепользованія [378]). Бѣлоруссы далеко не чужды общиннаго владѣнія. Авторъ статьи: «Крестьяне въ Сѣверо-западномъ краѣ» говоритъ слѣдующее: «если бы коммиссія (для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства) обратилась съ вопросомъ о формахъ землевладѣнія не къ землевладѣльцамъ и богатымъ крестьянамъ, а къ батракамъ, путникамъ, огородникамъ, младшимъ братьямъ дворохозяевъ, то она убѣдилась бы, что «душевой надѣлъ», какъ здѣсь называютъ общинное землевладѣніе, составляетъ завѣтную мечту громаднаго большинства населенія» [379]). Г. Дембовецкій указываетъ на полную безпочвенность введенія въ Могилевской губерніи общиннаго владѣнія [380]), но и въ этой мѣстности сильны споры между крестьянами, что прямо доказываетъ, что общинное владѣніе желательно здѣсь извѣстнымъ группамъ населенія; что же касается до Оршанскаго уѣзда, то обездоленное землею крестьянство стоитъ, по нашимъ наблюденіямъ, за общину. По словамъ г. Южакова, бѣлоруссы Могилевской и части Витебской губерніи приняли общину безъ малѣйшихъ затрудненій и быстро усвоили ея практику [381]). Даже иностранцы, переселившись въ Россію, принимаютъ общинное землевладѣніе, такъ, напр., молдаване Херсонской губерніи, поляки Мелитопольскаго уѣзда Таврической губерніи [382]), у которыхъ земля подѣлена по живымъ ревизскимъ душамъ, а оставшіеся за смертью надѣлы передѣляются по наличнымъ, болгары той же губерніи, эсты Ставропольской [383]), греки Екатеринослав-

ской губерніи, финны нѣкоторыхъ мѣстностей Шлиссельбургскаго уѣзда, напр. Шапкинской волости[384]). У армянъ Ростовскаго на Дону уѣзда и мысли нѣтъ о переходѣ къ подворному владѣнію, но община у нихъ, быть можетъ, и самостоятельное явленіе[385]). Нѣкоторые изъ нѣмцевъ колонистовъ Поволжья усвоили «общинные русскіе распорядки во всей ихъ полнотѣ, довели свое хозяйство до замѣчательной степени совершенства и достигли высокаго благосостоянія... Хозяйственныя постройки весьма прочны, помѣстительны и, очевидно, разсчитаны, не смотря на передѣлы, на равномѣрный доходъ въ теченіе долгаго времени. Машины распространены повсемѣстно»[386]). Даже нѣмцы Самарской губерніи, почти всѣ относящіеся враждебно къ общинѣ, завели въ нѣсколькихъ колоніяхъ общинные сѣнокосы и выгоны, очевидно подъ вліяніемъ нашей общины[387]). Даже евреи не чужды этого движенія: изъ Елизаветграда Херсонской губерніи пишутъ, что «еврейское духовно-библейское братство ходатайствуетъ у министра внутреннихъ дѣлъ о дозволеніи пріобрѣсти землю». «Не прося никакихъ льготъ, евреи заявили, что землю хотятъ пріобрѣсти на правахъ общинныхъ, дозволенныхъ исконными законами Россійской Имперіи»[388]).

VIII.

Проектируемый типъ общиннаго владѣнія.

Ни распространенность общиннаго владѣнія, ни привязанность къ нему, какъ бы ни была она крѣпка, ни пригодность его—сами по себѣ не могутъ помѣшать насильственному разрушенію общины. Она можетъ погибнуть и у насъ, не смотря на то, что легко помѣшать этому національному бѣдствію. Въ настоящее время нѣтъ основанія утверждать, что община распадется подъ вліяніемъ неустранимыхъ законодательною дѣятельностью причинъ. Даже при наличности послѣднихъ нельзя указать даже приблизительно время ея исчезновенія. Въ виду этого задача современной экономической политики должна быть сведена къ реорганизаціи общины въ высшую форму землевладѣнія и землепользованія — т. е. въ форму общинно-артельную. Всѣ другія формы имѣютъ болѣе темныхъ сторонъ, чѣмъ современное общинное землевладѣніе и къ числу этихъ формъ безспорно относится и проектированный г. Кейслеромъ типъ землевладѣнія. Къ разбору послѣдняго мы и перейдемъ теперь. Будущій и желательный общинный строй рисуется г. Кейслеръ [389]) въ слѣдующемъ видѣ. Передѣлы уничтожатся; каждый будетъ владѣльцемъ опредѣленной доли земли; всѣ остальныя права общины останутся безъ измѣненія, такъ что новый способъ землевладѣнія во всѣхъ главныхъ чертахъ

(не говоря объ историческомъ происхожденіи) будетъ сходенъ съ четвертнымъ. Но на ряду съ этимъ молодое поколѣніе, теряющее отъ прекращенія передѣловъ, будетъ получать вознагражденіе отъ тѣхъ домохозяйствъ, за которыми упрочена земля. Организуются колонизаціонныя кассы, постоянными доходами которыхъ и будутъ правильные взносы домохозяевъ, взносы пропорціональные величинѣ надѣловъ. Эти кассы будутъ выдавать молодежи деньги на переселенія и на другія нужды. Вообще же, «образующаяся на крестьянской землѣ свободная земельная рента должна доставаться не отдѣльнымъ хозяевамъ, но идти въ пользу всѣхъ членовъ общины и ихъ потомковъ и притомъ не только до тѣхъ поръ, пока они остаются вѣрными землѣ, но и когда они обращаются къ другимъ отраслямъ промышленности, чтобы дать имъ возможность добыть пропитаніе и соціально-экономическую самостоятельность». Возьмемъ теперь 1-ю книгу «Русскаго Вѣстника» за 1858 годъ, откроемъ ее на статьѣ: «Русская сельская община» и мы увидимъ, что проектъ, аналогичный съ проектомъ г. Кейслера, предлагался много лѣтъ тому назадъ. Общинное владѣніе, по проекту «Русскаго Вѣстника», уничтожается, каждый получаетъ свой участокъ, за который платитъ въ общую кассу поземельную ренту, оброкъ, равный для всѣхъ членовъ. Вмѣсто общиннаго владѣнія вводится общинная собственность, практическое примѣненіе которой выражается въ томъ, что каждый членъ общины, имѣетъ онъ участокъ или нѣтъ, обработываетъ землю или живетъ на сторонѣ,— получаетъ часть этого оброка. Проектъ г. Кейслера не

тождественен, разумѣется, съ только что указаннымъ, но порождаетъ не менѣе недоумѣній. Колонизаціонная касса выдастъ деньги и переселенцамъ; переселеніе, которому оказывается поддержка, разумѣется, полезное событіе, но оно возможно и въ настоящее время. Авторъ возражаетъ противъ переселеній изъ современной общины, такъ какъ они будутъ принудительными. А развѣ при новомъ типѣ землевладѣнія беззсмельная молодежь не будетъ принуждена переселяться? Въ настоящее время, разъ передѣлъ не выгоденъ богатымъ домохозяйствамъ, послѣднія (предполагая, что переселенія организованы) могутъ переселяться съ гораздо большей выгодой для націи, чѣмъ бѣдныя дѣти многодушныхъ семействъ новой общины. При правильномъ, удаляющемъ избытокъ населенія переселеніи исчезнутъ и передѣлы, т. е. наша община будетъ похожа на общину г. Кейслера, но это сходство будетъ только внѣшнимъ. Возьмемъ общины, въ которыхъ средній душевой надѣлъ соотвѣтствуетъ рабочей силѣ крестьянина. Въ такихъ общинахъ (если не было давно передѣла) встрѣтятся семейства трехъ видовъ: 1) семейства, владѣющія большимъ числомъ надѣловъ, чѣмъ то число душъ мужского пола, которое въ нихъ находится, напр., семья изъ двухъ душъ, превратившаяся въ однодушную; 2) разросшіяся семейства, владѣющія меньшимъ, чѣмъ надо, числомъ надѣловъ, напр., семья въ три души съ однимъ надѣломъ и 3) семейства, въ которыхъ число душъ соотвѣтствуетъ числу надѣловъ. Въ общинѣ типа г. Кейслера переселеніе удалитъ лишнихъ крестьянъ изъ семейства 2-го вида. Первыя семейства останутся

на большомъ надѣлѣ, а семейства третьяго на нормальномъ. Такимъ образомъ въ общинѣ будетъ неравенство надѣловъ и нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, что съ теченіемъ времени оно сгладится. И, не смотря на многоземелье, община все-таки будетъ гнать молодежь за тысячи верстъ. Многіе изъ крестьянъ предпочтутъ переселенію аренду земли у первыхъ семействъ, батрачество, такъ что арендный и батрацкій трудъ будутъ нормальными явленіями во всѣхъ общинахъ Россіи. Если же переселенія будутъ происходить изъ современной общины, то аренда и батрачество не будутъ господствующими явленіями, такъ какъ надѣлы будутъ соотвѣтствовать рабочимъ силамъ семействъ. Г. Кейслеръ стоитъ за этотъ проектъ потому, что община его типа, сохраняя всѣ мнимыя невыгоды общиннаго владѣнія, избавится отъ существеннаго, по мнѣнію г. Кейслера, зла—отъ передѣловъ. Авторъ не повторяетъ, впрочемъ, избитыхъ ссылокъ на несовмѣстимость передѣловъ съ сельско-хозяйственной культурой. Передѣлъ вреденъ только потому, что уменьшаетъ надѣлы домохозяйствъ, заставляетъ продавать часть инвентаря, заставляетъ часть крестьянъ искать другихъ промысловъ. Эти потери не вполнѣ покрываются выгодою, которую получаютъ другіе дворы вслѣдствіе увеличенія надѣловъ, такъ какъ у этихъ дворовъ нѣтъ инвентаря и часть вновь надѣленныхъ землею крестьянъ отвыкла отъ земледѣлія. Но, допустивъ правильно организованныя переселенія (г. Кейслеръ считаетъ это, очевидно, возможнымъ), мы придемъ къ тому заключенію, что надѣлы всегда будутъ соотвѣтствовать рабочей силѣ

дворовъ и въ этомъ случаѣ не имѣетъ мѣста указанная г. Кейслеромъ темная сторона передѣловъ; передѣлъ будетъ ни чѣмъ инымъ, какъ отобраніемъ земли у дворовъ, не имѣющихъ силы ее обработывать, и передачей такого надѣла работникамъ. Г. Кейслеръ полагаетъ, что у общинниковъ растетъ неохота къ кореннымъ передѣламъ, но собранные до сихъ поръ матеріалы не даютъ основанія сдѣлать такое заключеніе. Не вѣрно также, что сторонники передѣловъ не поняли «внутренней причины ихъ отсутствія (тамъ, гдѣ послѣднее замѣчено). Г. Кейслеръ указываетъ, что оппозиція противъ передѣловъ есть оппозиція противъ уменьшенія надѣловъ. Но вѣдь и сторонники передѣловъ знаютъ, что послѣдніе не выгодны стародушникамъ и если не всѣ говорятъ объ этомъ, то только потому, что такое положеніе само собою подразумѣвается. Г. Кейслеръ думаетъ, что наши писатели считаютъ отсутствіе ревизіи и выкупъ причинами, благодаря которымъ не дѣлится земля. Это опять не точно; многіе изслѣдователи общины знаютъ, что разговоры объ отсутствіи ревизіи и о выкупѣ являются простою ссылкою стародушниковъ, при помощи которой они отстаиваютъ старую разверстку земли. Г. Кейслеръ не соглашается приписать сопротивленіе передѣламъ вліянію кулаковъ, міроѣдовъ и низкому эгоизму. Не всякій кулакъ-міроѣдъ, хотя рѣдкій кулакъ не міроѣдъ, міроѣдомъ же называется членъ общины, такъ или иначе разрушающій ее; несомнѣнно противники передѣла міроѣды. Міроѣды противятся передѣлу во имя своей выгоды, значитъ изъ эгоизма; если же эпитетъ «низкій» и при-

бавлялся кѣмъ либо къ слову эгоизмъ, то, вѣроятно, въ тѣхъ случаяхъ, когда міроѣды забывали въ своихъ дѣйствіяхъ различіе между уголовщиной и законными поступками. Во всякомъ случаѣ нѣтъ оснований поддерживать проектъ г. Кейслера; если уже мечтать о реорганизаціи общины, то во всякомъ случаѣ объ эволюціонномъ развитіи ея въ общину-артель.

IX.

Отъ—общинныя формы.

Укажемъ теперь на тѣсно связанныя съ общиной переживанія родовой артели, выразившіяся въ цѣломъ рядѣ организацій для коллективнаго труда. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя изъ этихъ организацій, подъ вліяніемъ новыхъ экономическихъ условій, вновь начинаютъ крѣпнуть и развиваться, но ихъ происхожденіе кроется въ глубокой древности. Такими организаціями являются помочь (толока), аренды артелей, сообща обрабатывающихъ землю, общественныя запашки и разнообразныя проявленія обычая «складываться» («супряги»). Эти организаціи отнюдь не осуждены на постепенное уничтоженіе; пока будетъ цѣла община, будутъ существовать и онѣ. Современный экономическій строй, требуя соединенія работниковъ въ большія группы, побуждаетъ общинниковъ принимать новыя и поддерживать старыя формы коллективнаго труда.—Помочь — это великорусское, а толока — мало-

русское и бѣлорусское названіе одного и того же учрежденія, на главныхъ чертахъ котораго мы и остановимся. Въ какой либо праздникъ, а нерѣдко и въ будни жители данной деревни или только часть ихъ собираются вмѣстѣ для выполненія какой либо коллективной работы въ пользу одного лица или семейства. Эти работы бываютъ крайне разнообразны — всѣ сельскохозяйственныя постройки, кладка печей, рытье колодцевъ, рубка дровъ и пр. и пр. Характеръ помочей носятъ и очередныя работы при какомъ либо ремеслѣ, — очередное гнутье полозьевъ у кустарей-колесниковъ, очередная пряжа и пр. и пр. Вознагражденіе за такой трудъ не берется, но лицо, въ пользу котораго трудятся, устраиваетъ работающимъ даровое угощеніе, такъ, напр., полдникъ или обѣдъ, или ужинъ, приправленные, зачастую, водкою. Впрочемъ, нерѣдки помочи и безъ угощенія; нельзя не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ угощенія являются переживаніемъ старыхъ общинныхъ обѣдовъ, а не простой платой за трудъ. При такомъ объясненіи становится понятнымъ, почему въ Орловскомъ, напр., уѣздѣ Вятской губерніи даровыя помочи распространены въ пригородныхъ селеніяхъ, а помочи съ угощеніемъ на окраинахъ уѣзда. Замѣтимъ кстати, что общія пиршества сохранились еще и теперь у чувашъ Самарской [390]) и Казанской губерній [391]). Какъ въ Орловскомъ уѣздѣ Вятской губерніи, такъ и въ Самарской, въ общинныхъ пиршествахъ участвуютъ иногда по нѣскольку деревень вмѣстѣ [392]). Каждый общинникъ можетъ пригласить къ себѣ помочь, при чемъ подразумѣвается, что

онъ готовъ явиться на помочь къ каждому изъ бывшихъ на его работѣ крестьянъ. Иногда на помочь являются только родственники, что указываетъ на ея родовое происхожденіе. Иногда помочь собирается по приговору міра или по приглашенію какого либо заинтересованнаго лица для работы за больного, вдову, сиротъ; въ этихъ случаяхъ угощеніе бываетъ очень бѣднымъ, иногда его вовсе не бываетъ, или оно отсрочивается до лучшаго времени. Въ Вятскомъ уѣздѣ Вятской губерніи, напр., «для бѣдныхъ—вдовъ и убогихъ—помочь (напротивъ) обходится всегда очень дешево, такъ какъ косцы не требуютъ отъ нихъ большого угощенія, а работаютъ «для ради Христа» [393]). Нельзя не замѣтить, что подъ ударами кулацкаго режима такія помочи выводятся изъ употребленія; впрочемъ, этого нельзя сказать о сектантахъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, указывающихъ на виды помочи: въ Оршанскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи всѣ домохозяева возятъ навозъ сначала на поля одного общинника, потомъ другого, третьяго, пока не обойдутъ всей деревни. Въ Осташковскомъ уѣздѣ Тверской губерніи такія помочи особенно интересны, благодаря указанію на раздѣленіе труда въ помогающей артели. Здѣсь мы встрѣчаемъ общину-артель, организовавшуюся для опредѣленной работы [394]). Укажемъ далѣе на помочь по наряду, которая широко практиковалась въ одномъ изъ селъ Владимірской губерніи: она примѣнялась въ чрезвычайныхъ случаяхъ, каковыми были холерные годы. На всѣ полосы больныхъ крестьянъ міръ высылалъ по наряду бабъ для уборки хлѣба. По наряду же

убирается хлѣбъ всякимъ больнымъ, что является необходимымъ и въ виду пастьбы скота на жнивѣ. Иногда на помочь идутъ нѣсколько деревень, напр., при наводненіяхъ, пожарахъ и тому подобныхъ бѣдствіяхъ; такъ, напр., принимаютъ къ себѣ погорѣльцевъ, возятъ лѣсъ, помогаютъ строиться[395]). Иногда въ помочи принимаетъ участіе цѣлая волость (Московская губернія). Въ Дубровицкой волости Московской губерніи помочь распредѣлена между 6-ю деревнями, при чемъ на каждый погорѣвшій дворъ назначается 10 подводъ для возки лѣса[396]). Иногда помочь собирается изъ однѣхъ только дѣвушекъ и женщинъ (для женскихъ же работъ); приглашенныхъ не только угощаютъ, но и катаютъ иной разъ на лошадяхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при жнивѣ, напр., окончившая раньше всѣхъ работу женщина переходитъ на полосу сосѣдки, онѣ вдвоемъ дожинаютъ хлѣбъ, идутъ на третью полосу и такъ до тѣхъ поръ, пока на полосѣ самой слабой изъ жницъ собирается цѣлая помочь, быстро сжинающая хлѣбъ (Медвѣжій Уголъ Владимірской губерніи[397]). Иногда помочи играютъ очень важную роль въ крестьянскомъ хозяйствѣ, такъ, напр., у саяновъ Курской губерніи «большая часть сельскихъ земельныхъ работъ производится помочами»[398]). Надо замѣтить еще, что терминъ «помочь» часто примѣняется къ одной изъ кабальныхъ формъ труда; объ этой помочи говорить здѣсь не приходится. Малорусская толока ничѣмъ не отличается отъ великорусской помочи и г. Щербина слѣдующимъ образомъ устанавляетъ связь толоки съ родовою общиною: «есть осно-

ваніе предполагать», говоритъ онъ: «что толока составляетъ только жалкій осколокъ болѣе широкой и совершенной формы общиннаго труда, существовавшей между малорусскимъ населеніемъ въ былыя времена. Еще и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи и Югозападнаго края, напр., въ Ольгопольскомъ уѣздѣ Каменецъ-Подольской губерніи между мѣстнымъ населеніемъ довольно свѣжи воспоминанія о тѣхъ временахъ, когда земля обработывалась всѣми наличными силами села или деревни «вмѣстѣ», сообща, «гуртомъ». «Если подобный способъ общинной обработки земли былъ въ прежнія времена, до крѣпостного права, въ Южной Россіи болѣе или менѣе распространеннымъ, въ чемъ врядъ ли можно сомнѣваться, тогда связь толоки съ этой общей ассаціонной формой труда, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Южной Россіи не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и толока, слѣдовательно, представляетъ изъ себя атрофирующуюся форму общиннаго труда» [399]). Новыя изслѣдованія (проф. Лучицкаго) о сябринномъ землевладѣніи въ Малороссіи подтверждаютъ слова г. Щербины [400]).

Общинники, арендуя землю, обработываютъ ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ сообща и дѣлятся продуктами. Такъ, напр., крестьяне Усть-Важской общины Мезенскаго уѣзда Архангельской губерніи арендуютъ часть церковной земли; «при этомъ каждый хозяинъ выставляетъ одного работника какъ для косьбы, такъ и для уборки сѣна. На участкѣ собирается до 200 проможковъ сѣна, которое дѣлится поровну между участниками [401]). Сѣнокосныя артели на арендованной землѣ

встрѣчаются въ Рязанской губерніи (Черниговская община, село Пустынь[402]), въ Орловской губерніи (Болховскій уѣздъ[403]), Тульской (маленькія артели изъ 2-хъ хозяевъ[404]), въ Екатеринославской губерніи (Ростовскій на Дону уѣздъ[405]). Крестьяне Черниговской губерніи «понимаютъ значеніе артели, они имѣютъ установившіяся формы артельной аренды; иногда нанимаютъ и обработываютъ землю сообща и барыши дѣлятъ по числу работниковъ»[406]). Интересна также малороссійская «гуртова». Гуртова организуется обыкновенно на нѣсколько лѣтъ; арендная плата «распредѣляется между всѣми наличными силами гуртовы». Въ составъ послѣдней входятъ 6—8 домохозяевъ, выставляющихъ равныя рабочія силы, поровну же выставляются орудія труда и рабочій скотъ. Всѣ полевыя работы исполняются артелью при строгомъ раздѣленіи труда. Продуктъ дѣлится поровну между всѣми участниками гуртовы[407]).

«Складываться», устроить «супрягу»—это значитъ соединить принадлежащій разнымъ хозяевамъ рабочій скотъ, или орудія труда, или то и другое вмѣстѣ для производства совмѣстной работы. Недостатокъ скота, орудій труда, выгода совмѣстнаго труда—главныя причины появленія супрягъ. Супряга, безспорно, отъ-артельная форма и не видѣть между нею и артельнымъ началомъ ничего общаго (какъ не видятъ нѣкоторые писатели) невозможно. О распространенности супрягъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Въ Козелецкомъ уѣздѣ Черниговской губерніи 34% всѣхъ хозяевъ обработываютъ землю супрягой[408]), въ Борзенскомъ

около 90°/o хозяевъ запахиваютъ свои и снятыя земли супрягой[409]), въ Славяносербскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи—47,6°/o[410]), въ Гадячскомъ у. Полтавской губерніи — 55,8°/o[411]), въ Золотоношскомъ — 57,9°/o[412]), въ Полтавскомъ — 59,4°/o[413]), въ Миргородскомъ — 62,1°/o, въ Лубенскомъ—65,4°/o[414]). Останавливаться на разнообразныхъ формахъ супряги мы не будемъ, ограничась немногими данными о Полтавской губерніи: «Супряжники пользуются сборнымъ плугомъ по днямъ, пропорціонально количеству скота у каждаго; за плугомъ ходитъ и кормъ скоту во время работы поставляетъ тотъ, кому въ данный день производится запашка, а погоничъ или у каждаго свой или наоборотъ: «Я орю съ твоимъ погоничемъ, а ты съ моимъ»; по возвращеніи съ поля разбираютъ скотъ по домамъ. Владѣніе самимъ плугомъ не увеличиваетъ доли пользованія сборнымъ скотомъ, а только хозяинъ, владѣющій плугомъ, не тратится на подновленіе желѣзныхъ частей, каковыя затраты принимаютъ на себя другіе супряжники. Въ нѣкоторыхъ болѣе рѣдкихъ случаяхъ супряжники не считаются и скотомъ, а пашутъ «любомирно, сколько кому нужно». «Къ сожалѣнію, нѣкоторыя данныя, а отчасти и отзывы самихъ крестьянъ свидѣтельствуютъ, что примѣненіе благодѣтельнаго обычая супряги мѣстами начинаетъ сокращаться подъ вліяніемъ возникающихъ иногда при супрягѣ несогласій, доходящихъ порою даже до суда»[415]). Помимо чисто хозяйственныхъ цѣлей, супряга, какъ и помочь, преслѣдуетъ, какъ кажется, и филантропическія цѣли[416]). Въ виду того, что въ великорусскихъ губерніяхъ па-

шутъ не плугомъ, «складки» встрѣчаются въ нихъ рѣже, хотя несомнѣнно существуютъ; мы встрѣчаемся здѣсь съ другими формами, такъ, напр., лошадный хозяинъ запахиваетъ землю безлошадному, а послѣдній является съ косою на сѣнокосъ къ первому, или даетъ телѣгу для возки споповъ, и т. д.

Перейдемъ теперь къ общественнымъ запашкамъ. Нерѣдко крестьяне относятся къ послѣднимъ недружелюбно, но это недоброжелательство лежитъ внѣ вражды къ коллективному виду труда. Оно легко объясняется малоземельемъ, дѣлающимъ стѣснительнымъ отводъ земли подъ запашки, бѣдностью крестьянъ, не позволяющею арендовать земли, отходомъ, неимѣніемъ у нѣкоторыхъ крестьянъ рабочаго скота, удобренія и т. п. Бѣдныя хозяйства служатъ серьезнымъ препятствіемъ при устройствѣ запашекъ: въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи, напр., богатые крестьяне никакъ не могли помириться съ неимѣющими рабочаго скота[417]). Но крестьяне умѣютъ иногда выходить изъ этого затрудненія: они организуютъ запашку на началахъ раздѣленія труда, такъ, напр., въ нѣкоторыхъ общинахъ имѣющіе воловъ — пашутъ, имѣющіе лошадей—боронятъ, не имѣющіе скота—косятъ и убираютъ хлѣбъ; устраиваются, разумѣется, и иначе (Острогожскій уѣздъ Воронежской губерніи, напр.)[418]). Иногда земства помогаютъ крестьянамъ; малоземелье мѣшало завести запашки въ Бобровскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи; управа попросила землевладѣльцевъ придти на помощь и нѣкоторые изъ нихъ отвели по сту, по двѣсти десятинъ во временное пользованіе крестьянъ,

а госпожа Колюбакина подарила подъ общественную запашку 90 десятинъ[419]). Мѣшаетъ устройству общественныхъ запашекъ и задолженность крестьянъ: въ Самарской губерніи, напр., причиною незначительности запашекъ служитъ главнымъ образомъ усиливающееся съ каждымъ годомъ закабаленіе крестьянскаго труда, въ силу чего въ страдную пору крестьяне, «наскоро убравъ свои поля, спѣшатъ на уборку полей тѣхъ, которые еще зимой закупили за безцѣнокъ ихъ трудъ»[420]).

Разъ отсутствуютъ неблагопріятныя условія, крестьяне охотно устроиваютъ общественныя запашки, такъ, напр., въ 25 селеніяхъ Борисоглѣбскаго уѣзда Тамбовской губерніи крестьяне, учреждая запашки, «сознавали полезность ихъ безъ всякаго посторонняго вліянія»[421]). Бываетъ и такъ, что крестьяне одной и той же губерніи, по разныхъ уѣздовъ, различно относятся къ запашкамъ, напр., въ Симбирской губерніи[422]). Неохотно мирятся крестьяне и съ тѣмъ, что собранный съ запашекъ хлѣбъ не дѣлится по работникамъ, участвовавшимъ въ запашкѣ.

Общественныя запашки безспорно выгодное учрежденіе. Собранный съ запашекъ хлѣбъ не подвергается колебаніямъ рыночной цѣны. Мало этого, по словамъ г. Трирогова, «по разсчету средняго урожая по запашкѣ получится несравненно болѣе хлѣба, чѣмъ отъ однообразнаго сбора зерномъ»[423]). Сборъ хлѣба съ общественныхъ запашекъ бываетъ обильнѣе сбора съ надѣльныхъ земель. Вообще при запашкахъ легче, чѣмъ при сборахъ, сбирать запасы въ общественные магазины. Въ литературѣ слышался иногда протестъ

противъ принудительной работы на этихъ запашкахъ, но этотъ протестъ не серьезенъ; «день, два принудительной работы», говоритъ г. Щербина: «для крестьянина выгоднѣе, чѣмъ принудительная засыпка зерна, когда его нѣтъ и когда приходится входить въ долги или разстраивать хозяйство»[424]). Кое-гдѣ общественныя запашки быстро развиваются, такъ въ Пензенской губерніи въ 1881 году подъ запашками (974) было 9,407 десятинъ, а весною 1886 — 13,667 десятинъ (крестьяне этой губерніи относились къ запашкамъ съ предубѣжденіемъ, но потомъ практика заставила ихъ перемѣнить свои взгляды)[425]). Безспорныя земско-статистическія данныя указываютъ на распространеніе запашекъ и въ другихъ мѣстахъ: — въ Славяносербскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи «фактъ повсемѣстнаго распространенія запашекъ и живучесть ихъ указываютъ уже сами по себѣ на сочувственное отношеніе къ нимъ массы населенія»[426]). Въ Богучарскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи подъ запашками находится 16,000 десятинъ земли[427]), въ Острогожскомъ уѣздѣ той же губерніи общественныя запашки организованы въ 63,6% всѣхъ общинъ[428]); иногда онѣ возникали по иниціативѣ самихъ крестьянъ. До какой степени бываютъ полезны общественныя запашки, можно судить по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ на Елецкомъ земскомъ собраніи о знаменскомъ обществѣ. Запашки организовались здѣсь еще въ 1861 году по почину самихъ крестьянъ: «хлѣбомъ, собираемымъ съ общественной запашки, покрываются земельныя подати и всѣ земскіе и мірскіе сборы. Не смотря на общее гро-

мадное накопленіе недоимокъ всѣхъ наименованій и видовъ за этимъ единственнымъ въ уѣздѣ знаменскимъ обществомъ (гдѣ только и есть запашки) нѣтъ ни государственныхъ, ни земскихъ, ни продовольственныхъ недоимокъ. Но самое характерное — это то, что знаменское общество еще ни разу не обращалось къ помощи земскихъ или продовольственныхъ капиталовъ»[429]). Въ Симбирской губерніи благодаря запашкамъ продовольственные долги постепенно уменьшались. — Общественныя запашки организуются и для другихъ цѣлей, кромѣ пополненія запасныхъ магазиновъ, напр., для уплаты выкупныхъ платежей (с. Никольское Стерлитаматскаго уѣзда)[430]), для погашенія недоимки (дер. Бугро Ключей Инсарскаго уѣзда Пермской губерніи, накопившая 14 тысячъ рублей недоимки)[431]), для уплаты долга въ имперскій продовольственный капиталъ (Новомосковскій уѣздъ Екатеринославской губерніи)[432]), па случай падежа и другихъ бѣдствій (Колокольская волость Аткарскаго уѣзда Саратовской губерніи)[433]). Въ Оханскомъ уѣздѣ Пермской губерніи на запашкахъ разводятся улучшенныя зерновыя и техническія растенія; урожай за вычетомъ стоимости сѣмянъ и ихъ запаса для будущаго урожая дѣлится по наличнымъ душамъ общества. Нерѣдко запашки устраиваются для того, чтобъ вырученныя деньги употребить на устройство или украшеніе храмовъ[434]). Солома и полова съ запашекъ иногда продаются, а деньги идутъ на покрытіе недоимокъ, иногда соломою топятъ общественныя зданія—сборню и училище или отдаютъ па прокормъ общественнымъ быкамъ. Нѣ-

которыя земства (Екатеринославское[435]), Мокшанское[436]), Демянское, Малмыжское[437]), Чистопольское, Симбирское и др.) подняли вопросъ объ обязательномъ введеніи общественныхъ запашекъ. Законъ объ обязательномъ введеніи послѣднихъ въ настоящее время былъ бы очень нежелателенъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ неблагопріятныхъ для ихъ развитія условій, онѣ устроятся по простому совѣту; гдѣ же условія неблагопріятны, обязательное введеніе запашекъ повлечетъ за собою рядъ неудовольствій, ссоръ и неудачъ, а главное научитъ крестьянъ недовѣрчиво смотрѣть на совмѣстный трудъ. Неудачи съ запашками вовсе не рѣдкость и крестьяне отказывались даже отъ тѣхъ, которыя уже заведены. Разъ запашки вводятся обязательно, даже маловажныя неудобства становятся въ глазахъ крестьянъ неустранимыми просто потому, что сама запашка считается пустымъ дѣломъ. Совсѣмъ другое дѣло, когда крестьяне сознаютъ ея пользу.

Многія земства отнеслись къ запашкамъ очень сочувственно, напр., Тамбовское[438]), Бирское[439]), Міусское[440]), Новоузенское[441]), Одесское, Александрійское[442]), Дмитріевское[443]), Аткарское[444]) и др. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ относится къ нимъ сочувственно и высшая администрація.

Мы указали только на болѣе выдающіяся организаціи коллективнаго труда. Ихъ такъ много, что трудно перечислить, не пропустивъ нѣкоторыя изъ нихъ: артельныя постройки изгородей, общихъ гуменъ, овиновъ, мельницъ, поварней, сушилокъ, бань, охотничьихъ и рыбацкихъ избъ, общихъ дворовъ, ригъ, за-

гоновъ для большого скота, устройство мостовъ, гатей, дорогъ, прудовъ, канавъ, артельная покупка лошадей, машинъ и т. д. Въ Обонежьѣ, напр., есть мельницы, принадлежащія 50—70 крестьянамъ, артельныя риги принадлежатъ въ Заонежьѣ 8—10 домамъ вмѣстѣ[445]). Общинно-артельныя работы производятся иногда и по найму, причемъ деньги идутъ на разныя общественныя потребности: на покрытіе недоимокъ, уплату податей, украшеніе храмовъ, для уплаты за арендованную землю и т. д.[446]).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

Община перваго захвата и община—артель.

Однимъ изъ наиболѣе древнихъ типовъ землевладѣнія считается община перваго захвата. Ея основной принципъ — это право общинника на захватъ какого угодно количества земли въ свое пользованіе. Мы имѣемъ передъ собою два вида этой общинной формы землевладѣнія. Наиболѣе старый, при которомъ власть міра надъ землею является скорѣе теоретическою и проявляется въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, и болѣе новый, при которомъ міръ постоянно напоминаетъ общиннику о своемъ существованіи. Первый видъ сохранился въ Сибири и мы познакомимся съ нимъ со словъ Щапова. «На Ленѣ (по рѣкамъ: Кудѣ, Ленѣ, Манзуркѣ и Ангѣ), какъ въ русско-крестьянскихъ, такъ и осѣдло-инородческихъ селеніяхъ сохраняется принципъ общиннаго землевладѣнія... И ленскія крестьянскія общества, хотя не сознаютъ, не понимаютъ вполнѣ отчетливо начала общиннаго землевладѣнія, но все-таки, однакожъ, инстинктивно берегутъ его, какъ священное

начало, чувствуютъ всю его существенную многозначительность въ своихъ общинно-юридическихъ правахъ на землю: «Земля», говорятъ ленскіе крестьяне: «ничья, а Божья, государственная, общественная, мірская». Но какъ земли въ Ленскомъ краѣ, говорятъ, необъятное множество, то крестьяне въ каждой общинѣ обыкновенно захватываютъ и распахиваютъ пашни столько, сколько хотятъ и могутъ. Этой распаханной землей они и владѣютъ пожизненно, передаютъ ее своимъ дѣтямъ, могутъ даже продавать или отдавать въ кортому на разные сроки, но, впрочемъ, самое большое только лѣтъ на 40 *). Умираетъ какой нибудь общинный землевладѣлецъ, оставляетъ въ пустошахъ примѣрно десятинъ 30—40 и болѣе распаханной имъ земли; если наслѣдники его, дѣти, не живутъ въ общинѣ, гдѣ жилъ ихъ отецъ, не пашутъ отцовскихъ пустошей, то ихъ можетъ безпрепятственно пахать и засѣвать всякій другой общинникъ, кто только захочетъ и сколько захочетъ и сможетъ, лишь бы онъ принадлежалъ къ той же общинѣ, къ которой принадлежитъ и земля». Точно также, если общинникъ умретъ, не оставивъ послѣ себя принадлежащихъ къ общинѣ «наслѣдниковъ своего дома и принадлежащей къ нему усадьбы, утуга, огорода, гуменнаго или заограднаго баннаго мѣста», то сосѣдъ могъ захватить выморочную собственность, не спрашивая ни у кого позволенія [1]). Встрѣчается этотъ типъ землевладѣнія, по даннымъ г. Личкова, въ Иркутской

*) Въ нѣкоторыхъ общинахъ нѣтъ и этого ограниченія. (Примѣчаніе автора).

и Енисейской губ. [2]). Небольшія замѣтки Гагемейстера даютъ нѣкоторое основаніе предполагать, что въ Томской губерніи встрѣчается этотъ же видъ общины перваго захвата [3]). Встрѣчаются такія захватныя общины, гдѣ на правахъ захвата пользуются и покосами и лѣсами. Пользованіе землей близко подходитъ въ этомъ случаѣ къ пользованію на правахъ личной собственности. Такое полное право землепользованія основывается на трудовомъ началѣ, на тѣхъ затратахъ, которыя пришлось произвести, расчистивъ новыя земли. Но захватная община въ значительной степени мѣшаетъ землѣ переходить къ чужимъ лицамъ, чѣмъ и доказывается, между прочимъ, что этотъ способъ землевладѣнія общинный. Въ болѣе новыхъ общинахъ перваго захвата все рельефнѣе и рельефнѣе проявляется власть міра надъ землею. Новая община перваго захвата встрѣчается, въ своемъ чистомъ видѣ, очень рѣдко, тѣмъ не менѣе мы считаемъ необходимымъ указать ея типичныя черты. Въ общинахъ Олонецкой губерніи «міръ значитъ для крестьянина—все». «Крестьяне мнѣ говорили», пишетъ г. А. Л—нъ: «что, если бы «общество», «обчество», захотѣло отобрать у крестьянина участокъ, то могло бы это сдѣлать свободно и что никто не сталъ бы противорѣчить этому» [4]). Названіе разсматриваемаго типа общины опредѣляетъ и способъ пользованія землею, но мы остановимся нѣсколько подробнѣе на техникѣ пользованія различными угодьями и на ея слѣдствіяхъ. Усадебныя и при-усадебныя земли захватываются всякимъ желающимъ, гдѣ ему угодно и въ какомъ количествѣ угодно; въ силу этого одно и то же

общество, міръ, состоитъ иногда изъ цѣлаго ряда маленькихъ селеній, разбросанныхъ на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ; такихъ поселковъ, населенныхъ выходцами изъ главной деревни, насчитывается 20—30 и даже болѣе. Пользованіе выгономъ безусловно свободно, да и самаго выгона, какъ отведенной земли, зачастую не бываетъ; всякій пасетъ скотъ, гдѣ ему покажется удобнымъ, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ мѣстъ, которыя заняты пашней, сѣнокосомъ и пр. Въ другихъ случаяхъ всѣмъ міромъ устраиваются огороженныя мѣста для пастьбы скота. Пахотныя земли воздѣлываются каждымъ, гдѣ ему угодно и въ какомъ количествѣ угодно; міръ запрещаетъ только занимать земли, отмѣченныя для пахоты другими общинниками; участокъ, не воздѣлываемый въ теченіе опредѣленнаго времени (года, двухъ, пяти, иногда даже десяти лѣтъ), можетъ быть захваченъ любымъ членомъ общины. Если на расчистку такого участка требовалась извѣстная доля труда и общинникъ пересталъ его обработывать по болѣзни или какой нибудь другой независимой отъ него причинѣ, міръ запрещаетъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго срока (не обращая вниманія на окончаніе обычнаго срока) доступъ постороннимъ на этотъ участокъ. Пользованіе сѣнокосами организовано тѣмъ же способомъ, впрочемъ, срокъ, въ теченіе котораго участокъ можетъ оставаться неутилизированнымъ, не превышаетъ одного года. Въ нѣкоторыхъ общинахъ назначается опредѣленный промежутокъ времени, въ теченіе котораго крестьянинъ долженъ обкосить какой нибудь районъ луга, который и скаши-

вается имъ впослѣдствіи. Что касается до лѣсовъ, то мы встрѣчаемся здѣсь съ двумя видами пользованія. Въ обоихъ случаяхъ каждый общинникъ можетъ рубить столько лѣса, сколько ему угодно и для собственной надобности, и для продажи, но въ одномъ изъ нихъ запрещается доступъ въ лѣсъ постороннимъ, въ другомъ разрѣшается. Помимо Олонецкой губерніи подобныя общины встрѣчаются, напр., въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи, гдѣ всякій пашетъ сколько можетъ и гдѣ вздумается. «Въ Алтайскомъ округѣ, на Алтаѣ, въ настоящее время», пишетъ г. Чудновскій: «на лицо имѣется одна лишь форма землевладѣнія — общинная; въ данный моментъ форма эта принадлежитъ здѣсь къ типу «перваго завладѣнія» пахатной землей» [5]); такія же общины встрѣчаются въ Восточной Сибири—въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ [6]). Встрѣчаются онѣ не на однихъ только окраинахъ Россіи, такъ, напр., въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ С.-Петербургской губерніи у крестьянъ четырехъ селеній «благодаря обилію земли и слабому развитію земледѣльческаго промысла установился захватный способъ пользованія землею: каждый домохозяинъ имѣетъ право распахивать землю, гдѣ ему угодно и въ такомъ количествѣ, въ какомъ можетъ осилить. Лѣсомъ тоже каждый домохозяинъ пользуется въ томъ размѣрѣ, какой опредѣляется его потребностями; но продавать на сторону лѣсъ общинники не имѣютъ права» [7]). Мы встрѣчаемся въ послѣднемъ примѣрѣ съ небольшимъ ограниченіемъ захватнаго права, и, дѣйствительно, въ настоящее время община перваго захвата въ своемъ чи-

стомъ видѣ встрѣчается почти только въ Сибири (Восточной). Едва ли не самымъ первымъ ограниченіемъ захватнаго права является требованіе отъ общинника заявить обществу о желаніи запахать землю, при чемъ общество не можетъ отказать въ этомъ захватѣ [8]); но за то во многихъ мѣстностяхъ существуетъ еще смѣшанный типъ общины. Часть угодій утилизируется въ нихъ, какъ въ общинахъ великорусскаго типа, а другая на захватномъ правѣ.—Что касается до разверстки податей въ общинахъ перваго захвата, то господствующимъ, какъ кажется, типомъ является разверстка по работникамъ, причемъ всѣ они платятъ поровну, а лица, не достигшія опредѣленнаго возраста (15—20 л.) или пожилыя (55—60) облагаются половинной или меньшей долей платежа. На Алтаѣ встрѣчается еще вызывающая протесты богачей разверстка по скоту, разверстка по скоту и пашнѣ и, наконецъ, разверстка по экономической состоятельности; къ послѣднему типу раскладки стремятся алтайскіе крестьяне, не подпавшіе подъ власть кулаковъ [9]). Въ смѣшанныхъ общинахъ, гдѣ земля, напр., утилизируется на захватномъ правѣ, а луга по типу великорусской общины, подати раскладываются только по луговому надѣлу [10]). Очень интересно прослѣдить, какъ совершается переходъ отъ общины перваго захвата къ смѣшанному, а затѣмъ и великорусскому типу пользованія землею. Приведемъ, какъ типичный примѣръ, реорганизацію Ульбинской общины Усть-Каменогорскаго уѣзда Семипалатинской области. Обиліе земли, прекрасная черноземная почва долгое время позволяли казакамъ

придерживаться по отношенію къ землѣ захватнаго права. Съ теченіемъ времени, когда богатыя скотомъ и рабочею силою семейства захватили близь лежащія пашни, а молодымъ казакамъ, имѣющимъ обыкновенно по 2, по 3 лошади, пришлось поднимать далеко лежащую новь, раздались требованія передѣла, который и былъ произведенъ въ 1881 году. Были подѣлены только близь лежащія земли. Передѣла, въ великорусскомъ смыслѣ этого слова, впрочемъ не было; каждый остался на своей землѣ, но излишекъ ея надъ установленнымъ количествомъ — пятью десятинами на казака — былъ отобранъ. На дальнія земли сохранилось право перваго захвата, такъ что каждый общинникъ можетъ тамъ распахивать столько десятинъ земли, сколько захочетъ. Опредѣленнаго срока для пользованія захваченною этимъ способомъ землею не полагается, но общество можетъ отобрать ее (для сдачи въ аренду, напр.), когда пожелаетъ и казаки, относящіеся къ рѣшенію схода съ большимъ уваженіемъ, «отступаются» въ такомъ случаѣ отъ распаханныхъ земель. Такимъ образомъ, разъ поднятая земля принадлежитъ до особаго мірскаго приговора тому, кто ее распахалъ, и никто другой не имѣетъ права занять ее даже въ томъ случаѣ, когда она лежитъ невоздѣлываемою. Отобраніе захваченной земли является въ этомъ случаѣ прямымъ слѣдствіемъ фиска, такъ какъ земля отбирается для сдачи въ аренду постороннимъ и получаемая за это плата идетъ на покрытіе повинностей. При-усадебныя земли утилизируются на правахъ захвата, передѣловъ на эти земли не бываетъ, но

міръ сохраняетъ надъ ними верховную власть, такъ, напр., въ 1886 году у одного казака отобрали подъ поселокъ часть огорода. Часть общиннаго лѣса является заповѣдной, что было вызвано недостаткомъ строеваго лѣса. Остальнымъ лѣсомъ пользуются на правахъ захвата, всякій рубитъ для личныхъ надобностей или для продажи, сколько хочетъ, причемъ общинники не обращаютъ вниманія, кѣмъ и сколько вырублено деревьевъ. Не смотря на такое отношеніе къ лѣсу, доступъ въ него постороннимъ строго воспрещенъ. Сѣнокосныя угодья передѣляются общинниками ежегодно, но сравнительно недавно господствовавшій захватный способъ не допустилъ еще выработать ту поражающую точностью технику передѣла, которая наблюдается въ великорусскихъ общинахъ. Не производя никакихъ предварительныхъ измѣреній, всѣ пайщики идутъ лугомъ и, указывая на глазомѣръ извѣстное пространство, рѣшаютъ вопросъ, довольно ли будетъ надѣла на душу; когда всѣ согласятся на величину пая, то на послѣдній мечется жребій. Такимъ образомъ полной уравнительности по размѣрамъ участковъ и качеству травы не существуетъ, но пока общинники легко мирятся съ этимъ: «жребій-батюшка, что дѣлать?» говорятъ они. Передѣлъ пахотной земли, о которомъ мы говорили, опять таки производится по глазомѣру; богачи просто уступали лишнія полосы, причемъ не обошлось, разумѣется, и безъ злоупотребленій; а именно, имѣвшіе вліяніе на общество казаки удержали, не смотря на признанное въ принципѣ равенство надѣловъ, много лишнихъ земель. Помимо этого, остались

безъ передѣловъ участки тѣхъ лицъ, которыя не окупили еще затраченнаго на обработку почвы труда. Подѣливъ такимъ образомъ земли, общество не постановило приговора о возобновленіи передѣла черезъ опредѣленный срокъ. Пользуясь этимъ, малоземельные казаки настойчиво требуютъ новаго передѣла, новой урѣзки. Безземельныхъ казаковъ въ поселкѣ не имѣется; но, благодаря удержанію богачами сверхъ надѣльной земли и оставленія внѣ урѣзки не окупившихъ труда участковъ, надѣлъ распредѣленъ крайне неравномѣрно. Правда, каждый казакъ можетъ распахать, сколько хочетъ, новой земли, но поднимать ее, при маломъ числѣ лошадей, не возможно, такъ какъ на плугъ идетъ здѣсь 6—7 лошадей. Эти-то обстоятельства и порождаютъ требованія новаго передѣла [11]). Аналогичныя же данныя имѣются и изъ другихъ мѣстностей Сибири, такъ напр., захватъ земли богачами и породилъ требованія передѣла въ Ачинскомъ округѣ. Тотъ же результатъ имѣли захваты и притѣсненія богачей кое-гдѣ на Алтаѣ [12]). Въ Сибири встрѣчаются приговоры, ограничивающіе право захвата извѣстнымъ числомъ десятинъ, разрѣшающіе малоземельному крестьянину разыскать излишне захваченную землю и потребовать ее себѣ; міръ дѣлается полнымъ хозяиномъ вымороченыхъ земель, не позволяя иной разъ захватывать ихъ; міръ начинаетъ дѣлать отводы земли, пользованіе которою не требовало прежде санкціи общества, установляетъ срокъ, въ теченіе котораго захваченная земля можетъ лежать безъ обработки, уничтожаетъ захватъ отдѣльныхъ угодій или ограничиваетъ его (покосъ, лѣсъ);

захватъ покосовъ ранѣе всего замѣняется душевымъ владѣніемъ, что г. Личковъ объясняетъ большей ограниченностью удобной для покосовъ земли и тѣмъ, что скотоводство предшествовало земледѣлію [13]). Въ Европейской Россіи мы встрѣчаемся съ тѣми же мотивами перехода къ великорусскому типу общиннаго владѣнія. Напр., въ Одесскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи въ селѣ Дески [14]); въ Царицынскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи [15]). Такъ, напр., въ Екатеринославской губерніи главными причинами перехода къ великорусскому общинному владѣнію были «неравномѣрность въ распредѣленіи земли и сознаніе несправедливости такой неравномѣрности» [16]). Здѣсь, какъ и въ Сибири, дальнія земли не дѣлились, а поступали въ передѣлъ только съ теченіемъ времени. Противъ захвата излишней земли боролись и другими средствами; иногда требовали отъ крестьянъ, чтобы они заявляли міру о желаніи захватить земли [17]); въ селѣ Сартанахъ Славяносербскаго уѣзда введенъ былъ до перваго передѣла «цѣлый рядъ ограниченій по отношенію къ эксплуатаціи земли. Эти ограниченія выразились въ томъ, что богачамъ въ первую недѣлю косовицы запрещали нанимать болѣе двухъ рабочихъ на домохозяина съ цѣлью дать возможность бѣдняку захватить побольше и получше земли, въ другую же недѣлю онъ могъ уже нанимать рабочихъ, сколько ему было угодно. Что касается пахотныхъ угодій, то и наиболѣе удобныя изъ нихъ были даже подѣлены подворно, по 1—2 десятины на дворъ, остальною же землею пользовались безъ ограниченія. При уборкѣ хлѣба богачи не имѣли права возить

своихъ сноповъ до тѣхъ поръ, пока бѣдняки не убирали своего хлѣба. Это ограниченіе продержалось до самаго послѣдняго времени и уничтожено только въ послѣдній періодъ въ 1882 году» [18]). Въ Мисковской общинѣ Костромскаго уѣзда (Костромской губерніи) захватный способъ уничтожили въ силу того, что «богатые и вліятельные люди постарались забрать разными не совсѣмъ справедливыми способами въ свои руки лучшія пожни и въ большемъ количествѣ». Въ селѣ Никольскомъ, въ концѣ 50-хъ годовъ «было введено такое ограниченіе: имѣющій одну пару воловъ могъ нанимать во время сѣнокоса только одного рабочаго, имѣющій пять паръ воловъ — пять рабочихъ и т. д. [19]). Въ Острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи вычитается за захваченныя подъ сады и лѣса земли, соотвѣтствующее количество земли изъ пахотныхъ полей или платятся за нихъ деньги [20]). Въ Сибири на душу отводится опредѣленное количество старой земли; распахиваютъ, сколько міръ прикажетъ, причемъ излишекъ можетъ быть взятъ любымъ общинникомъ; или, наконецъ, земля идетъ чрезъ 20—30 лѣтъ въ общую дѣлежку [21]). Богатые казаки захватили массу земли по Дону и всѣми силами мѣшаютъ бѣднякамъ добиться раздѣла; они стараются составить вокругъ себя единомыслящую съ ними партію изъ бѣдняковъ, употребляя для этой цѣли всевозможныя средства запугиванія. Распространяютъ, напр., слухи, что послѣ раздѣла будетъ стѣснена свобода перехода на жительство изъ хуторовъ въ станицу и наоборотъ, или что нельзя будетъ безнаказанно (не платя штрафа) выпу-

скать лошадей и прочій скотъ со двора въ поле, или же, что вспаханныя до дѣлежа нивы могутъ оказаться за межой и пашнями воспользуются другіе, или что при раздѣлѣ земли землемѣры дѣлаютъ разныя злоупотребленія и т. д. Если общинники добиваются передѣла, то и здѣсь казаки дѣлятся иногда на глазомѣръ и здѣсь много несправедливостей [22]). Сами казаки не научились, говоря вообще, дѣлить какъ слѣдуетъ землю и, если богачи не съумѣютъ затормозить передѣлъ, то общество приглашаетъ землемѣровъ, но и землемѣры иногда мошенничаютъ. Въ Мелитопольскомъ уѣздѣ Таврической губерніи или прямо переходили послѣ ряда споровъ къ передѣламъ, или незадолго до передѣловъ практиковались пріемы, стѣсняющіе захваты богачей [23]). Агитація за передѣлы далеко не носила мирнаго характера: «велась она съ кулачнымъ и смертельнымъ боемъ, съ насильственнымъ разореніемъ хуторскихъ построекъ» [24]). Выше указанныя ограниченія захвата, на ряду съ обложеніемъ платежами излишней усадебной и при-усадебной земли, являются однѣми изъ характерныхъ чертъ при переходѣ къ общинамъ великорусскаго типа. Эволюціонно развиваясь, община перваго захвата очень часто встрѣчается на ряду съ великорусскою общиною; на захватномъ правѣ утилизируются въ большинствѣ случаевъ только нѣкоторыя угодья. На сѣверѣ Россіи этотъ типъ землевладѣнія встрѣчается въ Олонецкой, Пермской, Вологодской, Архангельской и Вятской губерніяхъ. Въ Городищенской волости Вологодской губерніи «часть земли, именно лѣса, луга, выгоны, клочки обработанной земли

за полями, вообще вдали отъ деревни, принадлежитъ всей волости. Волостною землею пользуются по праву перваго захвата»[25]). Въ этой же мѣстности мы встрѣчаемся съ очень распространеннымъ ограниченіемъ захватнаго права: «по мѣрѣ увеличенія населенія, деревни присоединяютъ къ своимъ общиннымъ полямъ близъ лежащія дерюги, расчищенныя отдѣльными домохозяевами, наблюдая однакожъ при этомъ, чтобъ со времени захвата дерюги прошелъ настолько значительный срокъ, въ продолженіе котораго захватившій могъ бы вознаградить себя за трудъ расчистки и унавоживанія»[26]). Въ Пилемской общинѣ, Мезенскаго уѣзда, Архангельской губерніи существуетъ «захватный способъ пользованія общественною землею посредствомъ расчистокъ мѣстностей, поросшихъ мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ, гдѣ бы онѣ не находились, за исключеніемъ выгонныхъ мѣстъ. Такими захваченными и расчищенными участками обыкновенно владѣютъ до новаго передѣла»[27]). Въ Большеписорской общинѣ того же уѣзда не вошедшія въ надѣлъ сѣнокосныя земли утилизируются на захватномъ правѣ[28]). Въ Слободскомъ у. Вятской губерніи «захватный способъ встрѣчается только въ лѣсахъ, отведенныхъ подъ расчистки, или въ поселянскихъ лѣсахъ, отмежеванныхъ въ общее владѣніе нѣсколькихъ селеній. Въ такихъ лѣсахъ каждый домохозяинъ расчищаетъ тамъ, гдѣ найдетъ удобнымъ, подъ лѣсные покосы и пашню (сначала сѣетъ ленъ, а затѣмъ хлѣбъ). Такими расчистями пользуются тѣ, кто ихъ расчистилъ до общаго передѣла всѣхъ земель[29]).—У донскихъ, уральскихъ и черноморскихъ ка-

заковъ опять таки встрѣчаются общины смѣшаннаго типа. По словамъ г. Харузина, въ землѣ Войска Донскаго «до сихъ поръ во множествѣ станицъ употребителенъ старинный и первобытный способъ вольнаго пользованія землею»[30]). Въ такихъ юртахъ «каждый хуторъ имѣетъ подручную толоку, ограниченную какими нибудь жилыми урочищами или пашнями. Для посѣва льна, проса и для бакчей въ такихъ общинахъ также иногда опредѣляются извѣстныя полосы въ степи, которыя и раздѣляются на мелкіе паи; передѣляются (ежегодно) также луга. Остальную же степь воленъ каждый казакъ распахивать, гдѣ угодно и сколько угодно». Въ этихъ общинахъ всякій желающій можетъ захватить загонъ, не подвергавшійся въ теченіе одного года обработкѣ (иногда больше, maximum 5 лѣтъ). Если же въ нѣкоторыхъ станицахъ загонъ обработывался три года подрядъ, то каждый казакъ имѣетъ право запахать его весною. Въ землѣ Уральскаго войска «часть земли выдѣлена въ пользованіе станицъ, а остальною землею казаки пользуются по праву перваго захвата»[31]). Войсковымъ обывателямъ предоставляется производить распашку земель подъ хлѣбъ, овощи, овесъ и пр., въ томъ числѣ десятинъ, какое каждый изъ нихъ по состоянію своему распахать можетъ; нельзя распахивать выгонъ, мѣста, отведенныя подъ лѣсъ, луга, запрещается также обработка войсковой земли въ товариществѣ съ лицами не войсковаго сословія[32]). До 70-хъ годовъ пользованіе сѣнокосами было организовано здѣсь такимъ образомъ, что каждый казакъ имѣлъ право выкосить такой участокъ, какой онъ смо-

жетъ самолично обкосить отъ восхода до заката солнца, но съ этого времени администрація настояла на томъ, что казаки могутъ нанимать рабочихъ, по опредѣленному числу на каждый чинъ, такъ, напр., простой казакъ—одного рабочаго, урядникъ—двухъ и т. д. Но и теперь казаки каждаго форпоста (по крайней мѣрѣ, въ той мѣстности, которая граничитъ съ Бузулукскимъ уѣздомъ Самарской губерніи) «косятъ свою степь единовременно всѣ вмѣстѣ, причемъ каждый пользуется тѣмъ, сколько успѣетъ накосить»[33]). У черноморскихъ казаковъ первый захватъ имѣетъ еще большее значеніе: «Способъ пользованія въ Кубанской и Терской областяхъ», пишетъ Чаславскій: «при обиліи земель вольный или захватный: каждый казакъ имѣетъ право пахать и косить на земляхъ своей станицы, гдѣ и сколько хочетъ. Только ближайшія къ станицамъ земли выдѣляются обыкновенно въ общее пользованіе для выгона скота. Но въ нѣкоторыхъ станицахъ часть земель, особенно болѣе свѣжихъ, раздѣляется между всѣми казаками; остальными затѣмъ землями можетъ пользоваться каждый»[34]). По новымъ даннымъ, собраннымъ г. Щербинымъ въ его книгѣ: «Земельная община кубанскихъ казаковъ», оказывается, что право перваго захвата все болѣе и болѣе вытѣсняется новыми формами землевладѣнія. Міръ устанавливаетъ различныя ограниченія захватнаго права, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ вводитъ и общину русскаго типа. Къ послѣднему типу, судя по ходу дѣлъ въ казацкихъ общинахъ, придетъ все землевладѣніе. У кубанскихъ казаковъ, «пока требовались личная иниціатива и предпріимчивость, пока

интересы отдѣльныхъ общинниковъ не шли въ разрѣзъ съ интересами всей общины, вольное пользованіе общественными угодьями всюду практиковалось безпрепятственно. Но лишь только индивидуальные хозяйственные интересы выходили изъ тѣхъ границъ, за которыми нарушались права и выгоды отдѣльныхъ общинниковъ, лишь только вольное пользованіе обращалось въ захватъ сильныхъ на счетъ слабыхъ членовъ общины, — ограниченіе само собою явилось, какъ естественное, логическое послѣдствіе экономическихъ осложненій; станичное общество, какъ коллективный хозяинъ, вырабатывало извѣстныя правила и постановленія и въ концѣ концовъ общественный интересъ въ томъ или другомъ видѣ становился общимъ регулирующимъ началомъ въ дѣлѣ развитія общинныхъ земельныхъ порядковъ. Съ введеніемъ общинныхъ передѣловъ благосостояніе казачества сильно повысилось, хотя и исчезли отдѣльныя богатства хуторянъ»[35]). Въ Средней Россіи такъ же, какъ на восточной и сѣверозападной окраинахъ, община великорусскаго типа допускаетъ еще захватный способъ пользованія землею. Въ мордовскихъ общинахъ Саратовской губерніи захватный способъ подчиненъ уже строгой регламентаціи; тамъ прямо назначается пространство земли, которое можетъ расчистить и запахать желающій[36]). Въ Астраханской и Ставропольской губерніяхъ сохранился еще «вольный или захватный способъ пользованія пахотными землями и сѣнокосами въ степяхъ»[37]). Въ Ершовской волости Рязанскаго уѣзда мы встрѣчаемся съ захватнымъ правомъ цѣлыхъ общинъ. Тамъ «еще до сихъ поръ есть

громадныя неразмежеванныя пространства лѣса и лѣсныхъ покосовъ (Стружанскій и Волостной боръ). Ближайшія общины издавна пользовались этими, неизвѣстно кому принадлежавшими, угодьями на захватномъ правѣ. Чтобы воспользоваться покосами, необходимо было произвести расчистку большей или меньшей луговинки («кружка» или «остожья» по мѣстному): вырубить кусты, срѣзать кочки и пр.; «вступаться въ кружокъ, кѣмъ либо расчищенный, никто сторонній уже не имѣлъ права. Въ настоящее время каждая община-участница во владѣніи Стружанскимъ боромъ—имѣетъ право на количество покоса, расчищеннаго ея членами; внутри же ея право расчистки теперь не соблюдается: «остожья» наравнѣ съ остальной землей разверстываются подушно или, вѣрнѣе, «потягольно»[38]). У крестьянъ Спасской Рамени Темниковскаго уѣзда Тамбовской губерніи, при господствѣ общины великорусскаго типа, «сохранился еще первобытный, такъ называемый захватный способъ пользованія общими угодьями»[39]). Въ селѣ Мисковѣ Костр. у. (Костром. губ.) существуетъ захватный способъ на мѣста подъ хмѣльники[40]). Въ Гдовскомъ уѣздѣ С.-Петербургской губерніи лѣсъ не подчиненъ контролю: «кто сколько вырубитъ и ладно», но сбывать его на сторону права не дается[41]). Въ Мглинскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи на правѣ захвата или «въ вольницѣ» находится лѣсъ, такъ напр., у казаковъ Нов. и Стар. Чешуекъ, «все пространство этого общаго, вольнаго, нераздѣльнаго лѣса доходитъ до 100 дес. и здѣсь каждый воленъ рубить дрова, сколько угодно, для своей потребности, но при

этомъ рубка на продажу запрещена. Въ такомъ же вольномъ, нераздѣльномъ владѣніи находится кустарникъ, лежащій въ Осколковской дачѣ. Все пространство этой вольницы доходитъ до 200 десятинъ. Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что мѣстные жители позволяютъ рубить эту вольницу даже постороннимъ людямъ, кто только ни пожелаетъ». Прежде такихъ вольницъ было очень много въ уѣздѣ, но съ уменьшеніемъ лѣса вольницы были подѣлены по дворамъ; въ настоящее же время и послѣднія изъ нихъ уничтожаются такъ называемымъ спеціальнымъ межеваніемъ [42]). Въ Воронежскомъ у. Воронеж. губ. сохранились слабые остатки вольнаго землепользованія, — такъ, сохранилось кое-гдѣ такое пользованіе водами, выгонами и лѣсами, тоже для пастбищъ [43]). Въ Азіатской Россіи общины смѣшаннаго типа попадаются довольно часто. Въ Курганскомъ, Ишимскомъ и Тюкалинскомъ округахъ Тобольской губерніи встрѣчается, по словамъ г. Петропавловскаго, слѣдующій типъ землевладѣнія. Ближайшія пахотныя земли находятся de facto въ подворномъ владѣніи, хотя «верховное право на нихъ принадлежитъ общинѣ, которая считаетъ ихъ мірскою собственностью; неравномѣрность участковъ пахотной земли «сильно безпокоитъ крестьянъ, но они ждутъ ревизіи»; другая часть пахотныхъ земель утилизируется на правахъ захвата, міръ этими землями распоряжается уже фактически; не стѣсняя въ захватѣ ихъ на извѣстное число лѣтъ, онъ при случаѣ отбираетъ ихъ». Ближніе и цѣнные сѣнокосы передѣляются обычнымъ порядкомъ, дальніе утилизируются на правѣ

захвата; при пользованіи послѣдними практикуется обыкновенно слѣдующій способъ: «общимъ голосомъ деревни назначается день захвата этихъ вольныхъ сѣнокосовъ, и рано утромъ въ назначенный день всѣ наличные работники собираются въ условномъ мѣстѣ за деревней. Когда всѣ уже въ сборѣ, подается сигналъ и вся масса косцовъ, сломя голову, скачетъ къ мѣстамъ сѣнокоса, гдѣ каждый и коситъ, сколько успѣетъ и сможетъ, для чего каждый предварительно закашиваетъ косой такой кругъ, какой успѣетъ. И вотъ этотъ-то кругъ считается уже его собственностью». Выгоны общинные. Огороды около деревень находятся въ личномъ владѣніи, усадьбы тоже. Постройки на дальнихъ поляхъ, разъ онѣ брошены, захватываются желающими; если онѣ сгорѣли и не возстановлены, то земля опять таки захватывается. Ближайшіе лѣса обыкновенно подѣлены подворно, хотя крестьяне «ждутъ только ревизіи, чтобы уравнять лѣсныя дачи пропорціонально количеству душъ». Остальная часть лѣса — для мелкихъ порубокъ вольная, для крупныхъ назначается обыкновенно время и мѣсто [44]). Въ Томской губерніи «почти каждый крестьянинъ, или занимающійся хозяйствомъ ссыльный, пашетъ, гдѣ ему вздумается, не стѣсняясь отдаленностью пахотнаго участка, отстоящаго иногда отъ селенія на 30 и болѣе верстъ» [45]). Сѣнокосы же въ этой губерніи передѣляются [46]). Въ Семипалатинской области казачьи поселки, расположенные между Усть-Калиногорскомъ и Алтайской станицей, сплошь и рядомъ утилизируютъ сѣнокосы на захватномъ правѣ [47]). На Дону въ опредѣленный день открывается

вольное пользованіе лѣсными плодами и камышемъ [48]). Въ Забайкальской области пахотныя земли распредѣляются по ревизскимъ душамъ, по міръ «предоставилъ право своимъ сельчанамъ расчищать землю изъ-подъ лѣсовъ и кустарниковъ; иногда этими землями пользуются наслѣдственно, но въ большинствѣ случаевъ земля дается на 40 лѣтъ, на 10 лѣтъ, а есть селенія, гдѣ срокъ не опредѣляется, но община требуетъ, чтобы распаханная земля не лежала втунѣ болѣе трехъ лѣтъ» [49]). Лѣсомъ пользуются въ Забайкальѣ кто хочетъ, но есть и такія мѣста, гдѣ практикуется запрещеніе доступа постороннимъ [50]). Въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи пашни эксплуатируются на правахъ захвата, а сѣнокосы дѣлятся [51]). Замѣтимъ, что общинныя поскотины этой губерніи огораживаются общинниками такъ, что работа распредѣляется или по количеству скота, или по количеству пашни (такъ какъ ограда оберегаетъ ее отъ потравы), или по числу могущихъ душъ (такая душа пользуется покосомъ, нужнымъ для скота [52]). На Алтаѣ работа по огораживанію поскотинъ тоже распредѣляется по числу головъ скота [53]).

Какъ рѣдкое исключеніе встрѣчаются деревни, населеніе которыхъ составило изъ себя одну большую земледѣльческую артель. Крестьяне одной изъ деревень Полтавской губерніи организовали земледѣльческую артель какъ на своей, такъ и на арендованной ими землѣ; надѣлы были соединены въ общій участокъ и обработывались артелью: полученный продуктъ дѣ-

лился по числу работниковъ [54]) *). Такая же артель была организована въ 60-хъ годахъ въ Сорокскомъ уѣздѣ Бессарабской губерніи. «Всѣ работы были исполнены артелью превосходно и при томъ вдвое скорѣе обыкновенныхъ единичныхъ работъ». Продукты дѣлились по числу работниковъ. Дѣла шли настолько хорошо, что артель устроила общественную лавочку, мельницу, общій дворъ для скота, общій кабакъ, открыла училище и организовала ссудную кассу. Кромѣ того, она уплатила за нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ недоимки [55]). Крестьяне села Залѣсскаго Вятской губерніи всѣ вмѣстѣ пашутъ, обсѣваютъ землю, жнутъ, косятъ [56]). Въ нѣсколькихъ деревняхъ Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи земля не передѣлялась крестьянами. Всѣ одновременно являлись на работы, пахали, сѣяли и собирали урожай; весь продуктъ дѣлился по работникамъ: хлѣбъ — зерномъ, сѣно — копнами, солома саженями [57]). С. А. Приклонскій, говоря о земледѣльческихъ артеляхъ Олонецкой губерніи («себрахъ»), указываетъ на ихъ воспитательное значеніе. «Наглядно показывая преимущество коллективнаго труда передъ единичнымъ, себра подготовляетъ переходъ къ рабочей общинѣ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже успѣлъ совершиться, такъ что и теперь есть деревни, составляющія каждая особую себру» [58]). Новыхъ свѣдѣній о существованіи этихъ общинъ-артелей не встрѣчается; можно думать, что всѣ онѣ, кромѣ

*) За достовѣрность этого свѣдѣнія поручиться трудно.

указанныхъ г. Приклонскимъ, перестали быть артелями. Но г. Пономаревъ указываетъ и на новое явленіе: новоселы, пріѣзжая на новыя, трудно поднимаемыя, земли «заводятъ тотчасъ же совмѣстную обработку пашни»[59]). Къ новому времени относятся свѣдѣнія объ артеляхъ у сектантовъ. У шалопутовъ сообща ведутся или только предварительныя работы — пахота и боровьба, или всѣ вплоть до молотьбы. Въ первомъ случаѣ между участниками дѣлится приготовленная къ посѣву земля, во второмъ—зерно. Основаніемъ для раздѣла служатъ нужды и потребности участниковъ[60]). Шалопуты нѣкоторыхъ мѣстностей сѣвернаго Кавказа и Воронежской губерніи ведутъ свои полевыя работы такимъ образомъ, что сперва, напримѣръ, пашутъ полосу одного члена общины, потомъ другого и т. д., причемъ не принимаются во вниманіе ни число скота, ни число работниковъ[61]). О дурмановцахъ Оренбургской губерніи г. Пономаревъ пишетъ слѣдующее:—у нихъ «общая земля, общій трудъ, общій хлѣбъ и общая кормежка, устанавливаемая при посредствѣ широко развитой взаимопомощи, которая почти исключаетъ уже индивидуальную собственность и выдвигаетъ собственность братскую, артельную»[62]).

Укажемъ теперь на исчезнувшія слободы «общихъ» въ Ленкоранскомъ уѣздѣ Бакинской губерніи. Всѣ дома строились у «общихъ» не иначе, какъ міромъ. Движимыя и недвижимыя имѣнія и доходы съ нихъ принадлежали братскому общему союзу; личной же собственности никто не имѣлъ. Дома, скотъ, земледѣльческія орудія, телѣги, все домашнее хозяйство, земли,

сады, огороды, мельницы, пчельники, кожевни, однимъ словомъ, все сельское хозяйство, вся промышленность находились въ распоряженіи партій, на которыя раздѣлялся союзъ общихъ, принадлежали цѣлой слободѣ, въ которой партіи находились, и доходы со всего этого имущества составляли общую сумму слободы. У общинъ въ каждой слободѣ была одна общая денежная касса, одно общее стадо, одно общее хлѣбопашество и полеводство. Какъ общее имущество, такъ и средства кассы раздѣлялись по партіямъ по числу душъ. Всѣ работы выполнялись общимъ трудомъ [63]). Одна изъ такихъ же общинъ была основана въ 60-хъ годахъ въ Тамбовской губерніи [64]). Всѣ эти артели распались послѣ ссылки ихъ основателей.

Перейдемъ теперь къ описанію одной уцѣлѣвшей родовой общины. Въ Ельнинскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи 40 человѣкъ составляютъ артель-общину. Они живутъ въ девяти избахъ, но владѣютъ нераздѣльною собственностью. Земля, скотъ, хозяйственныя постройки, съѣдобные продукты, матеріалы для выдѣлки одежды, медъ, воскъ, деньги—все общее. Всѣ обѣдаютъ и ужинаютъ за однимъ общимъ столомъ; всѣ работаютъ, причемъ раздѣленіе труда доведено здѣсь до мельчайшихъ подробностей. Даже деньги, заработанныя промысломъ, отдаются въ общую кассу. Эта община-артель является союзомъ единокровныхъ родственниковъ; въ число ея членовъ не принимаются даже зятья. Управляетъ артелью старшій братъ съ согласія другихъ братьевъ [65]). Понятно, что эта община, крайне похожая на сербскую

задругу [66]), является институтомъ, пережившимъ свое время.

Старыя родовыя общины не такъ давно еще были и у черемисовъ Казанской губерніи. Черемисы живутъ маленькими деревнями въ 10 — 20 и до 30 дворовъ, рѣдко болѣе. Нѣсколько такихъ деревень составляютъ общину съ одною общею дачею. Сельскія работы производились сообща цѣлой деревней. Жатва дѣлилась поровну между семействами. Весь сборъ, за исключеніемъ необходимаго для домашнихъ расходовъ, сносился къ головѣ, который и продавалъ его. Изъ вырученной суммы пятая часть шла на казенныя повинности и за труды головѣ, а остальное выдавалось по принадлежности каждому члену общества [67]).

Несравненно устойчивѣе и многочисленнѣе артели, состоящія изъ нѣсколькихъ крестьянскихъ семействъ. Эти артели называются иногда договорными семьями. Послѣ семейнаго раздѣла крестьяне, хозяйственная сила которыхъ ослаблена такимъ раздѣломъ, сговариваются другъ съ другомъ и организуютъ общее хозяйство. Такія сложныя хозяйства вмѣстѣ работаютъ и промышляютъ, вмѣстѣ и харчатся. Такія артели очень распространены, по словамъ г. Пономарева, и встрѣчаются въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи [68]): (Лебедянскій, Оренбургскій, Бугурусланскій, Никольскій и другіе уѣзды). Нерѣдко крестьянскія семейства работаютъ артелью, хотя и живутъ въ разныхъ избахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ артели устраиваются между сосѣдями: они разгораживаютъ смежные дворы и живутъ общимъ хозяйствомъ [69]). Въ нѣкоторыхъ станицахъ

Терской области старообрядцы организуютъ артели изъ нѣсколькихъ домохозяйствъ; такія артели не только пашутъ сообща землю, но часто сѣютъ, убираютъ и обмолачиваютъ сообща хлѣбъ; изъ полученнаго зерна выдѣляются затѣмъ посѣвныя сѣмена; остатокъ же дѣлится или поровну, или по рабочимъ силамъ[70]) *). Въ Воробьинской волости Сольвычегодскаго уѣзда Вологодской губерніи крестьяне сообща расчищаютъ лядины. «Каждый домохозяинъ выставляетъ обыкновенно съ этою цѣлью опредѣленное число работниковъ, столько, сколько и всякій другой и если при этомъ у него не хватаетъ въ семьѣ рабочихъ рукъ, то въ такомъ случаѣ онъ нанимаетъ недостающихъ работниковъ на сторонѣ. Каждый участникъ въ общихъ харчуется на свой счетъ; на свой счетъ участники содержатъ также и необходимыя орудія труда. Сообща участники рубятъ лѣсъ и «катятъ» новину, сообща сѣютъ, внося каждый приходящуюся на него долю сѣмянъ, сообща жнутъ и возятъ хлѣбъ, сообща затѣмъ молотятъ и окончательно обмолачиваютъ зерно. Въ концѣ концовъ они дѣлятъ на равныя доли какъ само зерно, такъ и солому и другіе получающіеся при молотьбѣ побочные продукты и каждый получаетъ свою, совершенно равную съ другими, часть. Этимъ и оканчиваются взаимныя обязательства членовъ общихъ»[72]). Во многихъ общинахъ крестьяне косятъ траву артелью, состоящею изъ жителей цѣлой деревни, и дѣлятъ между

*) Особенно часты артели изъ нѣсколькихъ домохозяйствъ (не русскихъ) въ Бакинской губерніи[71]).

собою сѣно. Такія артели встрѣчаются въ Орловской губерніи, въ уѣздахъ: Орловскомъ (нѣсколько селеній Баклановской волости), Елецкомъ (большинство селеній Ястребинской волости), Трубчевскомъ (22 селенія), Мценскомъ (многія общества); въ Тамбовской губерніи, въ уѣздахъ: Лебедянскомъ, Темниковскомъ (с. Княжево); въ Орловскомъ и Уржумскомъ уѣздахъ Вятской губерніи; въ Гдовскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи; въ Никольскомъ, Тотемскомъ и Устюжскомъ уѣздахъ Вологодской губерніи; въ Славяносербскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи; въ Вяземскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи; въ Мезенскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи; въ Псковскомъ уѣздѣ; въ Воронежскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи; въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи; въ Московской губерніи; въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ Курской губерніи; въ Костромскомъ уѣздѣ; въ Тетюшскомъ и Казанскомъ уѣздахъ Казанской губерніи; въ Оренбургской губерніи, въ Рязанской губерніи; въ Тульской губерніи и въ другихъ мѣстностяхъ [73]). Очень часто встрѣчаются артельное сѣнокошеніе нѣсколькими соединившимися крестьянами. Такія артели встрѣчаются въ Тамбовской губерніи въ Козловскомъ уѣздѣ, Темниковскомъ, Усманскомъ, Шацкомъ, Кирсановскомъ, Моршанскомъ (въ послѣднемъ рѣдко), въ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ Таврической губерніи, въ Московской губерніи, въ Хвалынскомъ уѣздѣ Саратовской, въ Самарскомъ, Бузулукскомъ и Бугульминскомъ уѣздахъ Самарской губерніи, въ Тимскомъ и Бѣлгородскомъ—Курской, въ Воронежскомъ и Остро-

гожскомъ Воронежской, въ Казанскомъ и Тетюшскомъ Казанской, въ Архангельской, Оренбургской, Вятской, Тульской, Рязанской, Симбирской (одинъ случай) у бурятъ Куданскаго вѣдомства въ Забайкальѣ, въ Семипалатинской области, въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, въ области Войска Донского и въ другихъ мѣстностяхъ [74]). Такія артели въ нѣкоторыхъ уѣздахъ встрѣчаются очень рѣдко, въ другихъ, наоборотъ, косьба артелями является преобладающимъ типомъ эксплуатаціи. Число членовъ въ артеляхъ бываетъ крайне различнымъ, то падая до 2—3 человѣкъ, то поднимаясь до 70, до 130 душъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ артельное сѣнокошеніе встрѣчается въ тѣхъ случаяхъ, когда сѣнокосы расположены неудобно, или тогда, когда ихъ трудно равномѣрно раздѣлить, или, наконецъ, не стоитъ дѣлить, такъ какъ сѣнокосъ слишкомъ малъ по сравненію съ числомъ душъ въ общинѣ. Тѣмъ не менѣе, артельное сѣнокошеніе встрѣчается и въ такихъ деревняхъ, сѣнокосныя угодья которыхъ нельзя назвать незначительными. Сѣно дѣлится копнами или рядами, когда оно лежитъ скошенное, стогами, кучами, возами, пудами. Въ Вятской губерніи встрѣчаются сѣнокосныя артели изъ нѣсколькихъ деревень. Иногда встрѣчаются такія артели на арендованныхъ покосахъ. Сѣно дѣлится или по числу надѣльныхъ душъ въ семействахъ, или по числу работниковъ. Въ одной мѣстности Владимірской губерніи (Красный Кустъ) артели отъ 4 до 12 человѣкъ составляются жителями четырехъ деревень, которые поочередно приходятъ косить другъ у друга сѣно [75]).

Артельная рубка лѣса всѣми крестьянами деревни встрѣчается въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи (9 случаевъ), въ Московской губерніи (4 случая), въ Тимскомъ уѣздѣ Курской губерніи, въ Бахмутскомъ Екатеринославской (одна деревня), въ Елецкомъ уѣздѣ Орловской, въ Рязанской губерніи (одна община), въ Воронежскомъ (двѣ), въ Острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи -(въ послѣднемъ въ нѣсколькихъ общинахъ) и въ другихъ мѣстностяхъ [76]).

Артели, состоящія изъ нѣсколькихъ домохозяевъ, встрѣчаются въ Тамбовской, Нижегородской и другихъ губерніяхъ. Въ селѣ Караулѣ Кирсановскаго уѣзда Тамбовской губерніи три группы домохозяевъ, по 90 ревизскихъ душъ каждая, рубятъ кустарникъ сообща и дѣлятся топливомъ [77]). Перечисляя мѣстности, гдѣ встрѣчаются сѣнокосныя и лѣсныя артели, считаемъ нужнымъ оговориться, что мы назвали, быть можетъ, очень небольшое число уѣздовъ, гдѣ встрѣчаются такія артели.

Нерѣдко организуются артели изъ жителей цѣлой деревни для осушенія болотъ или земли. Такъ напр., болѣе 800 крестьянъ Туксинской дачи Олонецкаго уѣзда, работая четыре года, осушили болота, получили роскошный сѣнокосъ, которымъ пользуются на артельныхъ же началахъ. Даже заболѣвшій получаетъ равный съ другими пай изъ массы укоса *). Цѣлый рядъ

*) См. также объ очисткѣ и орошеніи всѣмъ міромъ участка земли подъ покосъ у бурятъ с. Шемановскаго Братско-Острожской волости [78]).

общинъ Московской губерніи (болѣе 100) производили артелями осушку болотистыхъ мѣстъ. Такія же работы нерѣдко производились и въ Ярославской губерніи, иногда артелями, состоящими изъ нѣсколькихъ деревень. Нѣкоторыя изъ этихъ работъ потребовали громадныхъ затратъ: въ с. Якимовскомъ, напр., крестьяне должны были прорыть канаву въ 5 верстъ длины. Часты такія осушки въ Смоленской губерніи. Встрѣчались такія работы и въ другихъ губерніяхъ, напр., въ Архангельской, Тверской, Оренбургской. Въ Оренбургскомъ краѣ крестьяне осушали, напр., болота въ 35—40 верстъ [78]). Встрѣчаются такія артели и изъ нѣсколькихъ домохозяевъ.

Встрѣчаются состоящія изъ цѣлыхъ деревень артели, организованныя для расчистки новыхъ земель; таковы, напр., артели въ Киренскомъ округѣ Иркутской губерніи, въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ Вологодской губ. Иногда такія артели составляются жителями нѣсколькихъ деревень. Въ другихъ случаяхъ такія артели составляются изъ нѣсколькихъ домохозяевъ, напр., въ Обонежьѣ [79]). Составляются также артели для орошенія пахотныхъ земель и сѣнокосовъ, напр., въ Забайкальѣ, гдѣ проводятся для этой цѣли водопроводныя канавы; прорыты были артелью арыки для поливки огородовъ въ Усть-Каменогорскомъ уѣздѣ Семипалатинской области [80]). Затѣмъ встрѣчаются артели изъ жителей цѣлой деревни при многихъ работахъ, такъ напр., артелями косится камышъ въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи, въ Миргородскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи [81]). Въ Горбатовскомъ уѣздѣ около тысячи кре-

стьянъ (изъ 15 деревень) окопали канавою общественный лѣсъ [82]). Въ Орловскомъ уѣздѣ Вятской губерніи артелями нанимаются пастбища [83]), артелями сѣется рѣпа, чтобы удобно было охранять ее отъ воровъ [84]). Въ Самарской губерніи крестьяне вырываютъ глубокія ямы съ цѣлью предохранить хлѣбъ отъ заминанія проѣзжими людьми [85]). Артелью изъ 5 деревень крестьяне вырываютъ ядовитыя травы въ Воскресенской волости Архангельской губерніи [86]). На Дону артелями косятъ сѣно для станичныхъ жеребцовъ, артелью жнутъ хлѣбъ и т. д. [87]). То положеніе, что община-артель является болѣе цѣлесообразною формою землепользованія, чѣмъ община великорусскаго типа, не подлежитъ сомнѣнію. Полосы отдѣльныхъ лицъ въ великорусской общинѣ могутъ подвергнуться неурожаю и потратившіе одинаковыя доли труда и капитала общинники получаютъ разный доходъ. Въ общинѣ артели это явленіе невозможно. Всевозможныя частныя бѣдствія въ родѣ падежа скота, хромоты лошади, ломки земледѣльческихъ орудій не будутъ разорять при ней общинниковъ, какъ разоряютъ при господствующемъ типѣ общины. При самой разнокачественной почвѣ артель не допускаетъ чрезполосицы и дѣлаетъ возможнымъ поперечное паханье. Вся сложная техника передѣла великорусскихъ общинъ съ встрѣчающимися при ней ссорами не имѣетъ мѣста въ артели. Нельзя не упомянуть о выгодахъ широкаго распредѣленія труда, которое возможно и необходимо при артельной обработкѣ земли. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что общенаціональная выгода требуетъ признанія артели общины за крайне

желательную форму труда; необходимо, слѣдовательно, поддерживать существующее и организовать новыя артели. Можно было бы уменьшить подати съ тѣхъ общинъ, которыя утилизируютъ на артельныхъ началахъ сѣнокосы, и еще больше уменьшить ихъ для реорганизовавшихся въ полную общину артель. Черезъ нѣкоторое время подати опять могутъ быть увеличены (разъ это необходимо), такъ какъ крестьяне, убѣдившись на практикѣ въ преимуществахъ артельнаго труда, не захотятъ воротиться къ старой системѣ работъ. Интересно, что сербское правительство поддерживало свои артели-задруги, уменьшая для нихъ подати. Изъ этого, впрочемъ, вовсе не слѣдуетъ, что у насъ желательна организація задругъ. Общіе дома, общій столъ, общая одежда — все это совершенно лишніе придатки артели. Но во всякомъ случаѣ желательна организація земледѣльческихъ артелей, т. е. общей коллективной поземельной собственности, коллективнаго труда и дѣлежа продуктовъ сообразно труду работающихъ (или поровну, или по потребностямъ, какъ пожелаютъ артельщики). Сербская задруга, какъ и наши большія семьи, очень эксплуатируетъ женщинъ и по одному этому носитъ въ себѣ зачатки распаденія или реорганизаціи.

Въ обществѣ не разъ высказывалось мнѣніе, что наше крестьянство, въ силу господствующаго въ его понятіяхъ трудоваго начала, неспособно къ артельной обработкѣ земли: «народъ не можетъ допустить, чтобы одинъ сработалъ больше, а другой меньше и подѣлили поровну» [88]). На самомъ же дѣлѣ подобная фраза вовсе

не предполагаетъ невозможной артельную обработку земли; продуктъ можетъ дѣлиться сообразно съ количествомъ работы, а въ случаѣ равносильныхъ членовъ общины и поровну. Нѣтъ сомнѣнія, что между прочими факторами и трудовое начало влечетъ за собою распаденіе большихъ семействъ, но это распаденіе не является протестомъ противъ общаго земледѣльческаго труда. Лежащіе внѣ сферы послѣдняго промыслы порождаютъ крайнее неравенство заработковъ и какъ слѣдствіе этого — паденіе общей кассы и семейной артели. Но на ряду съ этимъ мы зачастую видимъ, что распавшаяся семья пашетъ и исполняетъ всѣ земледѣльческія работы артелью; совершенно отдѣльныя семейства, не связанныя даже дальнимъ родствомъ, прилагаютъ ко всѣмъ или только нѣкоторымъ угодьямъ коллективный трудъ. Выгоды коллективнаго труда, сопровождаемаго раздѣломъ продуктовъ сообразно труду каждаго или даже поровну, настолько значительны, что общинники считаютъ возможнымъ устраивать коллективныя работы даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не сохранилось замѣтныхъ переживаній родовой общины. Неудивительны, послѣ всего сказаннаго, слѣдующія слова профессора Исаева: «Вѣковая связь между членами по землѣ, привычка подчинять многія стороны хозяйственной дѣятельности міру, совмѣстное исполненіе разныхъ работъ, среди нихъ и артельныхъ запашекъ, — все это подаетъ надежду, что общинное землевладѣніе можетъ изъ нынѣшняго его типа — обособленія хозяевъ при пользованіи землею — перейти въ форму болѣе совершенную — общаго владѣнія, свя-

заннаго съ общимъ земледѣльческимъ трудомъ. Могутъ возразить на это, что теперь эгоистическія побужденія стремятся разложить общину, что нужны слишкомъ высокія нравственныя качества для перехода къ артельной формѣ производства. Къ этой формѣ общину приведетъ, скажемъ мы, не платоническая любовь къ артели, не погоня за идеалами, а сознаніе, что нѣтъ иного способа увеличить успѣшность труда и возвысить благосостояніе [89])». Аналогичные взгляды высказывались и ранѣе (напр., Сернецъ [90]), указывалось и на то, что земледѣльческія машины, требующія раздѣленія труда, а также и большой площади для работъ, могутъ содѣйствовать переходу общинъ въ артели [91]). «Нѣтъ страны въ Европѣ», писалъ Кренъ, организаторъ земледѣльческой кооперацiи, «болѣе, чѣмъ Россія подготовленной къ кооперативному земледѣлію. Русскіе должны этимъ воспользоваться» [92]).

II.

Община—волость.

Общины перечисленныхъ типовъ слагаются иногда нѣсколько инымъ образомъ. Такъ, велико-русская община и община перваго захвата принимаютъ иногда форму общины волости или составной общины. Союзъ цѣлаго ряда селеній (деревень, станицъ и пр.), владѣющихъ одною землею, называется общиною-волостью. Община-волость встрѣчается въ Вятской, Вологодской, Пермской, Олонецкой, Костромской, Ярославской, Ка-

занской, Курской и другихъ губерніяхъ, въ областяхъ Уральскаго и Донского войска, наконецъ, въ Западной и Восточной Сибири. Функціи общины-волости ясно опредѣляются словами г. Цейкера — бывшаго мирового посредника Верхотурскаго округа Пермской губерніи: «Крестьяне однообщественники», пишетъ онъ, «дѣлятъ и передѣляютъ между собою всѣ поземельныя угодья и надѣлы, смотря по прибыли или убыли душъ въ каждомъ селеніи, что совершается на сходахъ стариками по общему соглашенію и рѣшенію такъ, что всякая деревня одного сельскаго общества, при убыли душъ, теряетъ право пользованія въ пользу того селенія, гдѣ по какому либо случаю представляется необходимость дать уравнительный надѣлъ прибылому»[93]). Передѣлы земли достигаются путемъ переселенія крестьянъ изъ малоземельной въ многоземельную деревню или простою нарѣзкою первой новыхъ угодій, или же допущеніемъ жителей первой деревни къ обработкѣ надѣловъ второй, или, наконецъ, переводомъ податей[94]) (такъ напр., иногда нѣсколько деревень принимаютъ на себя платежъ за одну душу). Получившіе надѣлъ на чужихъ поляхъ и тратящіе время на длинные переѣзды, вознаграждаются обыкновенно міромъ. Для производства передѣловъ выбираются сходомъ общины-волости особыя лица, принимающія присягу. Въ однихъ случаяхъ роль выборныхъ ограничивается землемѣрною частью, въ другихъ они являются и оцѣнщиками качества почвы, ея мѣстоположенія и т. п. Во всѣхъ случаяхъ верховнымъ контролеромъ и руководителемъ является міръ.—Община-волость эксплуатируетъ иногда

свои угодья на разныхъ началахъ. Такъ, напр., часто встрѣчаются волостныя общины съ такими видами пользованія: «1) Земли пустопорожнія, не занятыя, находящіяся въ нераздѣльномъ владѣніи всей общины. 2) Участки земли, захваченные и расчищенные отдѣльными хозяевами на правахъ единоличнаго наслѣдственнаго владѣнія, безсрочнаго или срочнаго. 3) Участки, передѣляемые въ извѣстные сроки между всѣми членами общины, такъ называемыя «полевыя», «присельныя» и «надѣльныя» земли [95]). «Къ первому разряду земель относятся выгоны, пустоши, заросли, лѣса и т. п.; пользованіе ими не связано съ уплатою податей. Расчищенная земля остается въ теченіе долгаго времени (лѣтъ 40) въ наслѣдственномъ владѣніи домохозяйства и только въ немногихъ общинахъ остается внѣ всякаго передѣла. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не существуетъ права захвата на лѣсъ, послѣдній дѣлится по деревнямъ, сотнямъ, десяткамъ и, наконецъ, по душамъ. Иногда въ общинѣ-волости всецѣло господствуетъ первый захватъ. Тѣ общины-волости, гдѣ всѣ угодья находятся въ общемъ волостномъ пользованіи, называются «цѣльными», такихъ общинъ въ Московской губерніи, напр., три [96]). Въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи попадаются общины, состоящія каждая изъ двухъ селеній [97]); такія же общины встрѣчаются въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи [98]). Въ Казанскомъ уѣздѣ такихъ общинъ насчитывается 25, состоящихъ изъ 59 отдѣльныхъ селеній [99]). Въ Архангельской губерніи встрѣчаются такія же общины [100]). У Донскихъ казаковъ «землею станица съ принадлежащими

къ ней хуторами владѣютъ сообща»[101]). Общины-волости, владѣющія сообща нѣсколькими угодьями, можно назвать «не цѣльными» или «совмѣстными». На сѣверѣ Россіи, въ силу мѣстныхъ условій (напр., подсѣчнаго хозяйства), постоянно выдѣлялись изъ главной деревни небольшіе починки. Такая же колонизація шла и въ Казанской губерніи[102]). Эти мелкія селенія, носящія названіе «вытей», не порываютъ связи со своею метрополіею, а имѣютъ съ нею одну землю и одинъ міръ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ остается общею только часть угодій, что имѣетъ серьезное основаніе; такъ, напр., въ Никольскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи колонистъ сохраняетъ право на покосы; но метрополія — деревня («старина») «отказываетъ ему въ своей землѣ». «Отказъ въ землѣ старина оправдываетъ тѣмъ, что починцы, съ переводомъ своего скота на починокъ, прекращаютъ «назьмить свою полосу по старинѣ»[103]). Въ Острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи, при совмѣстномъ владѣніи лѣсами, на сходъ, установляющій порядокъ пользованія ими, съѣзжаются представители разныхъ волостей. (Земельныя общины раздѣлены здѣсь административно[104]). Въ Елецкомъ уѣздѣ Орловской губерніи опять-таки встрѣчается такая община[105]). Въ Вятской губерніи въ общинномъ пользованіи нѣсколькихъ деревень зачастую встрѣчаются пастбища, лѣса и рыбныя ловли. Особенно же хорошо сохранилась община-волость въ покосахъ. Въ большинствѣ случаевъ поемные луга составляютъ общее достояніе трехъ, четырехъ и даже шести деревень и находятся въ чрезполосномъ владѣніи между крестьянами разныхъ селеній. Время

отъ времени крестьяне «верстаются покосами», равняютъ долевые участки каждаго домохозяина, причемъ передѣлъ совершается не однимъ селеніемъ, а 5—7 деревнями — цѣлымъ «сельскимъ обществомъ, совпадающимъ съ прежнею общиною-волостью» [106]). Часты составныя общины по покосамъ въ Восточной Сибири: онѣ дѣлятъ послѣдніе или такъ, что покосъ распредѣляется на все число душъ въ деревняхъ, причемъ каждая деревня дѣлитъ доставшіеся ей участки по тѣмъ же единицамъ, или по душамъ дѣлится покосъ только между селеніями, а въ своемъ участкѣ каждое селеніе дѣлится по-своему и въ свои сроки, и по своимъ единицамъ. Часто при такихъ общинахъ наряду съ душевымъ сѣнокосомъ имѣется и захватный [107]). Въ Московской губерніи очень много «не цѣльныхъ» общинъ-волостей и нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ громадныхъ размѣровъ; такъ напр., «двадцать четыре селенія государственныхъ крестьянъ Буйгородской и Аннинской волостей Волоколамскаго уѣзда имѣютъ въ общемъ владѣніи какъ лѣса, такъ луга и выгоны» [108]). Въ Хвалынскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи встрѣчаются общины, гдѣ лѣсъ находится въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ деревень [109]). Эта форма общины-волости считается многими неудобною, такъ какъ замѣчено, что при ней крестьяне плохо берегутъ лѣсъ; напомнимъ, однако, что лѣсоистребленіе не имѣетъ коренной связи съ общиннымъ владѣніемъ. Пять деревень Саратовскаго уѣзда имѣютъ общій лѣсъ [110]). Въ Свіяжскомъ уѣздѣ Казанской губерніи имѣется 16 дачъ общаго владѣнія [111]). Въ Тетюшскомъ уѣздѣ той же гу-

берніи встрѣчается общее владѣніе лугами со стороны 13 деревень [112]). Способъ пользованія — одна изъ разновидностей «годоваться». Въ этомъ же уѣздѣ составныя общины чаще всего совмѣстно владѣютъ лѣсомъ. Однимъ изъ способомъ возникновенія этихъ общинъ была колонизація. Часты такія общины въ Восточной Сибири [113]). Въ Царевококшайскомъ уѣздѣ Казанской губерніи нерѣдко встрѣчаются общины, состоящія изъ 2—7 селеній; иногда 3—11 общинъ владѣютъ сообща лѣсомъ [114]). Въ Цивильскомъ уѣздѣ всѣхъ земельныхъ общинъ 208, а отдѣльныхъ селеній 317 [115]). Въ томъ же уѣздѣ совмѣстное владѣніе землею встрѣчается почти въ 70% всѣхъ бывшихъ государственныхъ общинъ уѣзда (именно въ 129). Въ совмѣстномъ владѣніи находится 18,6% надѣльной земли этихъ 129 общинъ [116]). Въ Казанскомъ уѣздѣ насчитывается 31 дача общаго владѣнія [117]). Въ Острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи 85 селеній составляютъ 26 общинъ (10,6% всего числа общинъ) [118]). Въ Мамадышскомъ уѣздѣ Казанской губерніи находится 12 составныхъ общинъ [119]). Шесть селеній Переяславскаго уѣзда Владимірской губерніи составляютъ общину-волость на сѣнокосныя угодья [120]). Мѣстность «Красный Кустъ» Владимірской губерніи тоже находится въ волостномъ владѣніи 4 общинъ. Въ Ершовской волости Рязанскаго уѣзда мы опять-таки встрѣчались съ захватнымъ пользованіемъ сѣнокосомъ со стороны нѣсколькихъ деревень. Въ Восточной Сибири у ленскихъ крестьянъ покосные луга становятся по уборкѣ сѣна «общими пастбищами для скота всѣхъ сосѣднихъ прилежащихъ деревень», такъ

напр., 6—10[121]). Въ Тобольской губерніи «выгоны, расположенные вокругъ селеній, состоятъ въ совокупномъ владѣніи обществъ» [122]). Въ Вятскомъ уѣздѣ цѣлый рядъ селеній имѣетъ иногда общій выгонъ[123]). 11 селеній Трубчевскаго уѣзда Орловской губерніи сообща владѣютъ покосами[124]). Нельзя не замѣтить, что иногда крестьянамъ не по плечу сложное верстаніе въ такихъ общинахъ—и на сцену является масса тяжебъ. (Напр., Тетюшскій уѣздъ Казанской губерніи[125]). Однѣ общины-волости, какъ намъ извѣстно, передѣляютъ свои земли, другія же, не передѣляя ихъ, придерживаются захватнаго способа пользованія землею, такъ напр., въ Енисейской губерніи земли просто не дѣлились между селеніями. До какихъ размѣровъ достигаетъ община-волость, можно судить изъ слѣдующихъ примѣровъ: въ Олонецкой губерніи встрѣчаются общины, состоящія «изъ 20, 30 и даже 50 селеній; въ Олонецкомъ уѣздѣ, напр., насчитывается до 600 селеній, по сельскихъ обществъ — поземельныхъ единицъ, общинъ не наберется и 30» [126]). Въ Копринской волости Рыбинскаго уѣзда Ярославской губерніи «земля находится во владѣніи 51 селенія (3,000 душъ»)[127]). «Большемургинская община - волость Кадниковскаго уѣзда Вологодской губерніи состоитъ изъ 30 деревень. Въ Левашовской волости Костромской губерніи 32 деревни сообща, всею волостью, владѣютъ теперь лѣсомъ, выгономъ и тремя заливными волжскими лугами» [128]). Въ общинѣ Уральскихъ казаковъ «до сихъ поръ вся земля въ 800 квадр. верстъ и всѣ воды состоятъ въ нераздѣльномъ пользованіи 113,000 чело-

вѣкъ. Вся земля здѣсь принадлежитъ всему войску, а отдѣльныя станицы не имѣютъ ни своихъ отдѣльныхъ пашенъ, ни луговъ»[129]). «Въ пяти южныхъ уѣздахъ Курской губерніи г. Добротворскій насчиталъ до 20 общинъ-волостей, изъ которыхъ каждая заключаетъ отъ 3 до 46 отдѣльныхъ селеній». Мы встрѣчаемся здѣсь съ одной изъ громаднѣйшихъ общинъ-волостей. «Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть характернѣе существованія общины, состоящей изъ 46 селеній и болѣе 15 тысячъ человѣкъ,—и гдѣ же, не въ какой нибудь глуши сѣверныхъ лѣсовъ и тундръ, а, такъ сказать, въ самомъ сердцѣ Россіи, въ районѣ всевозможныхъ внѣшнихъ разрушительныхъ воздѣйствій»[130]). Оригинальный типъ представляетъ изъ себя дер. Холянина Одоевскаго уѣзда Тульской губерніи. Въ ней находятся три крестьянскія общества, различныя по разрядамъ и принадлежащія тремъ различнымъ волостямъ, но всѣ они владѣютъ землею сообща, причемъ передѣляютъ каждый годъ одинъ только лугъ[131]). Обратимъ вниманіе на то явленіе, что крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей искусственно организуютъ общины волости для болѣе уравнительнаго пользованія угодьями. Такъ, напр., въ Городищенской волости Устюжскаго уѣзда Вологодской губерніи нерѣдки случаи, что «два-три селенія соединяютъ вмѣстѣ свои пашни, пуская ихъ потомъ въ общій передѣлъ»[132]). Въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи мы встрѣчаемся съ грандіозной попыткой создать общину-волость: крестьяне надѣялись, что «получатъ въ надѣлъ не только всѣ земли и лѣса, которыми владѣли, но еще болѣе того,

и что платежи ихъ уменьшатся». Они приготовились устроить свое хозяйство на широкую ногу. «Такъ, напр., въ огромной Великониколаевской волости болѣе ста деревень согласились имѣть общую землю. Въ однѣхъ частяхъ этой волости преобладали луга, въ другихъ лѣса, и они рѣшили между собою, что луговыя селенія допустятъ лѣсныя къ своимъ лугамъ, а лѣсныя, взамѣнъ того, допустятъ луговыя къ своимъ лѣсамъ и, такимъ образомъ, каждый крестьянинъ будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи въ достаточномъ количествѣ всѣ угодья, которыя ему нужны». Надежды крестьянъ, къ сожалѣнію, не оправдались, и все осталось по-старому [133]). Общины-волости не стѣсняются иногда административнымъ дѣленіемъ на уѣзды. Такъ, напр., деревня Лава лежитъ въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ (Петербургской губерніи), деревня же Лавровая лежитъ въ Ново-Ладожскомъ уѣздѣ. «Пахатныя поля каждая деревня имѣетъ въ своемъ уѣздѣ, а покосы производятъ безразлично въ обоихъ уѣздахъ: лавскіе ѣздятъ косить и въ Ново-Ладожскій уѣздъ, а лавровскіе—въ Шлиссельбургскій [134]).

Община-волость разрушается какъ подъ вліяніемъ обычныхъ анти-общинныхъ факторовъ, такъ и подъ вліяніемъ законодательства. Необходимо, чтобы законодательство дозволило подобныя организаціи и санкціонировало существующія. Отношеніе же чиновничества къ общинѣ-волости представляетъ изъ себя одну изъ самыхъ скорбныхъ картинъ русской экономической жизни и бросаетъ далеко не лестную тѣнь на умѣнье поддерживать полезныя экономическія организаціи.

Бываетъ и такъ, что одно селеніе распадается на двѣ или нѣсколько общинъ, на два или нѣсколько міровъ, отдѣльно владѣющихъ всѣми или нѣкоторыми угодьями. Такія общины называются «раздѣльными» и встрѣчаются въ Саратовской [135]), Московской [136]), Петербургской [137]), Тамбовской [138]), Казанской [139]), Воронежской [140]) и другихъ губерніяхъ. Выгоны у такихъ общинъ обыкновенно общіе; очень часто скотъ пасется на пару и жнивѣ всѣхъ входящихъ въ составъ селенія общинъ, но отдѣльныя общины остаются вполнѣ самостоятельными и производятъ передѣлы черезъ разные промежутки времени. Обыкновенно эти селенія бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ, принадлежавшихъ разнымъ владѣльцамъ, «разнобарщинныя»; бываетъ и такъ, что часть такого селенія населена бывшими государственными или бывшими удѣльными, а другая бывшими помѣщичьими крестьянами. Иногда такія селенія возникали, благодаря заселенію мѣстности разными военно-сословными разрядами служилаго люда, напр., слобода Чижевка Воронежскаго уѣзда Воронежской губерніи [141]). Въ Моршанскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи 22 селенія соединяютъ въ себѣ по нѣскольку общинъ каждое [142]). Въ Казанскомъ уѣздѣ 44 общины бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ образуютъ только 16 селеній [143]). Въ Острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи такія общины составляютъ 15,6% общаго числа общинъ [144]). Въ Елецкомъ уѣздѣ Орловской губерніи мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ такихъ общинъ [145]). Встрѣчаются онѣ и въ Трубчевскомъ уѣздѣ той же губерніи [146]). Къ числу большихъ раздѣльныхъ общинъ

относится село «Иноземная Духовка» Тамбовскаго уѣзда (той же губерніи): въ этомъ селѣ 156 семейныхъ домохозяйствъ и они распадаются на 21 земельную общину [147]). Иногда такія общины сливаются въ одну, напр., въ Ржевскомъ уѣздѣ Тверской губерніи [148]); въ Самарскомъ же уѣздѣ очень замѣтно стремленіе крестьянъ «слиться въ одну общину на началахъ равенства въ распредѣленіи земельныхъ угодій»; въ двухъ случаяхъ такое сліяніе осуществилось [149]).

III.

Города—общины.

Остановимся теперь на тѣхъ русскихъ городахъ, которые, сложившись подъ вліяніемъ тѣхъ же условій, что и деревни, являются поземельными общинами. И теперь еще, не смотря на городовое положеніе, почти устранившее мѣщанство отъ права участвовать въ городскихъ дѣлахъ, сохранились кое-гдѣ города общины. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ общинномъ владѣніи находятся только нѣкоторыя угодья, напр., луга, выгоны. Вотъ, напр., что писалъ г. Якушкинъ о городѣ Мологѣ Ярославской губерніи: «Луга раздѣлены здѣсь на 11 участковъ по числу городскихъ сотенъ. Каждая изъ сотенъ пользуется отдѣльнымъ участкомъ, мѣняя его ежегодно на новый въ теченіе 11 лѣтъ. Сотня избираетъ сотельника, который распоряжается уборкою сѣна на общій счетъ. Сѣно, сложенное въ копны, дѣ-

лится между горожанами, принадлежащими къ сотнѣ по числу душъ, обложенныхъ платежемъ» [150]). По свѣдѣніямъ 1887 года купцы первой гильдіи получаютъ, по 8 копенъ, 2-й гильдіи—по 4, а всѣ остальные домовладѣльцы—по 2 [151]). По тѣмъ же свѣдѣніямъ горожане пользуются лѣсомъ на общинныхъ же началахъ: «для вырубки ежегодно отводится опредѣленный участокъ. Городская управа заготовляетъ хозяйственнымъ способомъ дрова въ количествѣ 2,000—2,500 саженъ ежегодно. Въ послѣдніе годы (1886 и по смѣтѣ 1887) изъ этой массы 1,863 саженъ предназначалось для гражданъ, при чемъ каждый домовладѣлецъ имѣетъ право на полученіе 4 саженъ, а каждый, не владѣющій домомъ, но платящій что нибудь въ городскую казну, 2 сажени». Каждая сажень обходится такимъ образомъ жителю Мологи въ 77 коп., тогда какъ сажень стоитъ 2—3 рубля. Въ послѣднее время хотятъ ввести общинный порядокъ и въ пользованіи огородною землею [152]). «Такой способъ пользованія землею», пишетъ г. Якушкинъ: «тѣмъ болѣе имѣетъ значенія, что здѣсь не можетъ быть и помину о круговой порукѣ, такъ какъ купцы не участвуютъ въ платежахъ мѣщанскаго общества и не отвѣчаютъ другъ за друга» [153]). Г. Рева описалъ общину города Мезени, какъ типъ другихъ городовъ общинъ сѣвера. Городъ Мезень владѣетъ усадебной, пахотной и сѣнокосной землею. Усадебная земля является частною, безусловно неограниченною собственностью, пахатная же общинною; на надѣлъ имѣетъ право всякая ревизская душа, хотя бы и однолѣтняя; передѣлы совершаются во время ревизій. Надѣлы вы-

бывшихъ изъ общества членовъ могутъ быть заняты всякимъ желающимъ, разъ только онъ внесетъ лежащія на нихъ подати и огородитъ участокъ. «Огораживаются поля всѣмъ обществомъ и по возможности одновременно, всякій противъ своей полосы и съ боку, смотря по количеству владѣемой пашни, отъ 3—4 саженъ ограды на душу [154]). «Оставлять пахотную землю въ наслѣдство можно, но, во-первыхъ, лишь своему сообщиннику; и, во-вторыхъ, только до передѣла». Выгонъ общій. Живущіе въ городѣ, даже не состоя членами городского общества, имѣютъ право пасти на немъ скотъ. Сѣнокосы не разверстываются по душамъ. Богачи не допустили здѣсь общинныхъ порядковъ и неимущіе добились только запрещенія брать домохозяйству болѣе одного участка сѣнокосовъ, подѣленныхъ по числу дворовъ. Такъ какъ участки сѣнокосовъ не равны ни качественно, ни количественно, то богачи все-таки имѣютъ значительный перевѣсъ, захватывая лучшіе и большіе участки. Бѣднякамъ не хватаетъ сѣна, что въ свою очередь породило спекуляціи на эти участки—перепродажу ихъ по частямъ [155]). Въ Ставрополѣ Кавказскомъ и теперь еще сохранилось пользованіе общиннымъ выгономъ. До 1878 года городъ, владѣя на общинныхъ началахъ пахотью (дѣлившеюся во время ревизіи), огородами (тоже передѣлявшимися), сѣнокосами, которые разверстывались ежегодно, камышами, которые сжинались въ назначенный день на правахъ захвата и, наконецъ, дальними участками, сдававшимися подъ выпасъ скота [156]). Въ городѣ Серпуховѣ Московской губерніи луговыя земли, принадле-

жація мѣщанскому и купеческому обществамъ, утилизируются на общинныхъ началахъ. Раздѣлъ луговъ производится ежегодно и притомъ сѣномъ, а не травою. Изъ всего количества снятаго сѣна мѣщанское получаетъ половину, которую оно дѣлитъ на 2600 долей или мѣщанскихъ душъ, а другая половина поступаетъ купеческому обществу и дѣлится на 260 частей или «купеческихъ душъ». Кошеніе производится по найму подрядчиками, и всѣ издержки по сторожѣ, кошенію, сушкѣ покрываются мѣщанскими и купеческими обществами въ равныхъ доляхъ (ежегодно около 3,000 руб.). Послѣ покоса луга запускаются подъ выгонъ, которымъ члены мѣщанскаго и купеческаго общества пользуются даромъ, всѣ же остальные жители платятъ съ каждой головы скота. За пользованіе долею мѣщанское общество взимаетъ со своихъ членовъ по 60 коп., купеческое по 10 руб. Эти сборы идутъ на расходы по караулу, очисткѣ и уборкѣ луговъ». Слободы города: Волоколамская, Солдатская и Троицкая имѣютъ усадьбы въ городской чертѣ, а земли въ волости. Землевладѣніе здѣсь «строго общинное. Пахотныя земли передѣляются по ревизіямъ, покосы дѣлятся ежегодно». Вообще же въ распорядкахъ городского землевладѣнія Московской губерніи и въ настоящее время можно подмѣтить много чертъ чисто общиннаго характера [157]). Въ Воскресенскомъ посадѣ Московской губерніи пахоть дѣлится отъ ревизіи до ревизіи, лѣса каждую осень, сѣнокосъ ежегодно. Земля дѣлится по душамъ. Для сѣнокосовъ составляются сначала десятки. Городская община состоитъ изъ членовъ мѣщанскаго и кре-

стьянскаго обществъ. Лица, продолжающія заниматься землею, стоятъ за общинный типъ землевладѣнія, ссылаясь на обѣдненіе перешедшаго къ подворному владѣнію Звенигорода. Землепашцы Звенигорода горько сѣтуютъ на разрушеніе общины. Въ Бронницахъ, какъ земли, состоящія во владѣніи купеческаго и мѣщанскаго обществъ, такъ и арендуемыя ими у частныхъ лицъ, дѣлятся по числу ревизскихъ душъ. Пахоть дѣлится отъ ревизіи до ревизіи, сѣнокосы ежегодно, при чемъ мѣщане и купцы дѣлятся на 6 вытей, въ свою очередь подраздѣляющихся на десятки. Вновь приписныя души, разъ пріобрѣтутъ осѣдлость, получаютъ надѣлъ изъ убылыхъ душъ [158]). Бывшіе государственные крестьяне, живущіе въ городѣ Саратовѣ въ разныхъ мѣстахъ послѣдняго, составляютъ оффиціально числящуюся, но не существующую за-форштатскую слободу и владѣютъ землею на общинномъ правѣ [159]). До какой степени живучи общинные порядки, видно изъ слѣдующихъ фактовъ: мѣщане земледѣльцы города Никольска Вологодской губерніи «сохранили общинное пользованіе землей, хотя она признана городскою и продается съ торговъ въ аренду. Этого достигаютъ они такимъ образомъ: передъ торгами Мелентьевскій конецъ избираетъ изъ своей среды мѣщанина и даетъ ему полномочіе торговать землею; этотъ уполномоченный является на торги и арендуетъ на себя всѣ участки, которые входятъ въ составъ бывшей Мелентьевской общины. Сумму, которую онъ внесъ за аренду, Мелентьевскій конецъ платитъ потомъ складчиной, которую развёрстываетъ на семьи по числу душъ. То же са-

мое дѣлаютъ и Борисовскій и Вахрамѣевскій концы» [160]). Мѣщане города Кадникова той же губерніи, арендуя у города землю, прилагаютъ къ ней общинные порядки пользованія. Мало этого, съ паденіемъ общиннаго владѣнія на собственной землѣ, уменьшилось у города и число запашекъ. Даже старыя чищенія превратились въ пустыри, такъ какъ арендная система не гарантируетъ затратъ въ такой степени, въ какой гарантировала ихъ община [161]). Мы видимъ въ нѣкоторыхъ городахъ—общинахъ распаденіе членовъ общины на неравноправныя сословія; подобное распаденіе служитъ зловѣщимъ признакомъ паденія общины и поддержаніе ея очень желательно. Нѣтъ, разумѣется, интереса перечислять тѣ города, гдѣ было, хотя бы и въ недавнемъ прошломъ, общинное землевладѣніе. Укажемъ только, что память объ общинѣ не утеряна еще горожанами. Уничтоженіе ея, повлекшее за собою обезземеленіе мѣщанъ, породило бѣдность и естественное стремленіе къ прошлому. «Такъ, въ Кадниковѣ все болѣе и болѣе ростетъ стремленіе къ возврату прежнихъ общинныхъ порядковъ пользованія городскою землею. То же самое замѣтно въ Ставрополѣ Кавказскомъ» [162]). Въ 1887 году въ Царевококшайскѣ Казанской губерніи дума дала землю мѣщанскому обществу. Часть луга осталась въ хозяйственномъ распоряженіи управы, которая будетъ распредѣлять часть сѣна съ нихъ по заготовительной цѣнѣ съ надбавкою отъ 10 до 20%. Передача пахотной земли изъ однихъ рукъ въ другія воспрещена, и земля дается всѣмъ желающимъ мѣщанамъ. Желающихъ оказалось около 40 человѣкъ, и

земля была раздѣлена на 40 паевъ по 6 дес. въ каждомъ. Имѣть луга захотѣли многіе и, вѣроятно, всѣ обыватели пустятся въ косьбу. Интересно, что бывшіе до 1887 года арендаторы-кулаки получили съ луговыхъ земель отъ 200 до 300% чистой прибыли [163]). Мы не имѣемъ возможности остановиться въ этой работѣ на тѣхъ дополненіяхъ къ городскому положенію и измѣненіяхъ его, которыя были бы желательны. Замѣтимъ только, что передача земли въ общинное пользованіе мѣщанъ и другихъ горожанъ, заинтересованныхъ въ ея непосредственной эксплуатаціи, не можетъ представить серьезныхъ затрудненій. Обширность городскихъ владѣній и большая численность городского населенія не могутъ считаться препятствіями къ организаціи общиннаго владѣнія, такъ какъ мы имѣемъ примѣры «раздѣльныхъ» общинъ. Мы не станемъ говорить объ экономическихъ выгодахъ надѣленія землею милліоннаго мѣщанскаго сословія. Остановимся въ двухъ словахъ на юридической сторонѣ вопроса; у мѣщанъ, прежнихъ собственниковъ земли de facto и de jure, отобрали ее, не давъ имъ за это никакого вознагражденія. Если разсуждать по справедливости, то отобранная земля можетъ быть возвращена мѣщанамъ, тѣмъ болѣе, что нынѣшніе фактическіе распорядители городскою землею вовсе не заинтересованы въ непосредственной ея эксплуатаціи.

IV.

Четвертное землевладѣніе, лично общинная система, condominium, резеши.

Четвертное или долевое владѣніе землею является смѣшанною формою общиннаго и подворнаго пользованія; оно имѣетъ нѣкоторыя черты какъ того, такъ и другого, но помимо этого заключаетъ въ себѣ кое-что своеобразное. Общество четвертныхъ крестьянъ владѣетъ опредѣленнымъ участкомъ земли, распредѣленной между домохозяевами крайне неравномѣрно: одинъ, напримѣръ, владѣетъ $^1/_4$, другой $^1/_5$, третій $^1/_8$ всей земли и т. д. Эти доли передаются по наслѣдству, дробятся, продаются и покупаются; но при всемъ этомъ земля принадлежитъ опредѣленному роду (общество состоитъ изъ одного или нѣсколькихъ родовъ), почему ее нельзя завѣщать постороннему, нельзя также продать послѣднему часть участка. Порядокъ наслѣдованія установляется по обычному праву слѣдующій: «послѣ смерти домохозяина наслѣдуетъ преимущественно мужское нисходящее поколѣніе—сыновья, внуки, правнуки, за отсутствіемъ ихъ наслѣдуетъ дочь или внучка; послѣ бездѣтнаго домохозяина наслѣдуютъ его братья или родные племянники, за отсутствіемъ ихъ—дяди и другіе родственники. Ближайшій родственникъ получаетъ все наслѣдство; нѣсколько родственниковъ, состоящихъ въ одной степени родства, наслѣдуютъ по-

ровну. «Сестра при живыхъ братьяхъ послѣ отца не наслѣдница»—это общій привычный порядокъ... «послѣ матери дочь наслѣдуетъ наравнѣ съ братьями, точно также имуществу матери наслѣдуютъ незаконорожденныя дѣти наравнѣ съ законными» [164]). Завѣщаній, вообще говоря, не полагается, да они и не исполняются, разъ противорѣчатъ обычному праву: «мало ли что со зла написать можно! Надо по-божески дѣлать, это и ему будетъ пріятно на томъ свѣтѣ», аргументируютъ крестьяне [165]). Если получившая землю женщина выйдетъ замужъ, то мужъ не можетъ продать эту землю, не можетъ заложить ее и проч. Выморочная земля поступаетъ на міръ, который и распоряжается ею по своему усмотрѣнію [166]). Власть міра надъ землею простирается еще далѣе: онъ можетъ отобрать ее у нерадивыхъ владѣльцевъ и передать наслѣдникамъ. Въ томъ случаѣ, когда часть земли сдается въ аренду или отходитъ почему либо отъ общества, напримѣръ подъ желѣзную дорогу, по суду и т. п., производится передѣлъ, имѣющій цѣлью не уравненіе участковъ, а надѣлъ каждаго тою долею земли, какую онъ имѣлъ и раньше; такъ, напримѣръ, имѣвшій 1/5 всей земли до передѣла получитъ одну же пятую и послѣ него, хотя его надѣлъ и уменьшится. Если селеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ родовъ, то каждому роду дается количество земли, пропорціональное прежнему владѣнію; «при этомъ производится самое точное количественно-качественное уравненіе». Такимъ образомъ родъ играетъ здѣсь ту же роль, что выть или осьмакъ въ общинахъ. Распредѣленіе же земли «въ предѣлѣ каждаго

рода происходитъ соотвѣтственно наслѣдственнымъ долямъ». Порядокъ назначенія надѣла опредѣляется жребіемъ. Точно такой же передѣлъ, увеличивающій доли крестьянъ, происходитъ при дѣлежѣ, напримѣръ, выморочныхъ участковъ. Усадебныя земли находятся въ подворномъ владѣніи, но вновь образующимся дворамъ міръ дастъ подъ постройку землю изъ выгона. «Какъ же ему не дать усадьбы», говорятъ крестьяне: «чай тоже человѣкъ теплый, уголъ ему нуженъ; чѣмъ же онъ виноватъ, что мы всю угожую землю захватили». Укажемъ теперь, что надо понимать подъ «долей» земли. При чистомъ четвертномъ землевладѣніи въ эту долю входятъ пахотная, луговая земля, лѣсъ, а иногда и кустарники. Сѣнокосы и лѣсъ подвергаются въ большинствѣ случаевъ ежегодному передѣлу, но передѣлъ этотъ имѣетъ цѣлью не уравненіе участковъ, а уравненіе по качеству; такъ, напримѣръ, имѣющій $^1/_5$ долю получаетъ не $^1/_5$ долю всей сѣнокосной земли, а $^1/_5$ долю всей выросшей травы, безъ отношенія къ величинѣ занятой ею площади. Доля луговой или лѣсной земли пропорціональна количеству пахотной, хотя лѣсъ дѣлится иногда по стволамъ, по деревьямъ. Причина ежегодныхъ передѣловъ сѣнокосовъ ясна: «хлѣбъ», говорятъ крестьяне: «одно дѣло; хлѣбъ сѣешь—надѣйся на Бога, а самъ не плошай, потому потрудишься вокругъ него, понавозишь, онъ и взойдетъ получше, а къ травѣ рукъ не приложишь—родитъ, какъ Богъ поможетъ, гдѣ получше, а гдѣ и совсѣмъ ничего нѣтъ» [167]). Выдѣлъ лѣса и луговъ въ постоянное пользованіе встрѣчается въ Курской губерніи только какъ исключеніе, явив-

шееся слѣдствіемъ давленія богачей; въ Мценскомъ же уѣздѣ Орловской губерніи это общее правило [168]). Выгонъ и другія пастбища (жнива, стирпа) находятся при этомъ типѣ землевладѣнія въ общинномъ пользованіи; исключеній изъ этого правила, какъ кажется, не существуетъ. Въ общинномъ же владѣніи находятся и отрѣзки, получаемые при дѣлежѣ пахотной земли; они идутъ подъ выпасъ скота, покосъ, а чаще сдаются въ аренду.—Четвертное землевладѣніе распадается на нѣсколько группъ и часто удаляется отъ описаннаго типа, все болѣе и болѣе приближаясь къ общинному. Такъ, напримѣръ, на четвертномъ правѣ владѣютъ только одною землею и сѣнокосомъ, а лѣса находятся въ общинномъ владѣніи; въ нѣкоторыхъ случаяхъ на общинномъ правѣ владѣютъ только однимъ изъ этихъ угодій, тогда какъ другимъ пользуются по четвертному праву. Въ Курскомъ и Тимскомъ уѣздахъ Курской губерніи покосы и лѣсъ передѣляются также по дворамъ; причемъ каждый дворъ рода получаетъ равную съ другими долю; здѣсь встрѣчаются даже артели членовъ рода, или десятковъ (дворовъ), или всего общества съ равнымъ потомъ дѣлежомъ сѣна по «косамъ», а лѣса—на «топоры». Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ Курской губерніи лѣсъ и покосы находятся «чаще всего» въ общинномъ уравнительномъ пользованіи [169]). Въ Мценскомъ уѣздѣ Орловской губерніи и сѣнокосная артель является единичнымъ исключеніемъ. Кустарникъ рубится здѣсь сообща въ 5-ти деревняхъ и дѣлится пропорціонально количеству земли [170]). Иногда покосъ и лѣсъ дѣлятся по ревизскимъ душамъ; бываетъ и такъ,

что одно угодье дѣлится по душамъ, другое по дворамъ или по четвертному праву. Къ третьему виду четвертнаго владѣнія относятся тѣ общества, гдѣ въ общинномъ владѣніи, кромѣ выгона, луга и лѣса, находится также и часть пашни. Эта часть пашни передѣляется обыкновенно по ревизскимъ душамъ; въ рѣдкихъ случаяхъ пашня дѣлится по дворамъ и тогда, благодаря семейнымъ раздѣламъ, ежегодно. Крестьяне, владѣющіе землею на такомъ началѣ, называются душевно-четвертными. Въ Рязанской губерніи, въ общинномъ владѣніи этихъ крестьянъ, находится 40% всей земли. Благодаря тому, что пахатныя четвертныя земли передѣляются очень рѣдко, — въ нѣкоторыхъ обществахъ утратилось представленіе о четвертномъ правѣ, и крестьяне считаютъ себя собственниками опредѣленныхъ полосъ. Во многихъ мѣстахъ наслѣдство, продажа и проч. породили чрезполосицу, крайне мелкіе и крайне крупные участки и цѣлый рядъ другихъ неудобствъ. Неравномѣрность надѣловъ достигла большой величины; такъ, въ Козловскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи «иногда одинокая женщина имѣетъ 13 десятинъ, а семьи по 8—9 человѣкъ имѣютъ только по 2 десятины» [171]). Въ силу этихъ условій, а также недоимокъ и запутанности землевладѣнія во многихъ обществахъ замѣчается стремленіе реорганизоваться на общинныхъ началахъ. Не смотря на то, что министерскій циркуляръ 1839 года прямо разрѣшаетъ четвертнымъ крестьянамъ переходить къ общинному типу землевладѣнія — это стремленіе рѣдко имѣетъ успѣхъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, силенъ протестъ бо-

гачей «широкодачников», не отступающих при защите старой формы владѣнія передъ страшными, кончающимися иногда убійствомъ, драками. Переходъ же къ общинному владѣнію тѣмъ болѣе желателенъ, что четвертные крестьяне находятъ «эту форму болѣе выгодною не только для сельско-хозяйственной дѣятельности, но и для поддержанія нравственности населенія» [172]). Стремленіе четвертныхъ крестьянъ къ общинному владѣнію очень сильно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Курскомъ уѣздѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ четвертнаго землевладѣнія осталось только воспоминаніе. Крестьяне Воронежскаго уѣзда пользуются четвертными землями на общинномъ правѣ [173]). Часть четверниковъ Елецкаго уѣзда Орловской губерніи перешла къ общинному владѣнію [174]). Четвертные крестьяне покупаютъ иногда землю для утилизаціи ея на общинныхъ началахъ, выморочныя, а въ Курскомъ, напримѣръ, уѣздѣ и полученныя въ послѣднее время земли обязательно дѣлятся по ревизскимъ душамъ. Прямой, совершонный законодательнымъ путемъ передѣлъ четвертныхъ земель по ѣдокамъ, съ обязательствомъ дѣлить землю черезъ опредѣленные сроки, былъ бы серьезной реформой въ дѣлѣ поднятія крестьянскаго благосостоянія. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что въ Мценскомъ уѣздѣ Орловской губерніи четвертное владѣніе является устойчивѣе общиннаго [175]); это объясняется, впрочемъ, исключительно ненормальнымъ положеніемъ мценской общины. Скажемъ еще нѣсколько словъ о распредѣленіи податей между членами этихъ обществъ.Приусадебныя

земли не облагаются податями. Та часть податей, которая падаетъ на общинныя земли, разверстывается обычнымъ, извѣстнымъ уже намъ, способомъ. Пропорціонально количеству четвертныхъ земель разверстываются государственный поземельный налогъ, оброчная подать, земское обложеніе, лѣсной налогъ[176]). Волостные сборы распредѣляются обыкновенно по ревизскимъ душамъ, сельскіе—разнообразно (по дворамъ, пропорціонально «долямъ»). Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ аренда земли покрываетъ недоимки, крестьяне и не имѣютъ дѣла съ круговою порукою. «У насъ круговой поруки нѣтъ», настойчиво утверждаютъ они: «у насъ ежели недоимки за кѣмъ—земля его отвѣчаетъ, а не міръ»[177]). Такимъ образомъ участокъ недоимщика, будь онъ крестьянинъ, или нѣтъ, сдается міромъ въ аренду. Четвертное землевладѣніе разныхъ видовъ встрѣчается въ Рязанской, Курской, Орловской, Тамбовской, Казанской, Самарской и Воронежской губерніяхъ. Этотъ типъ землевладѣнія не гарантируется отъ разрушенія нашимъ законодательствомъ, которое не знаетъ обычнаго права четвертниковъ. Въ силу этого четвертныя земли скупаются при помощи разныхъ ухищреній посторонними лицами, которыя вмѣстѣ съ покупкой принимаютъ на себя обязанность выплачивать и подати. «Широкодачники», «земляки», «міроѣды», «глотки»—представители подонковъ полукультурныхъ слоевъ, влѣзли въ четвертныя общины, внося въ тысячу разъ больше вреда, чѣмъ пользы. Эти господа сами чувствуютъ непрочность своего положенія и опасаются, что правительство признаетъ недѣйствительными

всѣ продажи четвертныхъ земель. Въ виду этого, при помощи разныхъ хитрыхъ средствъ, они устраиваютъ публичные торги на земли, причемъ ихъ покупки утверждаются судомъ, добиваются путемъ заклада, написаннаго за фиктивно возвышенную сумму, фактическаго владѣнія землею и практикуютъ все это въ широкихъ размѣрахъ. Вообще говоря, теперь настоятельно чувствуется необходимость объявить четвертныя земли неотчуждаемыми. «Четвертныя крестьянскія земли», говоритъ изслѣдователь Козловскаго уѣзда Тамбовской губерніи г. Романовъ: «какъ всякая мелкая земельная собственность, всегда могли легко переходить и нынѣ переходятъ къ совершенно постороннимъ четвертному владѣнію лицамъ крестьянскаго и некрестьянскаго сословія» [178]). Запрещеніе продажи четвертныхъ земель является чисто временнымъ палліативомъ, такъ какъ явившееся въ силу наслѣдства дробленіе земли заставитъ или отдавать мелкіе участки, или бросать ихъ безъ обработки. Только общинное землевладѣніе можетъ спасти четвертныхъ крестьянъ отъ безземелья. Тѣмъ не менѣе, вопросъ о неотчуждаемости четвертныхъ земель необходимо рѣшить немедленно въ утвердительномъ смыслѣ, такъ какъ купля-продажа идетъ черезчуръ ужъ быстро. «Движеніе четвертныхъ земель», пишетъ г. Кисляковъ о Тимскомъ уѣздѣ Курской губерніи: «и процессъ обезземеленія четвертныхъ крестьянъ идутъ рука объ руку и ростутъ весьма быстро, обѣщая, при естественномъ ходѣ дѣла, создать изъ нашего «обезпеченнаго землею» мужика широкій классъ пролетаріата, ибо при наличныхъ условіяхъ

рано или поздно четвертныя земли будутъ монополизированы незначительнымъ числомъ четвертниковъ» [179]). Говоря о четвертной формѣ землепользованія, нельзя не замѣтить, что у насъ существуетъ мнѣніе, по которому въ Россіи вовсе нѣтъ подворнаго владѣнія, а есть только четвертное. Не беремся судить, насколько вѣрно это заключеніе для всѣхъ мѣстностей, но въ отдѣльныхъ случаяхъ подворное владѣніе отличается отъ четвертного не формою, а только происхожденіемъ (напримѣръ, въ Предтечевской вол. Елецкаго уѣзда Орловской губерніи) [180]).

Къ числу оригинальныхъ общинныхъ типовъ относится такъ называемая лично общинная система, господствующая въ Рибенсдорфской, Бѣловежской и другихъ нѣмецкихъ колоніяхъ. Сущность этой системы заключается въ слѣдующемъ: «изъ общаго надѣла, во-первыхъ, выдѣлялась сплошная усадьба для цѣлаго населенія, изъ которой каждая семья получала себѣ мѣсто для дома, огорода, сада и пр. Потомъ отмежевывался общій выгонъ съ присоединеніемъ сюда всѣхъ неудобныхъ земель. Лѣсъ отводился тоже въ общее пользованіе, а затѣмъ всѣ остальныя угодья разбивались на нѣсколько полей и въ каждомъ изъ нихъ всякій отдѣльный дворъ получилъ свой пай по уравнительному переделу, сообразуясь съ качествомъ почвы, отдаленностью отъ усадьбы и пр. [181]). Надѣлъ производится въ потомственное пользованіе не отдѣльнымъ лицамъ, а цѣлому двору-хозяйству, независимо отъ числящихся въ немъ душъ, такъ что количественный и качественный итогъ этихъ паевъ всегда одинъ и тотъ же, а если

и встрѣчаются измѣненія въ размѣрѣ каждаго отдѣльнаго пая, то исключительно только вслѣдствіе замѣны прежней системы хозяйствованія новою, улучшенною, требующею новаго распредѣленія полей [162]). За нехозяевами сохраняется право «на усадебную осѣдлость, на долю участія въ общинномъ выгонѣ и другихъ мірскихъ статьяхъ общаго пользованія» [163]) (напримѣръ, участіе въ лѣсѣ). При данной системѣ пользованія сходъ имѣетъ право произвести передѣлъ не иначе, какъ въ случаѣ перехода къ высшей культурѣ; такой передѣлъ, не принимающій во вниманіе числа душъ, вѣрнѣе назвать простою переверсткою. Аналогическій же способъ пользованія землею мы встрѣчаемъ и въ закавказскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ. Въ этихъ колоніяхъ «земля распредѣлена между отдѣльными домохозяевами неравномѣрно, и притомъ каждый домъ пользуется неизмѣнно опредѣленнымъ разъ установленнымъ количествомъ земли»; «угодья каждаго домохозяина не имѣютъ извѣстныхъ, разъ назначенныхъ границъ, и земли перемѣриваются или передѣляются обществомъ или въ опредѣленные сроки, или по мѣрѣ надобности». «Колонія Анненфельдъ передѣляетъ земли ежегодно и обыкновенно въ октябрѣ; Эленсдорфъ тоже въ концѣ сентября; въ Александерсдорфѣ и Александерсгольфѣ пашни передѣляются черезъ 8—10 лѣтъ, а покосы каждый годъ передъ сѣнокошеніемъ; въ остальныхъ колоніяхъ передѣлы земли совершаются въ неопредѣленные сроки. Послѣдній передѣлъ въ Александерсдорфѣ былъ вызванъ проложеніемъ закавказской желѣзной дороги, которая нарушила равенство въ размѣрахъ каж-

даго отдѣльнаго участка хозяйства». Усадебныя и садовыя земли находятся въ подворномъ владѣніи, а выгоны въ общинномъ. Въ общинномъ же пользованіи состоятъ оросительныя сооруженія, причемъ водою пользуются или по днямъ, или по размѣрамъ площади поливной земли [184]). Въ Петербургскомъ уѣздѣ въ Ново-Саратовской колоніи участки переходятъ по наслѣдству, но домохозяинъ не можетъ отчудить участокъ; не можетъ даже сдать его въ аренду безъ согласія общества; послѣднее можетъ временно отнять землю за неплатежъ податей, можетъ устранить его отъ земли, если колонистъ плохо ведетъ себя, нанося ущербъ хозяйству; земля передается здѣсь старшему сыну, выгонъ и лѣсъ находятся въ общемъ пользованіи [185]).

Общее владѣніе землею (condominium) опять-таки очень близко къ четвертному. «Каждому отдѣльному домохозяину принадлежитъ на правѣ собственности извѣстная (неравная) идеальная доля общаго земельнаго участка, числящагося за даннымъ населеніемъ. Доля эта не можетъ быть ни уменьшена, ни увеличена по волѣ большинства домохозяевъ. Каждый совладѣлецъ воленъ ее продать, подарить, завѣщать, раздѣлить между своими дѣтьми». Всякое хозяйственное распоряженіе общею землею (напримѣръ, распредѣленіе земли по угодьямъ, увеличеніе пашни, обращеніе земли въ толоку и пр., и пр.) происходитъ по волѣ большинства, а не по единогласному рѣшенію, какъ того требуетъ законъ. При дѣлежѣ земли ее разбиваютъ по качеству, а распредѣляютъ пропорціонально долямъ. Пользованіе выгономъ нормировано очень удачно. Прежде

всего сговариваются, какое количество скота можно допустить на выгонъ. «Затѣмъ это число дѣлится на число десятинъ всей земли. Отъ умноженія полученнаго частнаго на число десятинъ, принадлежащихъ каждому совладѣльцу», узнается, сколько головъ скота можетъ послѣдній безплатно пасти на общемъ выгонѣ. За каждую же лишнюю голову онъ платитъ въ пользу тѣхъ, у кого не хватаетъ до-предѣльной нормы [185, 2]). Такой способъ владѣнія встрѣчается въ Θеодосійскомъ уѣздѣ Таврической губерніи.

Скажемъ нѣсколько словъ о землевладѣніи резешей, мало чѣмъ отличающемся отъ подворнаго. Опредѣленная группа лицъ, живущихъ въ какомъ нибудь селеніи, имѣетъ одинъ документъ на владѣніе своею землею, которая принадлежала нѣкогда одному лицу. Купля-продажа и наслѣдованіе (поровну между сыновьями и дочерями) сильно дробятъ землю. Земли резешей зачастую скупаются и оттягиваются отъ неимѣющихъ отдѣльныхъ документовъ владѣльцевъ. Понятно, что и здѣсь законъ долженъ придти на помощь обезземеливаемому населенію, объявивъ резешскія земли неотчуждаемыми.

V.

Охотничьи общины, соляныя, рыболовныя и другія общины.

Въ высшей степени характеренъ тотъ фактъ, что крестьяне-охотники Архангельской губерніи распространяютъ иногда свои общинные порядки на лѣса,

служащіе мѣстомъ охоты. Охотники имѣютъ свои мѣста для охоты, тянущіяся на десятки верстъ. Эти мѣста, добытыя захватнымъ правомъ, переходятъ изъ рода въ родъ безъ права завладѣнія ими посторонними лицами. Тамъ же, гдѣ вслѣдствіе увеличившагося населенія лучшіе и ближайшіе лѣса уже заняты, а новымъ членамъ общины приходится въ этомъ отношеніи терпѣть значительныя неудобства, міръ, послѣ долгихъ колебаній—онъ въ этихъ дѣлахъ очень консервативенъ—рѣшается приступать къ равненію сгодій т. е. «къ передѣлу лѣсныхъ участковъ, находящихся въ пользованіи общественниковъ» [186]). Изъ Мезенскаго уѣзда Архангельской же губерніи писали слѣдующее: «Крестьяне-птицеловы дѣлятъ лѣсъ между собою, какъ и всѣ другія угодья; каждый имѣетъ свой лѣсной участокъ, переходящій отъ отца къ сыну; міръ можетъ передѣлять участки» [187]).

Въ посадѣ Неноксѣ Архангельской губерніи находится колодезь съ восемью варницами соли; крестьяне, называемые коренщиками, владѣютъ въ этихъ варницахъ участками на правахъ личной собственности, но на ряду съ ними имѣются «душевики», посадскіе, пользующіеся участками варницъ по надѣлу, т. е. по раздѣлу этихъ частей между всѣми душами общества, не имѣющими наслѣдственныхъ правъ на участіе въ соляныхъ промыслахъ. Доли коренщиковъ очень различны, такъ какъ величина ихъ зависитъ отъ случайностей наслѣдованія. Доли душевиковъ одинаковы и соразмѣряются съ количествомъ душъ семьи «душевика». Количество вывареной за день соли называется «варей»,

«участкомъ», къ которому приписывается въ каждой варницѣ отъ 4 до 11 душъ. У кого одна душа въ семьѣ, тотъ пользуется $^1/_4$ или $^1/_{11}$ частью «вари» (участка), смотря по числу приписанныхъ къ варницѣ душъ, у кого двѣ души, тотъ—двумя такими долями и т. д. Способъ пользованія варницами слѣдующій: нѣсколько варь сварятъ коренщики, затѣмъ тоже нѣсколько варь душевики, затѣмъ опять коренщики, за ними душевики и т. д., пока всѣмъ, и коренщикамъ, и душевикамъ доведется получить причитающуюся имъ долю въ вываркѣ. Въ Унскомъ и Лудскомъ посадахъ нѣтъ коренщиковъ и тамъ «организація соляного промысла чисто общественная. Въ Унѣ одинъ общій колодезь и одна общественная варница. Солевареніе производится жеребьями, а въ жеребій складывается по 5 ревизскихъ душъ. Всѣхъ жеребьевъ 42. Каждый жеребій по очереди вывариваетъ чренъ по 100 пудовъ соли, слѣдовательно въ одинъ обводъ на душу приходится 20 пудовъ соли»[188]). Въ этихъ общинахъ, такъ же, какъ и въ поземельныхъ, многіе отдаютъ свои паи состоятельнымъ лицамъ.

Въ общинномъ владѣніи находятся и другіе источники сырыхъ матеріаловъ. Такъ, напр., въ Печорскомъ краѣ Устьсысольскаго уѣзда жители четырехъ волостей, населеніе которыхъ разбросано на пространствѣ 400 верстъ, владѣютъ сообща двумя брусяпоточильными горами Щугорской волости[189]). Въ Пермскомъ краѣ, въ общинномъ владѣніи, находятся каменоломни и известковыя горы[190]). Въ Бахмутскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи общинники пользуются на правахъ захвата глиною и годными для дворовыхъ построекъ кам-

нямъ[191]). Въ Усковыхъ Орловскаго уѣзда Вятской губерніи при добываніи извести изъ надѣльной земли «организація труда общинная, такъ какъ всѣ необходимыя по выработкѣ камня работы производятся сообща»[192]). Въ Камычлевской станицѣ Войска Донского камнемъ пользуются вольно и общество допускаетъ къ работѣ даже постороннихъ[193]). Сплошь и рядомъ община сдаетъ такія угодья въ аренду и вырученныя деньги употребляетъ на уплату податей. Общинное владѣніе водою часто выражается сдачей водъ въ аренду. Но опять-таки далеко нерѣдко встрѣчается иная организація пользованія. Такъ, въ слободѣ Новой Каменкѣ Острогожскаго уѣзда Воронежской губерніи при пользованіи водою, какъ рабочей силой, для мельницъ установленъ обычай «годоваться»[194]). Каменоломни деревни Талыкова Елецкаго уѣзда и деревни Дерновки находятся въ общемъ пользованіи и каждый копаетъ, гдѣ хочетъ. «Въ Добринской и Телѣжинской волостяхъ Лебедянскаго уѣзда Тамбовской губерніи каменоломни распредѣлены подушно по семьямъ, наравнѣ съ прочими угодьями»[195]).

Въ Архангельской губерніи мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ рыболовныхъ общинъ. Организація общиннаго владѣнія рыболовными угодьями то приближается къ организаціи поземельныхъ общинъ, то уклоняется отъ послѣдней подъ вліяніемъ различныхъ условій. Мы принуждены указать только нѣкоторые изъ существующихъ общинныхъ видовъ, такъ какъ многіе изъ нихъ только упоминаются, но не описываются изслѣдователями. Это-то и затрудняетъ дѣленіе ихъ на под-

группы. «Рѣки Кулой и Соапа раздѣлены для рыбныхъ промысловъ, т. е. главнымъ образомъ для ловли семги, на участки по ревизскимъ душамъ, какъ и земля. Когда къ общинѣ причисляется новый членъ, онъ вмѣстѣ съ участкомъ пахатной, сѣнокосной и усадебной земли получаетъ и рыболовный участокъ на рѣкѣ, принадлежащей общинѣ». Въ Пустозерской волости Архангельской губерніи на пространствѣ 120 верстъ разбросаны 17 деревень, составляющихъ одну рыболовную общину. Всѣ жители данныхъ деревень дѣлятся на «сотни»; если въ какой нибудь деревнѣ не наберется ста человѣкъ, то это число дополняется жителями другой деревни. Мѣста на рѣкѣ не одинаково доходны, почему каждая сотня получаетъ «части и въ верховьяхъ, и въ низовьяхъ рыболовныхъ дачъ». Сотня дѣлитъ свои части между входящими въ ея составъ деревнями, причемъ на каждую деревню приходится по нѣскольку «поплавней», участковъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ. Въ каждой деревнѣ происходитъ дѣлежъ сначала лучшихъ поплавней, а потомъ остальныхъ. Получившіе поплавни перваго вида ежегодно чередуются въ пользованіи ими. Каждая группа, получившая во владѣніе участокъ, дѣлитъ его по душамъ слѣдующимъ образомъ: «Сначала высчитывается, сколько нужно работниковъ, чтобы вести ловъ на поплавнѣ, и по числу работниковъ поплавень дѣлится на паи, и всѣ души, приписанныя къ поплавню, дѣлятся на столько частей, сколько въ поплавнѣ паевъ. Положимъ, что на пай придется 5 душъ. Тотъ, кто имѣетъ въ семьѣ 5 душъ, выставляетъ отъ себя работника, доставляетъ нужное количество веревокъ и сѣтей

и затѣмъ пользуется полнымъ паемъ; у кого нѣтъ пяти душъ, тотъ соединяется съ кѣмъ нибудь другимъ». Добыча дѣлится по паямъ; если владѣльцы пая состоятъ въ разныхъ семействахъ, то она распредѣляется далѣе по душамъ. Четыре деревни: Умба, Куза, Оленица и Сальница имѣютъ общія рыболовныя угодья на морѣ. Жители этихъ деревень собираются разъ въ году и дѣлятся на три части; между послѣдними же дѣлится море. Каждая группа разбивается въ свою очередь на дружины по 9 и 10 человѣкъ каждая; по числу этихъ дружинъ дѣлится каждый изъ трехъ участковъ моря. На рѣкѣ Поной встрѣчается похожая на сѣнокосную община перваго захвата». «24-го августа всѣ ставятъ свои лодки у берега, потомъ молятся и разомъ бросаются къ лодкамъ. Каждый спѣшитъ къ избранному имъ на рѣкѣ мѣсту и забиваетъ на немъ 2—3 кола, означая тѣмъ, что беретъ его въ свое пользованіе» (на осень). Всѣ приведенные примѣры общиннаго владѣнія знакомы уже намъ по описанію земледѣльческихъ общинъ. Въ другихъ мѣстахъ встрѣчаются рыболовныя общины-артели, съ каковыми мы встрѣчались и при обработкѣ земельныхъ угодій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рыболовныя угодья сдаются общиною въ аренду. Укажемъ кстати на значительныя коллективныя работы общинниковъ по устройству такъ называемыхъ «заборовъ» (для ловли рыбы): на рѣкѣ Сользѣ заборъ устраивается цѣлымъ обществомъ; всѣ члены общества, человѣкъ 100, заготовляютъ по сажени лозняка каждый, весною всѣ выходятъ на работу и въ три дня устраиваютъ заборъ, починка котораго опять-таки производится всѣмъ общс-

ствомъ. Вырученныя отъ продажи улова деньги «дѣлятъ по ревизскимъ душамъ: у кого сколько душъ, тотъ столько получаетъ и паевъ, такъ какъ и заготовка матеріала, и участіе въ промысловомъ трудѣ устраивается по душамъ[196]). Въ деревнѣ Коржевкѣ (Максимовка) Бузулукскаго уѣзда Самарской губерніи существуетъ община молоканъ въ 234 двора. Къ числу ея угодій принадлежатъ 5 озеръ, «наполненныхъ всевозможной рыбой». Пользованіе озерами практикуется по ревизскимъ душамъ, которыя разбиваются на группы «приблизительно отъ 20 до 50 душъ въ каждой, такъ что каждое озеро путемъ жеребьевки достается большей или меньшей группѣ, смотря по величинѣ и удобству расположенія озера». Здѣсь право рыбной ловли сдается одноообщественникамъ въ аренду изъ части улова[197]). Въ томъ же уѣздѣ Камвно-Сарминская община дѣлитъ 6 озеръ по десяткамъ, причемъ каждый десятокъ занимается рыболовствомъ только въ своемъ озерѣ». Въ общинѣ Мухановской того же уѣзда озеро эксплуатируется на организованномъ захватномъ правѣ[198]). Въ Вятской губерніи встрѣчаются въ общинномъ пользованіи рыбныя ловли[199]); въ Слободскомъ уѣздѣ Вятской губерніи въ рѣкахъ, протекающихъ черезъ крестьянскія земли, всякій ловитъ, гдѣ хочетъ, не только въ своей волости, но и въ сосѣднихъ[200]). Въ Пермской губерніи рыбныя ловли тоже находятся въ общемъ владѣніи[201]); общинныя рыболовныя угодья встрѣчаются также и въ Воронежскомъ уѣздѣ; здѣсь разрѣшается вольный ловъ рыбы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она ловится для собственныхъ нуждъ общинниковъ; мѣста же, гдѣ рыба ловится

на продажу, должны платить аренду [202]). Во владѣніи села Порѣчье-Рыбнаго Ростовскаго уѣзда Ярославской губерніи находятся рыболовныя рѣка и озеро; когда рѣка покроется льдомъ, все населеніе выходитъ на нее и дѣлитъ по жребію на участки; что касается до озера, то здѣсь мы встрѣчаемъ жребій, опредѣляющій, какъ кажется, очередь для общинника захватывать отдаленные рыболовные участки. Когда озеро покроется льдомъ, бросается жребій: кто получитъ первый жребій, старается занять болѣе отдаленное мѣсто, другіе обгоняютъ его; положившій на опредѣленное мѣсто клюку съ мѣткой хозяина, считается занявшимъ этотъ участокъ [203]).

Въ общинахъ донскихъ казаковъ при зимнемъ ловѣ рыбы происходитъ обычный передѣлъ рѣкъ по паямъ; на озеро назначаютъ, сообразуясь съ разными условіями, опредѣленное число десятковъ казаковъ [204]). У черноморскихъ казаковъ при рѣчномъ рыболовствѣ практикуется вольное пользованіе рыбой до тѣхъ поръ, пока рыболовство не пріобрѣтаетъ промысловаго характера; тогда ставится рядъ ограниченій, имѣющихъ цѣлью противодѣйствовать истребленію рыбы; въ другихъ случаяхъ вода сдается въ аренду; наконецъ, что намъ всего интереснѣе, есть станицы, гдѣ пользованіе рыбными ловлями производится на началахъ дѣлежа. Такъ, всѣ бриньковскіе жители ежегодно разбиваютъ на участки, «на ставки», устье рѣки Бейсуга для ловли рыбы, идущей метать икру въ эту рѣку изъ моря черезъ Бейсужскій лиманъ, и распредѣляютъ самыя ставки между желающими ловить рыбу по жребію. Въ войско-

выхъ водахъ участки тоже раздаются по жребію, но на практикѣ въ этихъ водахъ пустило корень не общинное, а хищническое предпринимательское хозяйство [205]). На Уралѣ встрѣчается община перваго захвата, аналогичная съ той, которая существуетъ на рѣкѣ Попой Архангельской губерніи. Въ Восточной Сибири существуютъ рыболовныя общины на верхней Ангарѣ, Селенгѣ и озерѣ Байкалѣ. Пай дается въ нихъ всѣмъ ѣдокамъ общества, такъ, напр., не только женщинамъ, но даже годовалымъ ребятамъ. Общинники соединяютъ для рыбной ловли свои паи, причемъ каждая семья вноситъ такой трудъ, какой можетъ; напр., мать, имѣющая ребенка, работаетъ одна, а получаетъ два пая добычи. Не мѣшаетъ замѣтить, что кулаки разрушаютъ такія общины, скупая паи бѣдняковъ [206]). На Ангарѣ встрѣчается община-волость: рыболовныя мѣста принадлежатъ жителямъ нѣсколькихъ деревень Карапчанской волости, которые и производятъ ловлю отдѣльными артелями, распредѣливъ полюбовно мѣста лова [207]). На нижней Колымѣ мы опять встрѣчаемся съ общиною. Посрединѣ устроеннаго забора вставляется на 24 часа корзина каждаго члена общества; «но въ теченіе этого времени корзина подвергается многократному осмотру, и найденный при каждомъ осмотрѣ ловъ раздѣляется на столько частей, сколько есть владѣльцевъ корзинъ въ обществѣ»... [208])

Укажемъ теперь на общины по водѣ, которая орошаетъ пашни. Въ селеніяхъ Таракташской волости Ѳеодосійскаго уѣзда Таврической губерніи существуютъ извѣстные пріемы при регулированіи пользованія рѣч-

ной водой для орошенія садовъ. «Пріемы эти основаніемъ имѣютъ признаніе рѣки общественнымъ достояніемъ, а цѣлью—уравнительность». «Нормы водяного права, выработанныя практикою, въ общемъ повсюду одинаковы. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: въ Тарakташѣ виноградники поливаются водою изъ рѣки Кира-беръ-бунаръ, на послѣдней недавно устроено 5 плотинокъ. Въ годы обилія воды, когда нѣтъ препятствій къ очередному пользованію ею, пропускомъ воды черезъ эти плотины распоряжаются сами сосѣди-садовладѣльцы; каждый поливаетъ свой садъ до насыщенія; напротивъ, въ годы недостатка воды, когда поливка одного сада можетъ оставить безъ воды другіе виноградники, регулированіе пользованія водою, установленіе очереди поливки и опредѣленіе самой продолжительности послѣдней—дѣло стариковъ. Тогда всѣ садовладѣльцы разбиваются на 5 группъ (по числу плотинокъ), и старики опредѣляютъ въ дняхъ сроки, въ которые должна пользоваться водою каждая группа. Величина сроковъ находится въ зависимости отъ трехъ обстоятельствъ: 1) количества воды въ рѣкѣ, 2) площади виноградниковъ и 3) величины общаго срока поливки всѣхъ таракташскихъ садовъ» [209]). Считаемъ не лишнимъ дословно привести одну корреспонденцію объ инородцахъ Ферганской области Средней Азіи. Своею лаконичностью она не даетъ возможности опредѣлить, дѣйствительно ли существуютъ общины въ данной мѣстности, или же только обязательный сѣвооборотъ. «При цѣнномъ, искусственномъ, арычномъ орошеніи полей», говоритъ авторъ: «условія общинной жизни проявляются

такъ, какъ бы существовали общины на водѣ. Явленія эти въ Наманганскомъ уѣздѣ Ферганской области слѣдующія. Въ Кумѣ-Курганской волости существуютъ общины, рѣшеніемъ которыхъ вводится тотъ или другой сѣвооборотъ. Въ Кепинской волости то же явленіе, въ зависимости отъ котораго находится устройство плотинъ, регулирующихъ количество воды. Въ Хапашавской волости то же явленіе»... Въ Баглисской волости встрѣчаются общины не по роду, а по водѣ [210]). У киргизъ Оренбургской губерніи для прорытія канавъ (арыковъ) соединяются хлѣбопашцы нѣсколькихъ отдѣленій родовъ и выбираютъ начальника, подъ надзоромъ котораго происходитъ работа. Затѣмъ выборное лицо дѣлитъ воду между участниками [211]). У бурятъ проводятся для орошенія утуговъ канавы, которыя потомъ и чистятся такимъ образомъ, что каждая душа должна работать опредѣленное время; въ виду этихъ работъ по орошенію, которыя производятся уравнительно по душамъ, и производятся, надо думать, передѣлы орошаемыхъ утуговъ [212]).

VI.

Общины инородцевъ.

Перейдемъ теперь отъ этихъ общинъ къ инородческимъ общинамъ Европейской и Азіатской Россіи *).

*) Въ планъ работы не входили изслѣдованія общинъ аборигеновъ Кавказа, не входило и изслѣдованіе типовъ землевладѣнія въ мѣстностяхъ на западной границѣ.

Калмыки Астраханской губерніи владѣютъ своими землями «на правахъ общиннаго пользованія, безъ права отчужденія и отдачи въ наемъ» [213]). У трухмянъ Ставропольской губерніи мы встрѣчаемъ уже разложеніе общиннаго владѣнія; такъ, тамъ «даже и части рода большія и самыя меньшія имѣютъ опредѣленные участки для своихъ кочевокъ»; кажется, что и здѣсь еще нѣтъ чистой индивидуальной собственности [214]). Башкиры-вотчинники Бузулукскаго уѣзда Самарской губерніи «пользуются землею на общинныхъ началахъ съ періодическими передѣлами и переверстками» [215]). У башкиръ и тептерей Пермской губерніи совсѣмъ не встрѣчается подворнаго владѣнія; землею владѣютъ на общинныхъ началахъ [216]). Татары, мордва, чуваши [217]) утилизируютъ землю на общинныхъ началахъ великорусскаго типа. Въ одной же изъ татарскихъ общинъ Ѳеодосійскаго уѣзда Таврической губерніи встрѣчается крайне оригинальный типъ землевладѣнія. Въ этомъ селѣ, называемомъ Катырма-Сараѣ, «пахотное поле не подвергается никакимъ передѣламъ. Понятіе о ревизской или наличной душѣ общинникамъ незнакомо. Пользованіе пашней регулируется слѣдующимъ образомъ. Каждый хозяинъ пашетъ сколько хочетъ и можетъ. Затѣмъ измѣряется площадь, вспаханная всѣми хозяевами (какъ членами общины, такъ и посторонними, проживающими въ этомъ селеніи). Сумма распаханныхъ десятинъ дѣлится на число дворовъ, имѣющихъ право на землю. Частное, полученное при такомъ дѣленіи, принимается за норму безплатной подворной запашки, а потому хозяинъ, вспахавшій болѣе этой нормы,

долженъ съ излишка дать скопщину; собранная такимъ образомъ скопщина затѣмъ дѣлится между тѣми дворами, которые почему либо не имѣли посѣва на общественной землѣ» [218]). Перейдемъ теперь къ сѣвернымъ инородцамъ: канинскіе самоѣды владѣютъ тундрой сообща и «всякій промышляетъ, гдѣ хочетъ» [219]). Земли лопарей находятся въ родовой наслѣдственной собственности [220]); семужьи тони составляютъ общинную собственность нѣсколькихъ погостовъ [221]). У пермяковъ Орловскаго уѣзда Вятской губерніи господствуетъ община-волость съ уравненіемъ земельныхъ участковъ; передѣловъ здѣсь не бываетъ, но у многоземельныхъ отрѣзается часть земли и передается малоземельнымъ. Въ 1879 году межеваніе уничтожило общину-волость на пахотную землю, но лѣса и луга эксплуатируются на прежнихъ началахъ, причемъ послѣдніе эксплуатируются и на артельномъ началѣ. У пермяковъ, какъ и русскихъ этой мѣстности, существуютъ общіе столы во время празднествъ, а также (у первыхъ) и въ связи съ жертвоприношеніями [222]). У зырянъ Удорскаго края лѣсъ является общимъ достояніемъ, но тѣмъ не менѣе каждый охотникъ имѣетъ свой «путикъ», передающійся изъ рода въ родъ и неприкосновенный для другихъ. Общинность владѣнія проявляется здѣсь въ томъ, что «иногда, по смерти владѣльца, или по переселеніи его въ другія мѣстности, путики переходятъ въ общественное пользованіе, причемъ они отдаются въ аренду одному изъ членовъ общества или приносятся въ даръ церкви» [223]). У коре-

ловъ господствуетъ смѣшанный съ великорусскимъ или чисто захватный способъ землевладѣнія.

Инородцы Азіатской Россіи сохранили въ большинствѣ случаевъ общинную собственность на источники сырыхъ матеріаловъ. У бурятъ, напр., встрѣчаются земледѣльческія, звѣроловныя и пастушечьи общины. Земледѣльческія общины бываютъ захватнаго типа и переходнаго къ великорусскому [224]). «Между разными бурятскими родами» существуетъ «общинность пастбищнаго землевладѣнія». «Вся такъ называемая Братская степь, тянущаяся отъ рѣки Куды до вершины рѣки Анги, считается бурятами общиннымъ достояніемъ ихъ племенной общины» [225]). «Лѣса, пустопорожнія земли, угодья находятся въ нераздѣльномъ пользованіи обществъ, но какіе нибудь особенные личные труды, приложенные къ землѣ, вознаграждаются особыми же правами пользованія» [226]). Изъ Идинскаго вѣдомства сообщили, въ 1886 году, о свободныхъ пахотныхъ земляхъ, находившихся (до земельной неурядицы этого года) въ общемъ владѣніи трехъ Готольскихъ родовъ [227]). У братскихъ (бурятъ) Верхоленскаго вѣдомства (округа) пахотныя и сѣнокосныя земли дѣлятся при ревизіи по числу душъ мужеского пола; во многихъ мѣстахъ сѣнокосы огораживаются отъ потравъ скотомъ городьбою, устраиваемою по числу душъ или скота хозяевъ [228]). Ясакъ, подати и повинности налагаются на ревизскія души, а общественныя—внутреннія располагаютъ на однѣ такъ называемыя поборныя души, т. е. живыя и могущія оплачивать поборъ» [229]). Доходы съ общественныхъ земель принадлежатъ «роду родовичей», коему принадле-

жить земля [230]). У братскихъ Хоринскаго вѣдомства покосы дѣлятся по числу имѣющагося скота [231]). У бурятъ Селенгинскаго вѣдомства захватившій брошенное мѣсто съ разрушенною городьбою долженъ, въ случаѣ протеста хозяина, дать послѣднему трехлѣтній срокъ, «и если за симъ его силъ не достанетъ, донеся о семъ родовому начальнику, дабы не могла та земля оставаться безполезною, тому, кто имѣетъ нужду въ сѣнокошеніи, позволяется огородить и онымъ мѣстомъ пользоваться, но за очищеніе каменья и прочаго прежняго владѣльца чѣмъ либо наградить» [232]). У единокровнаго же улуса бурятъ «пашни, покосы, утуги, скотъ—все общее» [233]); такъ же, какъ и общая работа. Работы бурятъ по поливкѣ сѣнокосовъ носятъ, судя по техникѣ работы, общинный, артельный характеръ: они устраиваютъ въ рѣкѣ плотину и образуютъ прудъ, изъ котораго выводятъ сначала большія, а потомъ маленькія канавы [234]). Что касается до якутовъ, то «во владѣніи каждаго наслега *) всѣ якуты, составляющіе оный, пользуются рыбными и звѣриными промыслами невозбранно, не разсчитывая того, что таковыя угодья состоятъ въ участкѣ одного или нѣсколькихъ человѣкъ изъ родниковъ» [235]); тѣмъ не менѣе якуты стороннихъ наслеговъ не имѣютъ права промышлять въ чужихъ владѣніяхъ. «Покосы дѣлятся на участки между родниками» [236]), въ однихъ случаяхъ по числу ясаковъ, въ

---

*) Наслегъ заключаетъ въ себѣ отъ 100 до 1,000 лицъ мужескаго пола, не считая женщинъ. Это населеніе разбросано на большомъ пространствѣ. Нѣкоторыя семейства живутъ за 500 верстъ отъ центра наслега.

другихъ—по числу поборовъ. Передѣловъ въ точномъ смыслѣ слова здѣсь не бываетъ; покосы переходятъ отъ отца къ сыну, но уменьшаются для надѣленія другихъ лицъ или въ томъ случаѣ, «когда владѣлецъ обѣднѣетъ и сдѣлается не въ состояніи по количеству покосовъ отправлять» общественныя повинности[237]). Имѣющія дѣтей женщины получаютъ, по смерти мужей, покосы, подъ условіемъ платежа ясаковъ, податей и повинностей; бездѣтныя, или только не могущія платить, не получаютъ покосовъ. Отдача сѣнокоснаго участка въ аренду допускается не болѣе какъ на четыре года и не иначе, какъ съ вѣдома и дозволенія родовыхъ начальниковъ. Что касается до пастбищъ, то смежные наслеги не препятствуютъ скоту одного наслега переходить на землю другого; тѣмъ не менѣе, члены чужого наслега не могутъ селиться на пастбищѣ безъ вѣдома мѣстныхъ жителей[238]). Наиболѣе новыя свѣдѣнія о якутской родовой общинѣ можно изложить въ нѣсколькихъ словахъ: «якутская община дѣлитъ своихъ членовъ по количеству скота, ими владѣемаго на три класса»[239]). Первый классъ составляетъ обыкновенно около 1/4 всего населенія, второй меньше 1/2, иногда 1/4, и, наконецъ, третій составляетъ отъ 1/4 до 1/2 всего населенія общины. Якуты перваго класса имѣютъ, по обычаю, двойной надѣлъ противъ якутовъ втораго класса; якуты третьяго класса имѣютъ вдвое меньше земли, чѣмъ якуты второго класса, или вовсе не имѣютъ ея. Подъ вліяніемъ экономическаго гнета этотъ обычный строй сильно измѣняется: якуты перваго класса владѣютъ вчетверо и даже въ десять разъ боль-

шимъ надѣломъ, чѣмъ якуты второго. Передѣловъ подъ давленіемъ родоначальниковъ не бываетъ. По этой же причинѣ оставляются безъ вниманія требованія надѣла со стороны якутовъ, обзаведшихся скотомъ. Подати распредѣляются такимъ образомъ, что якуты перваго класса платятъ вдвое, или почти втрое болѣе якутовъ второго класса; натуральныя же повинности исключительно падаютъ на третій классъ и на безземельный пролетаріатъ, который не платитъ уже денежнаго сбора [240]). Якуты расчищаютъ лѣсъ и поднимаютъ новь артелями. «Расчищенное мѣсто составляетъ общую собственность трудившихся и переходитъ по наслѣдству ко всѣмъ потомкамъ тѣхъ лицъ, которыя его расчищали» [241]). Тундра кочующихъ коряковъ считается ихъ общинною собственностью [242]). Въ при-Амурскомъ краѣ «мѣста соболинаго промысла распредѣлены инородцами между собою по родамъ, и неприкосновенность чужого участка соблюдается свято; виновные въ нарушеніи этого обычая теряютъ всю свою добычу» [243]). У киргизовъ степной Сибири лѣтнія настбища являются общею собственностью всего племени; каждый изъ киргизовъ «воленъ пасти свой скотъ, гдѣ ему угодно» [244]). Киргизы укочевываютъ цѣлыми старшинствами изъ предѣловъ своей волости въ чужія, очень часто въ чужой уѣздъ или чужую область, а изъ нѣкоторыхъ волостей Зайсанскаго приставства даже въ предѣлы Китая. Наравнѣ съ лѣтними настбищами считаются общею собственностью дороги, лѣса, прѣсныя и соленыя озера, рѣчки, рыбные и звѣриные промыслы [245]). Что касается до пашень, то «владѣніе пашнями у киргизовъ носитъ ха-

рактеръ общинный. Обработка земли и посѣвъ производятся вмѣстѣ киргизами нѣсколькихъ кибитокъ, связанныхъ родствомъ. Окончивъ посѣвъ, киргизы удаляются на кочевки, а на пашняхъ для охраны и полива остаются бѣдняки, не имѣющіе скота. Ко времени жатвы киргизы возвращаются на пашни и послѣ молотьбы дѣлятъ зерно, которое прячутъ на зимовкахъ въ амбары и ямы. Избытокъ, который, впрочемъ, бываетъ рѣдко, продается тутъ же на пашнѣ»[246]). Киргизы-землевладѣльцы Сыръ-Дарьинской области владѣютъ землею на общинныхъ же началахъ. «Частныя права отдѣльныхъ семействъ киргизскихъ землевладѣльцевъ, ограниченныя обычаемъ передѣла полей и обязательнымъ участіемъ въ общественныхъ работахъ по устройству и сохраненію оросительной сѣти, состоятъ подъ покровительствомъ обществъ и не подлежатъ отчужденію»[247]). У вогуловъ Западной Сибири «лѣса находятся несомнѣнно въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи»[248]). Рыболовныя мѣста инородцевъ, живущихъ по берегамъ Оби, «всегда находятся въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ семействъ»[249]). Гагемейстеръ, говоря объ инородцахъ Сибири (часть тунгузовъ, остяковъ и самоѣдовъ), занимающихся рыболовствомъ во время лѣта и охотою осенью и зимою, указываетъ, что всѣ охотничьи переходы «совершаются каждымъ семействомъ въ извѣстныхъ, ему назначенныхъ предѣлахъ, и въ случаѣ увеличенія числа семействъ, общество приступаетъ къ новому раздѣлу между своими членами»[250]). У бродячихъ тунгузовъ, исключительно звѣролововъ, охотничьи урочища раздѣлены съ давнихъ

поръ на отдѣльныя дачи; но случается, что нѣсколько семействъ вмѣстѣ имѣютъ одну общую дачу, какъ неприкосновенную собственность[251]). У тунгузовъ же— рыболововъ-звѣролововъ, «каждое семейство имѣетъ опредѣленный районъ, въ предѣлахъ котораго ему только и предоставлено право бродить и охотиться за звѣремъ; при увеличеніи же числа семействъ районы эти подвергаются передѣлу»[252]). У гольдовъ, наконецъ, лѣсъ является общинною собственностью[253]).

ПРИМѢЧАНІЯ.

I.

1) Эмиль де-Лавелэ. Первобытная собственность.
2) С. В. Пахманъ. Обычное гражданское право въ Россіи, изд. 77 г., т. I.
3) Сб. стат. свѣд. по Саратов. губ., т. IV. Хвалынскій у., стр. 27.
4) Сб. стат. свѣд. по Самар. губ., т. IV. Бугурусланскій у., 23.
5) Сб. матеріал. для изученія сельск. позем. общины, т. I, 207.
6) Сб. ст. свѣд. по Курск. губ., в. I. Курскій у., 67.
7) Сб. ст. св. по Екатериносл. губ., т. I. Ростовъ на Дону у. 102.
8) Матеріалы по Нижегородской губ., т. IV.
9) Сб. ст. св. по Саратов. губ., т. II, стр. 22.
10) Сб. ст. св. по Таврическ. губ., т. I, в. 2, стр. 63.
11) Сб. ст. св. по Воронеж. губ., т. II, в. 2, стр. 138.
12) Сб. ст. св. по Смоленск. губ., т. I, в. 2, стр. 10—16.
13) Сб. ст. св. по Самарск. губ., в. I, 28.
14) Матеріалы Казанской, VI. 35.
15) В. Григорьевъ. Переселеніе крестьянъ Рязанской губ., изд. 85 г., стр. 147.
16) Н. П. Бѣльковичъ. Отчетъ о положеніи нѣкоторыхъ селеній Царевококш. у. 46.
17) Матеріалы Нижегородской XII, 85.
18) Сб. ст. св. по Орлов. губ., в. I, 30.
19) Личное наблюденіе.

20) Сб. ст. св. по Орлов. губ., т. 2. 215, 407.
21) Рукопись курскихъ статистиковъ.
22) С. А. Харизоменовъ. Промыслы Владимірской губерніи, в. 5, стр. 33.
23) Сб. ст. св. по Тамбов. губ. X. 15—16.
24) Сб. ст. св. по Рязанск. губ., в. I, 8.
25) Отеч. Зап. 77. № 1. 231.
26) Сб. ст. св. по Рязанск. губ., в. I, 8.
27) Сб. ст. св. по Екатериносл. губ., в. III, 74.
28) Вол. Вѣст., 85. № 51.
29) Личное наблюденіе.
30) М. Харузинъ. Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону. 32.
31) Рус. Вѣд. 87. № 125; о надѣленіи вдовъ землею, см. Сб. ст. св. по Тамбов. губ. III, стр. 11; VII, стр. 13—14; XII, стр. 31; по Саратов. губ. ч. I, в. 1, стр. 19. „Описанія", стр. 56. Рус. Вѣд. 85, № 96 и многіе другіе источники.
32) Сб. ст. св. по Тамб. губ. XII, 31.
33) Сб. ст. св. по Ворон. губ. I, 83.
34) Сб. Тамбов. III, 11; Сел. поз. община въ Арх. губ. 82 г., 11 20; Гр. Потанинъ. Никольскій у. и его жители. Древняя и Новая Россія 76, 10, 144; П. Красноперовъ. Молоканская община. Экон. Жур. 86 г., № 1, стр. 60 и др. ист.
35) Сельск. поз. общ. въ Архангел. губ. 82 г. 11, 20.
36) П. Красноперовъ. Эк. Жур. 86, 1, 60.
37) Сб. Саратов., ч. I, в. 1, стр. 56. Описанія.
38) Рус. Вѣд. 85, 73.
39) Рус. Вѣд. 88, 64.
40) Сб. Саратов. I, 34.
41) Сб. Рязанск., в. I; Смоленск. I, II; Екатериносл. III, 76; II, 124 и др.
42) Сотрудникъ. Сент., окт. 90 г. Земельные порядки и пр.
43) Сибирск. Газета, 88, 10.
44) Матеріалы для изученія современ. положенія землевл. и сел. промышл. въ Россіи. 80 г., I, 15.
45) Сотрудникъ 90 г. Сент., октябрь.
46) Сб. Таврической, II, стр. 6. Приложенія.
47) См., напр., Тютрюмовъ. Крест. наслѣдствен. право. Слово, 81, 2. 49—50.
48) Сел. позем. общ. въ Арх. губ., в. 2, 13.

49) П. Соколовскій. Очеркъ исторіи сел. общ. на сѣверѣ Россіи. 99, примѣчаніе.
50) Матеріалы Херсонск., I, 52.
51) Сб. Воронежской, I, 84.
52) К. Михайловъ. Общинный бытъ у крест. Забайкальской области. Р. М. 85. 12, 12—13.
53) Ib. 13.
54) Сб. Самарской, V, 26.
55) Ib. 32.
56) Сб. Московской, т. IV, в. 1, 81.
57) М. Харузинъ. Св. о казацкихъ общинахъ на Дону, 66.
58) Сб. Саратов., I, 53.
59) Сб. Таврической, т. I, в. 2, 89.
60) Сотрудникъ. 90 г., Сент. окт.
61) Сб. Воронеж., I, 82.
62) Сотрудникъ. 90 г. Сент., окт.
63) Сб. Воронежск., I, 72, 73.
64) Сб. Воронеж., т. II, в. 2, 118.
65) П. Соколовскій. Передѣлы пахотныхъ земель. Тр. Им. В. Эк. Общ. 86, 10, 156.
66) Сб. Тамбовской, III, 18.
67) Сб. Тамбовск., V, 9.
68) Сб. Орлов., в. 1, 41.
69) Сб. Таврич., т. I, ч. 2, 57, 128.
70) Матеріалы Нижегородск. Эк. часть. IV.
71) П. Ефименко. Сб. юрид. обычаевъ Арханг. губ. Тр. Арх. губ. ст. ком. за 67—68 гг., в. 3, 74.
72) Сб. Таврической, II. Приложенія къ таблицамъ 21—22.
73) М. Куроптевъ. О порядкѣ землевлад. крестьянъ Сарапульск. у. Вятск. г. Тр. Им. В. Эк. Общ., 78, 9, 91.
74) Тр. ком. по изслѣд. куст. пром. въ Россіи, IX, 2031.
75) Тр. Арх. губ. стат. комитета, 67—68, III, 77.
76) Сб. Воронежск., I, 66; т. II, в. 2, 112.
77) К. Михайловъ. op. cit., 20.
78) Сельск. поз. общ. въ Арх. губ., в. 3, 91.
79) Сб. Воронежской, т. II, в. 2, 112.
80) Личковъ. op. cit.
81) Сотрудникъ. 90, С. О. op. cit.
82) Сб. Курской, X, XXIII.

83) Сб. Воронежск., т. II, в. 2, 112.
84) Сб. Московск., т. IV, в. 1, 96.
85) Труды ком. по изслѣд. куст. пр. Харьковск. г., в. I, 13.
86) Сб. Воронежской, т. II, ч. 2, 108, 109.
87) Кн. А. Васильчиковъ. Землевл. и земледѣл. Изд. 2, 163.
88) Сб. Воронежск., т. II, в. 2, 124—125.
89) Сб. Московск., IV, 1, 73.
90) В. Трироговъ. Общ. и подать. 118.
91) П. Сергѣевъ. Съ Сѣвера. Д. 80, 4, 221.
92) П. П. Деревен. будни. О. З. 79, 8, 293.
93) Сб. Московск., IV, I, 270.
94) Сб. Орловск., III, 141.
95) Сб. Смоленск., т. I, в. 2, 44.
96) К. Кавелинъ. Крестьянскій вопросъ. Вѣстн. Евр. 81, 9, 10.
97) Сб. Московск.
98) Сб. Самарской, III, 35.
99) Юрид. Вѣстн., 86, 8, 681.
100) Зем. Ежег. Моск. губ. земства. 86 г. 130 прим.
101) Сб. по Московск., IV, I, 71.
102) В. Трироговъ. Община и подать. 89—90.
103) Сб. Таврическ., III, 34.
104) Сб. Таврическ., т. I, в. 2, 87.
105) Матеріалы Херсонской, II, 211, 212.
106) Ib.
107) Сб. Таврическ., т. I, в. 2, 87.
108) С. Капустинъ. Экон. и сел. хозяйств. обозрѣніе, II. Тр. Имп. В. Эк. Общ. 86 г. 9, 33.
109) А. Посниковъ. Общин. землевл., в. II, 7, слова г. Тихѣева.
110) В. Григорьевъ. Рус. Мысль. 85, 3, 10.
111) Ib., 18.
112) Сб. Курск., XII, XXIII.
113) Сб. Орловск., II, 128.
114) Кн. А. Васильчиковъ. op. cit., т. II, 131.
115) К. Кавелинъ. op. cit., 19.
116) Сочиненія К. Д. Кавелина, т. 4, 257 и Атеней 59, 2.
117) К. Кавелинъ. Кр. вопр., 19.
118) Сб. Московск., IV, I, 267.
119) Сб. матер. для изуч. сел. поз. общины, I, 202.
120) С. Ивановъ. Позем. собств. и общ. влад. Р. В. 58. авг., кн. 2.

121) Сб. Курской, X, XVII.
122) Вол. Вѣстн., 88, 64.
123) Сб. мат. для изуч. сел. поз. общ., I, 244.
124) Матер. Казанск., II, 43.
125) Сб. Нижегород., IV.
126) В. Панаевъ. Общин. землевлад. крест. вопросъ. 81 г. 35, 36, 100.
127) Кн. Васильчиковъ. Землевл. и земледѣліе.
128) Сб. Московск., IV; в. I, 154, 155, 164.
129) Сб. Тамбовск., IV, 15.
130) Ib., V, 10.
131) Ib., II, 42.
132) Ib., VIII, 9.
133) Ib., XI, 23.
134) Ib., VI, 11.
135) Ib., X, 25.
136) Ib., III, 13.
137) Матер. Казанск., V, 86—107.
138) Ib., IV, 36.
139) Ib., III, 38.
140) Сб. Воронеж., I, 76.
141) Ib., II, в. 2, 133.
142) Матер. Казанск., VI, 36.
143) Сб. Таврическ., т. I, вып. 2, 94.
144) Матеріалы Петербургск., I, 45.
145) Сб. Смоленск., I, в. II, 28.
146) П. Соколовскій. Op. cit. Тр. Им. В. Эк. Общ. 86, 10, 45.
147) Матер. для изуч. соврем. пол. землевл. и сельск.-хозяйствен. промышл. въ Россіи. 80 г., в. 1, 14.
148) Сб. Рязанск., I, 37—38.
149) Матер. Казанск., II, 42, 43.
150) Сб. Саратовск., I, 31.
151) Матер. Петербургск., III, 95.
152) Сб. Самарск., IV, 86, 22.
153) С. Капустинъ. Тр. Им. Вол. Экон. Общ., 86, 9, 109.
154) П. Соколовскій. Тр. Им. Вол. Экон. Общ., 86, 10, 160.
155) Сб. Орловск., в. 1, 31.
156) Тр. Им. Вол. Экон. Общ., 86, 9, 104: С. Капустинъ.
157) Матер. Черниговск., изд. 84 г., X, 38.
158) Рус. Вѣд. 87, 5.

159) Ib.
160) В. В. Очерки общ. землевл. въ Россіи. О. З. 82, 4.
161) I. Теръ-Массеянъ. О травосѣяніи и пр. Тр. Им. В. Эк. Общ 86, 10, 145.
162) А. Постниковъ, op. cit., 2, 81.
163) Труды Арх. губ. ст. ком. 67—68 гг., III, 75. П. Ефименко.
164) Сел. позем. общ. въ Арх. губ., в. 2, 13.
165) Сб. матер. для изуч. сел. поз. общ., I, 364.
166) В. Григорьевъ. Р. М. 85, 3, 11.
167) Сб. Полтавск., III. 5.
168) Матер. Черниговск., X, 34, 35.
169) К. Гаттенбергеръ. Общ. землевл. Сб. госуд. знаній, V, 112.
170) Матер. Херсонск., I, 47—48.
171) С. Капустинъ. Тр. Имп. В. Эк. Общ., 86, 4; Рус. Вѣд. 87, 195. Недѣля. 85, 36.
172) Теръ-Массеянъ. Op. cit. Тр. Имп. В. Эк. Общ., 85, 10, 138 и др. 145, 146, 147.
173) П. Соколовскій. О формахъ владѣнія усадебн. землею. Тр. Им. В. Эк. Общ. 86, 5, 50—51.
174) Сб. Перм. Земства. 81 г., кн. III, 196. Красноперовъ.
175) Г. Бычковъ. Опытъ подворн. изслѣд... въ 3 волостяхъ Новгор. у. стр. 61.
176) А. Исаевъ. Общ. и артель. Юрид. Вѣстн. 84, 1, 6, 7.
177) Новости. 87, 12.
178) Сб. Таврическ., II. Прилож. 43.
179) Иванюковъ. Полит. Экон. и пр. 86 г. 153, 154.
180) С. Ивановъ. Op. cit.
181) А. Бутовскій. Общ. влад. и собств. Рус. Вѣстн. 58, августъ. XVI. 34.
182) Д. Пееловъ. О личн. и общин. владѣніи землею. Рус. Вѣстн. 58, августъ, кн. I, 404—439.
183) Ѳ. Тернеръ. О рабочемъ классѣ и пр. 1861 г.
184) Ibidem.
185) Е. Масловъ. О вліяніи различныхъ видовъ позем. собств. на народное богатство. 60 г.
186) В. Герье и Б. Чичеринъ. Русскій диллетантизмъ и общинное владѣніе. 78 г.
187) Русск. Вѣстн. 58, сентябрь, кн. I, 186.
188) Соловьевъ. Вѣст. Евр. 88, 2.

189) П. Г. Чернышевскій; изъ его работъ.
190) От. Зап. 75 г., 6, 291—292. Внутр. Обозр.
191) А. Васильчиковъ, Землев. и зем., т. II, 174—175, изд. 2.
192) Сб. Московск., IV, 1, 307.
193) Сб. Тамбовск., IV, 61 и др.
194) Ib., VI, 39.
195) П. Георгіевскій. Очеркъ быта одной сел. общ. Сл. 79, 1, 116.
196) Н. Карѣевъ. Замѣтки о распаденіи общины на западѣ, 76, 4, 14.
197) А. Исаевъ. Общ. и артель. Юр. Вѣстн. 84, 1, 13.
198) Н. Русановъ. Общ. землевл. и платежи. Юр. Вѣст. 80, 7, 443.
199) Матер. Нижегородск., IV.
200) Сб. Орловск., I, 44.
201) Обществен. лѣса. Статистич. Листокъ, 82, ноябрь, 11.
202) Сб. Московск., IV, 1. 246.
203) Сб. Самарск., III, 40.
204) Сб. Тамбовск., III, 41.
205) Ib., 41.
206) Трироговъ, Общ. и подать, 286.
207) Сб. Саратовск., V, 53.
208) Сб. Тамбовск., II, 35.
209) Сб. Тамбовск., I, 29.
210) Сб. Самарск., V, 26.
211) Сб. Тамбовск., II, 35.
212) Сб. мат. для изуч. сел. поз. общ., 1, 168.
213) Сб. Тамбовск., X, 30.
214) Сб. Самарск., III, 40.
215) Сб. Тамбовск., VIII, 20.
216) Рус. Вѣд., 88, 109.
217) Вол. Вѣстн., 87, 275.
218) Рус. Вѣд. 85, 9; Вол. Вѣстн. 87, 172.
219) Сб. Воронежск., II, в. 2, 134.
220) Результаты подворной переписи Елизаветград. у., 86 г., IV.
221) Коренная нужда на сѣверѣ и принципъ государств. землевладѣнія. От. Зап. 79, 12.
222) П. Соколовскій. О формахъ и пр. Тр. Им. В. Эк. Общ., 86. 4. 336.
223) Ib., 336.
224) Ib., 337—8; Сб. Моск., IV, 1, 89.
225) Матер. по ст. пар. хоз. въ С.-Петерб., IV, 57.
226) Сб. Самарск., IV, 26—27.

227) Сб. Екатериносл., II, 105.
228) Сб. мат. для изуч. сел. пол. общины.
229) Земск. Ежегодн. 80 г., 330.
230) Мат. для изуч. совр. полож. землевл. и сельск.-хозяйств. пром. въ Россіи, I, 10.
231) Сб. Орловской, I, 49, 54.
232) Мат. Петербургск., I, 50.
233) Сб. Смоленск., I, в. 2, 31—32.
234) Сб. Екатеринославск., III, 158.
235) Сб. Орловск., III, 183.
236) Матер. Петербургск., I, 47.
237) Сб. Тамбовск., III, 59.
238) Сб. Рязанск., I, 4, 5.
239) Е. Якушкинъ. Обычное Право, в. 1, XIX.
240) Кн. А. Васильчиковъ. Землевл. и землед., т. 2, стр. 154—155, изд. 2.
241) Сб. Перм. Земства, III, 203.
242) Матер. Петербургск., V, 2, 128.
243) В. Г—ль. Поземел. собств. въ Перм. губ., 46 (изд. 86 г.).
244) А. Исаевъ. Въ Ярославск. губ. О. З. 82, 8, 181—2.
245) Н. М. Литературн. замѣтки. О. З. 72, 8, 396.
246) Сб. Московск., IV, 1, 279, 276—283.
247) Сб. Воронежск., I, 87.
248) Сб. Самарск., I, 25.
249) Сб. Саратовск., I, 61.
250) П. Соколовскій. Очеркъ исторіи сельск. общины, 105, 106 прим.
251) Сб. мат. для изуч. сельск. общ., I, 223.
252) Сб. Московск., IV, 1, 298, 299.
253) Сб. Самарск., V, 21.
254) Вол. Вѣстн., 88, 64.
255) К. Кавелинъ. Недѣля. 76. № 3—5, 144.
256) С. К—нъ. Формы землевл. у русск. народа, 23—24.
257) Сб. Самарск., I, 36.
258) Сб. Саратовск., I, 55—59.
259) Сб. Таврическ., II, 25 примѣч.
260) Зем. Ежегод. за 84 г. 403.
261) Изъ провинціальн. печати. Сѣв. Вѣстн. 88, 9.
262) Матер. Нижегород., IV, 50.
263) Е. Якушкинъ. О круговой порукѣ. Р. Вѣд. 86, 101.
264) Ib.

265) Ib.
266) С. Щепотьевъ. Круговая порука и пр. Сѣв. Вѣстн. 86, 7, 13.
267) П. Шелгуновъ. По поводу кругов. поруки. Р. М. 85, 12, 20—22.
268) Сб. Екатериносл., III, 113.
269) Сб. Таврическ., т. I, в. 2, 51.
270) Сб. Воронежск., II, в. 2, 117.
271) В. Пругавинъ. Сельск. зем. община. Юр. Вѣстн. 85, 5, 101—102.
272) Сб. Саратовск., I, 51, описаніе.
273) Н. Анисимовъ. Разложеніе нашей земельн. общины. В. Е. 85, 1. 132.
274) Сб. Рязанск., 1, 27.
275) Сб. Самарск., III, 29.
276) Сб. Тамбовск., VIII, 7.
277) Сб. Тамбовск., II, 20 примѣч.
278) Сб. Тамбовск., XII, 31.
279) В. Пругавинъ. Op. cit. Юр. Вѣстн. 85, 5, 93.
280) Сб. Таврич., I, 2, 189.
281) Сб. Тамбовск., X, 24.
282) Матер. Казанск., I, 31.
283) В. Пругавинъ. Къ вопросу о разрушеніи крестьянск. общины. Р. М. 84, 7, 14.
284) Каз. Бир. Листокъ 88, 49.
285) Вол. Вѣстн. 88, 276.
286) Матер. Петербургск., V, 2, 115.
287) Тамб. губ. Вѣдомости. Неоф. отдѣлъ 87 г., 120.
288) Сб. Тавр., I, в. 2; 54.
289) Сб. Курск., X, XIX.
290) Сб. Орловск., 1, 38.
291) Сб. Тамбовск., IX, 17.
292) В. В. Op. cit. От. Зап. 82, 4. 353.
293) Сб. Саратовск. 1, 44.
294) Мат. Вятской, IV, 62.
295) Сб. Екатериносл., III, 78.
296) Сб. Воронежск., I, 74.
297) Сб. Тамбовск. X, 21.
298) Ib., V, 12.
299) Ib., IV, 19.
300) Матер. Казанск., II, 37.
301) Ib. IV, 35.

302) Ib. VI, 36.
303) Сб. Смоленск., VI. 37.
304) Сб. Тамбовск., XII, 55—59.
305) В. В. 85, 51.
306) К. Ермолинскій. Выкупные платежи и крестьян. передѣлы мірск. земли. Слово. 81, 4, 52.
307) Сб. Тамбовск., X, 22.
308) Ржевскій у., Тверской губ., 83, 18, 19.
309) Сб. Саратовск., II, 25.
310) Ib. т. I, в. 1, 21.
311) Сб. Рязанск., I, 31.
312) Сб. Курск., I, 68.
313) Сб. Тамбовск. IV, 25.
314) В. Вѣсти. 85, 51.
315) Р. Вѣд. 86, 42.
316) Сб. Тамбовск., VI, 9.
317) Личн. наблюденіе.
318) Г. Созоновъ. Неотчуждаемость крестьянск. земель и пр., 30.
319) Сб. Самарск., I, 26.
320) Ib. V, 20.
321) Р. Вѣд. 86, 90.
322) Сб. Смоленск., IV, 63.
323) Сб. Тамбовск., III, 23.
324) Р. Вѣд. 87, 73.
325) А. Голубцевъ. Тр. Имп. В. Эк. Общ., 86, 4, 358.
326) В. Пругавинъ. Ю. В. 85, 5, 107.
327) Мат. Петербургск., V, ч. 2, 124.
328) Сб. Смоленск., IV, 46.
329) Ib.
330) Сб. Самарск., I, 23.
331) А. Голубцовъ. О выкупѣ по 165 ст. въ Шуйск. у. Тр. Имп. В. Эк. Общ., 84, 4, 361.
332) Сб. Смоленск., III, 47.
333) Сб. Екатериносл., II, 133—134.
334) Моск., IV, I, 294.
335) Сб. Смоленск., III, 47.
336) В. Судейкинъ. Досрочн. выкупъ крест. земель. Экон. Журн. 86, 7, 36.
337) Новости, 85, 339.

338) М. Ковалевскій. Общин. землевл. и пр.
339) Зем. Ежегодникъ. 80, 329.
340) Сб. Екатеринославск., III, 156—158.
341) Н. Шелгуновъ. Очерки русск. жизни, Р. М. 87, 2, 230.
342) Сб. Таврическ., II, 25.
343) Сб. Орловск., III, 157.
344) С. Марусинъ. Купля-продажа крест. земель. Сибирск. Сб. 87 г.
345) Зем. Ежегодн. 84, 402, 551.
346) Внутр. Обозр. Дѣло. 82, 3, 99—100.
347) Н. Шелгуновъ. По поводу кругов. пор. Р. М. 85, 12, 18.
348) Вост. Обозр. 85, 2.
349) Вост. Обозр. 86, 36.
350) Внутр. Обозр. Дѣло. 78, № 8. Примѣч. 124—125.
351) В. В. Op. cit. От. Зап. 82, 4, 352.
352) Недѣля, 89, 2.
353) Ржев. у., Тверск. губ., 83.
354) В. Распоповъ. Великол. у. въ экономич. отнош. Тр. Имп. В. Эк. Общ. 80, августъ. 506.
355) Вол. Вѣстн. 88, 64.
356) Сб. Саратовск., I, 1, 20.
357) Личн. наблюд.
358) Сб. Екатериносл., III, 93—94.
359) Сб. Казанск., I, 32.
360) Сб. Курск., I, 69.
361) Сб. Таврическ., II, 61.
362) Сел. поз. общ. въ Арх. губ., в. III, 5. 31.
363) Р. Вѣд., 87, 86.
364) Об. отдѣлъ Сѣв. Вѣстн. 86, 12, 131.
365) С. Чудновскій. Алт. позем. общ. Сѣв. Вѣстн. 88, 9, 117.
366) Недѣля. 85, 28, 1030—31.
367) Стат. поз. собств. и населен. мѣст. Евр. Россіи, III.
368) С. Южаковъ. Стат. закон. землевл. въ Россіи. Сѣв. Вѣстн. 86, 7, 185—6.
369) Н. Лучицкій. Слѣды общин. землевл. въ лѣвобережн. Укр. XVIII в. От. Зап. 82, 11, 92, 93.
370) Н. Баратынскій. Изъ губерніи. 33.
371) Сб. по хоз. стат. Полтавск. губ., V, стр. 1, 2, отдѣлъ 2.
372) Ib. 8, 9.
373) Ib. IV, 1—18.

374) Об. отдѣлъ Сѣв. Вѣстн., 85, 3, стр. 136; П. Лучицкій О. З. 82, 11, 92.
375) Ф. Щербина. Очер. южно-русск. артелей и общ. арт. форм. 296.
376) С. Южаковъ. Вопросы общин. быта. О. З. 83, 11, 105.
377) Извлеченіе изъ отчета, представл. министру финансовъ управляющ. крест. позем. банковъ по командировкѣ весною 84 года.
378) В. Пругавинъ. Прогрессъ въ земельн. общ. В. Евр. 86, 5, 387.
379) Крестьяне въ сѣверо-запад. краѣ Устои. 82, 1, 124.
380) А. Дембовецкій. Могилевск. губ., т. 2. 785—93.
381) С. Южаковъ. От. Зап. 83, 11, 105.
382) Сб. Таврическ. 1, 2, 5 примѣч. къ табл.; Сѣв. Вѣстн. 85, 4, 100.
383) В. Чаславскій. Вопросы русск. аграр. устр. О. З. 78, 8, 290.
384) Матер. Петербургск., II, 34.
385) Сб. Екатеринославск., I, 105.
386) П. Соколовскій. Очеркъ исторіи сел. общ. 103, 104.
387) Сб. Самарск., I, 33.
388) Рус. Вѣд., 86, 129.
389) Кейслеръ. Вѣстн. Евр., 87 г. 12.
390) Н. Красноперовъ. Самарскіе чуваши. Р. М. 84, 5, 49; П. Добротворскій. Р. М. 84, 9, 51.
391) Сообщено казанск. статистиками; В. В. 87, 226.
392) С. Пономаревъ. Сѣв. Вѣст. 88, 12.
393) Мат. Вятской, 79 стр.
394) Н. Бауэръ. Тр. Имп. В. Эк. Общ. 78, т. 2, в. 2, стр. 251.
395) Н. Н. Дерев. будни. О. З. 79, 8, 292, 293.
396) Сб. Московск., IV. I. 268.
397) Н. Н. Op. cit. О. З. 79, 4, 487.
398) П. Добротворскій. Саяны. В. Евр., 88, 9, 20.
399) Щербина. Очерки юж. русск. арт. 246.
400) Сѣв. Вѣст. 89, 1. ст. Лучицкаго.
401) С. п. общ. въ Арх. г. III, 74.
402) Сб. мат. для изуч. с. п. общины, I, 167.
403) Вазилевъ. По поводу измѣненія програмны. Тр. Имп. В. Эк. Общ. 78. т. I, в. 3, 238.
404) Сб. мат. для изуч. с. п. общ. I, 199.
405) Сб. Екатеринослав., I, 173—175.
406) Кіевлянинъ. 76, 115.
407) Ф. Щербина. Очерки и пр., 282.
408) Матер. Черниговск., X, стр. IX.

409) Ib., II, 11.
410) Сб. Екатеринославск., III, 131.
411) Сб. Полтавск., V, 63.
412) Ib., II, 101.
413) Ib., III, 65.
414) Ib., V, 63.
415) Ib., VI, 91.
416) Ib., III, 66.
417) Матер. Херсонск., III, 182, 183.
418) Сб. Воронежск., II, в. 2, 310.
419) Недѣля, 82, 11.
420) А. Д. Страда въ нынѣшнемъ году. О. З. 81, 10.
421) Р. Вѣд. 87, 120.
422) Л. Т—ій. Обществ. запашки въ Симбирск. губ. К. Б. Лист. 89, 98.
423) Трироговъ. Общ. и подать, 126.
424) Ф. Щербина. Малорус. обществ. запашки. Р. В. 86, 68.
425) Рус. Вѣд. 85, 107; 86, 94; Тр. Имп. В. Эк. Общ., 85, 10, 239.
426) Сб. Екатериносл., III, 120.
427) Ф. Щербина. Р. В. 86, 68.
428) Област. отдѣлъ. Сѣв. Вѣст. 85, 4, 106, 107.
429) М. Абрамовъ. Обязательн. и вольныя запашки, 86, 49, 105, 107.
430) К. Б. Л. 89, 98; Трироговъ. Общ. и подать. 124.
431) Р. В. 86, 41.
432) Р. В. 87, 346.
433) Прогр. для соб. свѣд. по общ. 42.
434) Р. Вѣд. 88, 109.
435) Р. М. 84, 4, 105.
436) Ib., 107.
437) Зем. Ежег. 79, 170.
438) Ib., 80 г., 77.
439) Ib., 77.
440) Ib., 79, 170.
441) Ib., 173.
442) Дѣло. 86. 5, 45.
443) Зем. Ежег. 80 г. 73.
444) Ib., 76.
445) Куликовскій. Арт. и мірск. запашки и пр. въ Обонежьѣ. Р. М. 90, 5, 32—34.
446) Сб. Екатер., III, 130.

II.

1) Статья А. Щапова. cit. изъ книги Соколовскаго: „Экономическій бытъ“ и пр., 113—114.
2) Л. Личковъ. Формы крест. и инородч. землевладѣнія.
3) Гагемейстеръ. Статистич. обозрѣніе Сибири, стр. 331—341.
4) А. Л—ошъ. От. Зап., 74, 2, 221.
5) С. Чудновскій. Алтайская земельная община. С. В. 88, 9, 113.
6) Л. Личковъ. op. cit.
7) Матеріалы Петербургской губ., II, 39.
8) А. Земельные порядки у сибирскихъ крестьянъ. Сотрудникъ. сент.—октябрь, 90 г.
9) С. Чудновскій. С. В. 88. 11.
10) А. Земельные порядки у сибирскихъ крестьянъ. Сотрудникъ. 90 г., сентябрь—октябрь.
11) Личное наблюденіе.
12) Сибирск. Вѣсти. 86. 31; С. Чудновскій. С. В. 88, 10.
13) Личковъ. op. cit., 144.
14) Матеріалы Херсонской губ., I, 45.
15) Сборникъ... Саратовск., 2, 13—14.
16) В. Пругавинъ. В. Евр. 86, 5, 383; Сб. ст. св. по Екатер. губ., III, 60, а также 53—64.
17) А. Сотрудникъ. Сент.—октябрь 90 г.
18) В. Пругавинъ. В. Евр. 86, 5, 386.
19) Ib. 387, также Тр. комм. по изслѣд. куст. пром. въ Россіи, IX. 2060.
20) Сб. Воронежск. губ., т. 2, в. II, 100—101.
21) А. Сотрудникъ, op. cit.

22) М. Харузинъ. Свѣд. о казацкихъ общинахъ на Дону, 17—18.
23) Сб. . . . . Таврической, т. I, в. 2, 47.
24) Ib., 48.
25) П. А. Соколовскій. Очеркъ исторіи и пр., 160.
26) Ib., 160.
27) Сел. поз. общ. въ Архангел. губ., 82 г., стр. 4.
28) Ib., 86 г., в. III, 50.
29) М. П. Куроптевъ. Слободскій у., Вятской губ., 46.
30) М. Харузинъ, op. cit., 10.
31) П. А. Соколовскій. Очеркъ исторіи и пр., 166.
32) Сообщеніе генералъ-адъютанта Крыжановскаго изъ книги проф. Постникова „Общ. землевл.“ в. 2, стр. 63—64.
33) Сб. . . . Самарск. губ., III, 105.
34) В. Чаславскій. Вопросы рус. аграр. устройства. О. З. 78, 8, 298.
35) Ф. Щербина. Земельная община кубанскихъ казаковъ. 89, 204, 205.
36) В. Трирроговъ. Наши общины. О. З. 80, 1, 24.
37) В. Чаславскій. О. З. 78, 8, 301.
38) В. Григорьевъ. Юр. Вѣстн. 85, 10, 330—331.
39) Сб. . . . Тамбовской губ., IV, 27.
40) Тр. ком. по изсл. кустар. пром. въ Россіи. IX, 2060.
41) Матеріалы . . . Петербургской, IV, 162.
42) Матеріалы . . . Черниговской, X, стр. 31.
43) Сб. . . . Воронежск. г. I, 56, 57, 60.
44) П. Петропавловскій. По Ишиму и Тоболу. Записки Западно-Сибирскаго отдѣла Импер. Рус. Географ. общества. Кн. VIII, в. 1, стр. 24—28.
45) Памятная книжка Томской губ. за 84 г. 11.
46) Ib., 15.
47) Личное наблюденіе.
48) М. Харузинъ, op. cit., 62, 63.
49) Михайловъ. Общинный бытъ и пр., стр. 16.
50) Ibidem.
51) Гагемейстеръ, op. cit., 349.
52) Л. Личковъ. Формы крест. инород. землевладѣнія. 90 г., 113.
53) С. Чудновскій. Енисейская губернія.
54) Щербина. Очерки южно-русск. артелей. 302.
55) Ib., 298—301.
56) Тр. ком. по изслѣд. куст. пром. въ Россіи, в. XII, 837.

57) Программа для собир. свѣд. о сел. хоз. общ., изд. 2, стр. 42—43.
58) А. Приклонскій. Народ. жизнь на сѣверѣ, 49.
59) Сѣв. Вѣст. 88, 11, 155. Ст. С. Пономарева.
60) Я. Абрамовъ. Секта шалопутовъ. О. З. 82. 10, 175—176.
61) Я. Абрамовъ. Къ вопросу о вѣротерпимости. О. З. 82, 1. 37.
62) С. Пономаревъ. Артельщина и дружества. С. В. 88 г. 10, 57 стр.
63) А. Щаповъ. Умств. направл. рус. раскола. Д. 67, 10, стр. 326—327.
64) Къ вопросу о вѣротерпимости. Я. Абрамовъ. О. З. 82, 39.
65) Н. Красноперовъ. Антошкина община. О. З. 82. 6. 220—228.
66) Русская Бесѣда. 58 г. III, кн. 2, ст. М. Милевичъ.
67) Дѣло. 78 г., № 11, 198; Дѣло. Народно-юридическіе обычаи, № 9 (69 или 70 г.).
68) С. Пономаревъ op. cit. С. В. 88, 10, 55; Ф. Щербина. Договорныя семьи. С. В. 88, 9.
69) Сѣв. Вѣст. 88. 11, 153. С. Пономаревъ. Op. cit.
70) Я. Абрамовъ. Къ вопросу о вѣротерпимости. О. Зап. 82, 1, 37.
71) С. А. Егіазаровъ. Сводъ матер. по изуч. быта государ. крестьянъ Закавказск. края, т. III, ч. 2, стр. 11, 16.
72) Вологодскій сборникъ, ст. Ф. Щ., изд. 79 г., т. I, стр. 17; С. К—нъ. Формы землевл. у русск. народа, 71.
73) А. Половцовъ. Къ вопросу о сельск. общинѣ. Тр. И. В. Эк. Общ., 78. Апрѣль, 472; Сб. по Орловск. г., 1, 43; Н. Добротворскій. Поземельн. собств. въ Орловск. у., Вятск. губ. Р. М., 84, 9, стр. 36—37; Мат. Петербургск. г., IV, 62; Гр. Потанинъ. Никольскій уѣздъ и его жители. Древняя и Новая Россія, 76, № 10, 153; Сб; Екатеринославск. г., III. 101; Сб. . . . Тамбов. г., XI, 24; Сб. Смолен., I, в. 2, 45; А. Посниковъ. Общинное землевладѣніе, в. 2, 61. А. Ефименко. Сб. матер. объ артеляхъ въ Россіи, в. 2, 154; Статист. очерки, изд. Псковскаго стат. комитета. 83 г. О сельск. позем. общинѣ, в. 2, 4, 5; Сб. Тамбов., IV, 40; Сб. Московск., IV, 1, 73; Сб. Полтав., III, 86; Сб. Полтав., VI, 10, 12; Сб. Воронеж., 1, 67; Сб. Орловск., 2, 54, примѣч. Сб. Орлов., III, 86; Мат. Казанск., II, 34; III, 36; Вол. Вѣст., 88, 64; С. Пономаревъ. Сѣв. Вѣст., 88, 11; Сб. мат. для изуч. с. поз. общ., т. I, 124; Сб. Курск., X, XXII; Сб. Воронеж., I, 67; Сб. Самарск., V, 32; Мат. Вятск., III, 67.
74) Сб. Тамбовской, т. II, 33; IV, 40; X, 27; VI, 33; IX, 21 III; Сб. Самарск., III, 39; 1, 30; Сб. Таврическ., III, 12; Сб. Московск., IV. I,

73; Сб. Саратовск., V, 49, Сб. Курск., XII, стр. XXXIII; М. Харузинъ. Op. cit., 50; Мат. Казанск. г., II, 34; III, 36; Сб. Курск. X. XXII; Сел. поз. общ. въ Арх. губ., 2, 4; С. Пономаревъ. С. В., 88, 11. 156—157; Сб. мат. для изуч. сел. поз. общ., I, 123, 350; Сб. Воронежск., I, 67; II, 2, 114; Михайловъ. Р. М., 85, 12; Личныя наблюденія.

75) Н. Златовратскій. Красный Кустъ. О. Зап., 81, 1.

76) Матер. Петербург., II, 31, 39; Сб. Московск., IV. I, 99; Сб. Курск., XII, XXXIII; Сб. Екатериносл., II, 109; Сб. Тамбовск., II, 35; X, 31; Сб. Воронеж., I, 62—63; II, 2, 108; Сб. Орловск., 2; Сб. мат. для изуч. сел. поз. общ., I, 124, 162, 340. С. Пономаревъ. Сѣв. Вѣст., 88 г., 11, 156.

77) А. Л—шъ. Сельск. община въ Олонец. г. О. З. 74. 2, 234—235; Сел. поз. общ. въ Арханг. губ., I, 34; Сб. Московск., IV. I. 263—265; Е. Якушкинъ. Обычное право, I, XVII; С. Приклонскій. Народная жизнь на сѣверѣ 48—49; С. Пономаревъ. Сѣв. Вѣст., 88, 11, 159; Недѣля. 85, № 36, 1252; Н. Бауэръ. Тр. Имп. Вол. Эк. Общ. 78 г., т. 2, в. 2, 252.

78) Лучковъ. Формы и пр., 143.

79) Гагемейстеръ. Стат. обоз. Сибири. 364, 365; Щербина. Сольвычегодская земельная община. О. З. 79, 8. 183.

79) Куликовскій. Арт. и мірск. запашки, сѣнокосы и зданія въ Обонежьѣ. Р. М. 90. 5, 29, 30, 31.

80) Михайловъ. Р. М. 85, 12, 19, 21; личныя наблюденія.

81) Сб. Таврическ., II, 41; Сѣв. Вѣст. 85, 3. 136, об. отд.

82) Сѣв. Вѣст., 88, 11, 159.

83) Мат. по Вятской, III, 84.

84) Мат. по Вятской, ч. III, 55.

85) Сб. Самарской, 1, 21.

86) Сѣв. Вѣстн., 88, 11, 160.

87) М. Харузинъ. Op. cit., 274.

88) Л. Что считаетъ правомъ нашъ народъ. Рус. Богатство. 8. 265.

89) А. Исаевъ. Гдѣ лежитъ главная причина хозяйственныхъ кризисовъ. В. Е., 88, 11.

90) Сб. Госуд. знаній, т. III, 77 г., стр. 111, ст. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

91) См., напр., Рус. Богатство. 80 г., 1, стр. 15.

92) Недѣля, 76. 2, 61.

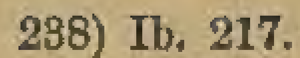
93) Пермскій сборникъ, 81, III, 200; С. Щепотьевъ. Законодательство и старин. формы землевлад. на сѣверѣ. Сѣв Вѣст. 86. 2, 63—64.

94) Ibid., 84.
95) С. Щепотьевъ. Къ исторіи разрушенія сложныхъ формъ. Общ. землевл. на сѣверѣ, стр. 3.
96) Сб. Московск., IV, 1. 251.
97) Матер. Петерб., II, 39.
98) Сб. Таврическ., II, 39—45, примѣч. къ таблицамъ.
99) Мат. Казанск., III, 34.
100) Труды Арх. стат. комит. III, 67—68 г. П. Ефименко. стр. 75.
101) М. Харузинъ. Op. cit., 8.
102) Матер. Казанск., III, 34.
103) Гр. Потанинъ. Никольскій у. и его жители. Древ. и Нов. Россія, 76, 10, 150.
104) Сб. Воронеж., т. II, в. 2, 109—110.
105) Сб. Орловск., II.
106) П. Добротворскій. Позем. община въ Орловск. у. Вятской губ. Р. М. 84. 9, 31—32.
107) Личковъ. Формы и пр., 116, 117, 118, 123.
108) Сб. Москов. IV, 1, 254.
109) Сб. Саратов., V.
110) Сб. Саратов., I, 56.
111) Мат. Казанск., I, 30.
112) Мат. Казанск., II, 32—33.
113) Личковъ. Формы и пр., 21.
114) Мат. Казанск., V, 19.
115) Мат. Казанск., IV, 26.
116) Ib., IV, 30.
117) Мат. Казанск., III, 35.
118) Сб. Воронеж., т. II, в. 2, 101.
119) Мат. Казанск., VI, 32.
120) С. Харизоменовъ. Пром. Владимірск. губ., V, 35.
121) Соколовскій. Эконом. бытъ, 115.
122) Гагемейстеръ. Стат. обозр. Сибири, 341, 318.
123) Матер. Вятской, IV, 82.
124) Сб. Орловск., III, 3.
125) Мат. Казанск., II, 34.
126) А. Л—шъ. Op. cit. От. Зап., 74. 2. 225.
127) Е. Якушкинъ. Обычное право. XVII.
128) С. Щепотьевъ. Къ исторіи разрушенія и пр., стр. 2.
129) С. Щепотьевъ. Законодательство и пр. С. В., 86. 2. 83

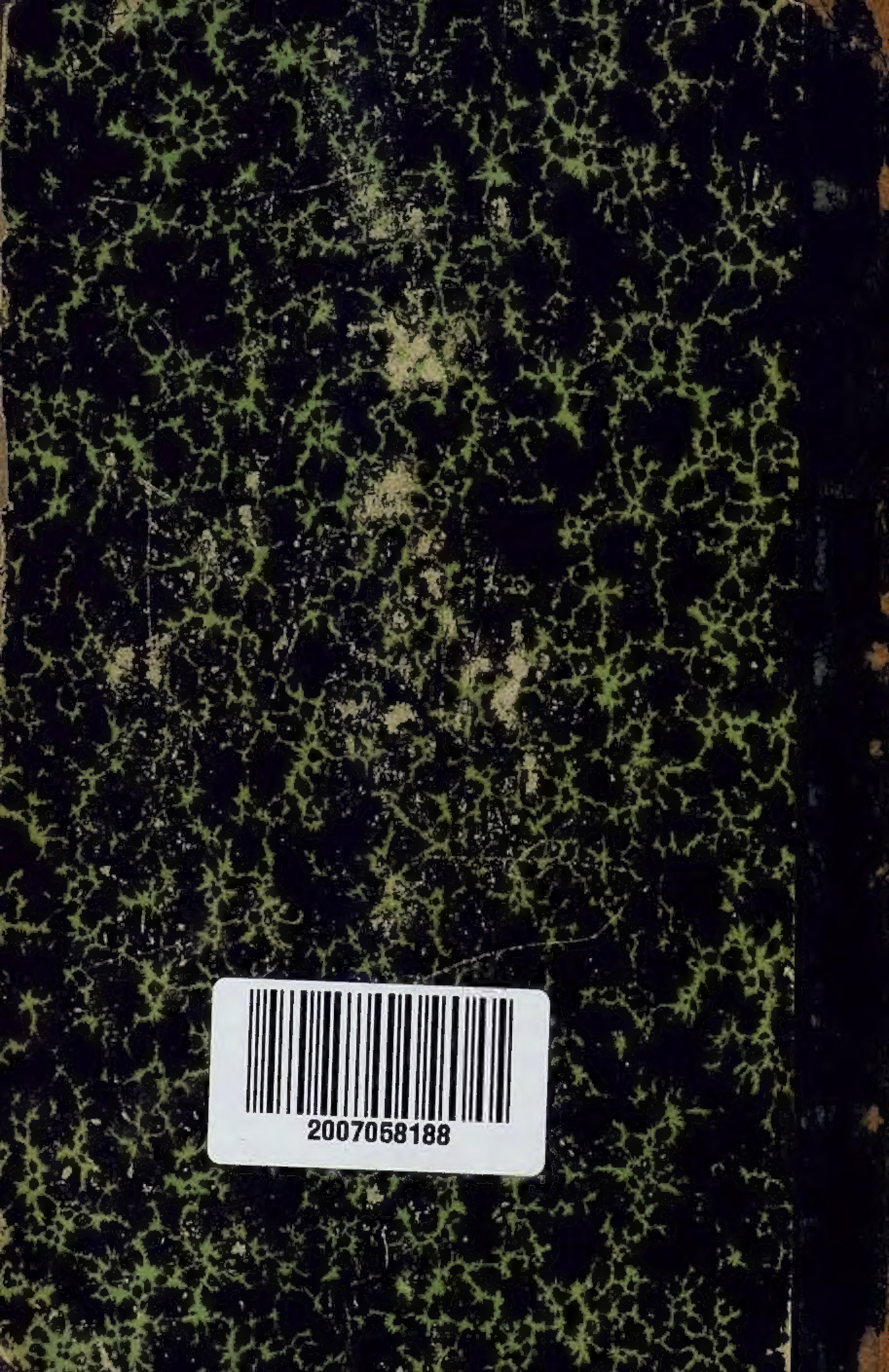
130) Сѣв. Вѣст., 86. 7. 97, 99. Об. отдѣлъ.
131) Тр. Ком. по изсл. куст. пром. въ Россіи, VIII, 1279.
132) П. Соколовскій. Очеркъ исторіи и пр., 160.
133) Крайняя нужда на сѣверѣ и пр., 79, 6, 445.
134) Матер. Петербург., II, 40.
135) В. Трироговъ.
136) Сб. Москов., IV. I. 258—259.
137) Матер. Петербургск., II, 39.
138) Сб. Тамбовск., III, 7.
139) Мат. Казанск., II, 45; V, 19.
140) Сб. Воронеж., т. II, в. 2, 101.
141) Сб. Воронеж., 1, 54.
142) Сб. Тамбов., III, 7.
143) Мат. Казанск., III, 33.
144) Сб. Воронеж., II, в. 2, 101.
145) Сб. Орловск., II.
146) Сб. Орловск., III.
147) Сб. Тамбовск., XII, 11.
148) Ржевск. у. Тверской г., 20.
149) Сб. по Самарск., 1, 25.
150) Е. Якушкинъ. Об. право. XVIII.
151) Рус. Вѣд. 87, 169.
152) Ibidem.
153) Е. Якушкинъ. XVIII.
154) И. Рева. Город. община. Юр. Вѣст. 84, 9, 80.
155) Ib., 81, 82, 83.
156) Я. Абрамовъ. Мѣщане и городъ. О. З. 83, № 3, 3—4.
157) И. П. Боголѣповъ. Промышленность уѣздныхъ городовъ и посадовъ Московской губ. Сб. Стат. свѣд. по Московск. губ., т. VII, в. III, 16, 17, 18.
158) Д. Дриль. Городское землевладѣніе. Рус. Кур. 80, 158.
159) Сб. Саратовск., ч. I, в. I, 16—18.
160) Гр. Потанинъ. Op. cit. Древ. и Нов. Россія, 76, 10, 146, 147.
161) И. Рева. Юр. Вѣст. 84, 9, 70—71.
162) Я. Абрамовъ. От. Зап. 83, 3, 20.
163) Р. Вѣд. 87, 128.
164) Сб. Курск. г., в. I, 54.
165) Ib., 55.
166) Сб. Курск., X, XVIII.

167) Сб. Курск., в. I, стр. 50, 51, 52.
168) Сб. Орловск., I, 53.
169) Сб. Курск., X, XVIII.
170) Сб. Орловск., в. I, 53.
171) Сб. Тамбовск., II, 48.
172) С. Капустинъ. Тр. Имп. В. Эк. Общ. 86, 9, 97.
173) Сб. Воронежск., I, 87.
174) Сб. Орловск., II.
175) Сб. Орловск., I, 54.
176) Сб. Курск., I, 61.
177) Ibid., 62, 63.
178) Сб. Тамбовск., II, 47.
179) Сб. Курск., XII. XVIII.
180) Сб. Орловск., II.
181) Д. Внутренняя хроника. О. З. 71. 2, 251.
182) А. Клаусъ. Наши недоумѣнія. О. З. 71, 5, 144, 145.
183) Ib.
184) Вѣстникъ фин., пром. и торг. 86 г. № 2, 79—80.
185) Матер. Петербургск. губ., в. V, ч. 2, 105.
185) 2) Сб. Таврич., III, 33—35.
186) Я. Лудмеръ. Лѣсные охотники на крайнемъ сѣверѣ. С. В. 85. 4, 66—67.
187) Недѣля, 82, 40.
188) Сб. матер. объ артеляхъ въ Россіи 74, в. 2, 142, 143, 146.
189) С. Щепотьевъ. Къ исторіи разрушенія и пр., 3—4.
190) Сб. Пермскаго земства, III, 199, 206.
191) Сб. Екатеринослав., II, 110.
192) Мат. по ст. Вятск. губ., III, ч. 2, 126.
193) М. Харузинъ. Op. cit., 68.
194) Сб. Воронеж., т. 2, в. 2, 105.
195) Сб. Тамбов., 11, 99.
196) Сб. мат. объ арт. въ Россіи, в. 2. 69, 67, 68, 45, 46, 73, 66, Сельск. позем. общ. въ Арханг. губ. 82 г., 6.
197) И. Красноперовъ. Молоканская община и пр. Эк. Жур. 86, 1, 59. Сб. Самарской, III, 36.
198) Сб. Самарск., III, 36.
199) Н. Добротворскій. Р. М. 84, 9, 31.
200) М. Куроптевъ. Слободскій у., Вятск. г. 83.
201) Сб. Пермск. земства. III, 199.

202) Сб. Воронеж., I, 57.
203) Тр. ком. по изсл. куст. пром., XIV, 13, 14.
204) М. Харузинъ. Св. о каз. об. по Дону, 63.
205) Земельная община кубанскихъ казаковъ, 89 г. 185, 187, 188.
206) К. Михайловъ. Р. М. 85, 12, 22.
207) Памятная книжка Иркутской губ. 81, 159.
208) Н. Зиберъ. Очерки первобытной эконом. культуры, изд. 83. 13.
209) Сб. Таврич., III, 27—28.
210) Р. Вѣд. 85, 48; 87, 205.
211) Н. Зиберъ. Op. cit. 63.
212) Личковъ. Op. cit. 129, 143.
213) В. Чаславскій. Вопросы русск. аграрнаго устройства. О. З. 78, 8, 294.
214) Сб. стат. свѣд. о Ставропольск. губ., в. 2, 187.
215) Сб. Самар. III. 19.
216) В. Г—ль. Поземельная собственность въ Пермскомъ краѣ. 86 г., стр. 46.
217) Сб. Самарской, IV, 20.
218) Сб. Таврической, III, 19.
219) Н. Зиберъ. Op. cit. 14.
220) Ib., 246.
221) Сб. мат. объ артеляхъ, в. 2, 66.
222) Н. Добротворскій. Р. М. 84. 9, 57—59.
223) Вологодскій Сборникъ, ст. Н. Волкова, I, 8.
224) Личковъ. Op. cit.
225) П. Соколовскій. Экон. бытъ и пр., 95.
226) С. Шашковъ. Прошедшее сельск. общины. Дѣло. 78, 9. 139.
227) Вост. Обозр. 86, 44.
228) Сб. обычнаго права сибирск. инородцевъ изд. Д. Самоквасова. 76 г., стр. 79.
229) Ib., 81.
230) Ib., 81.
231) Ib., 132.
232) Ib., 192.
233) Н. Зиберъ. Op. cit. 246.
234) Гагемейстеръ. Op. cit. 357.
235) Сб. юрид. об. сибирск. инород., 213.
236) Ib., 214.
237) Ib., 215.

238) Ib. 217.
239) Восточное Обозрѣніе. 86, 47.
240) Ib.
241) Н. Зиберъ. Op. cit. 40.
242) П. Соколовскій. Экон. бытъ 87; С. Шашковъ. Op. cit. 132; Н. Зиберъ. Op. cit. 245—246.
243) Вост. Обозр. 86. № 36.
244) Матер. для изуч. юрид. обычаевъ киргизовъ, в. I, 1886 г. 38.
245) Ib., 39.
246) Обзоръ Семипал. области за 86 годъ, стр. 3.
247) Р. Вѣд. 87. 205.
248) П. Соколовскій. Op. cit. 85.
249) Гагемейстеръ, ч. 2, 209.
250) Ib., 264.
251) Ib., 262, 263.
252) С. Чудновскій. Енисейская губернія 85 г., стр. 94.
253) П. Соколовскій. Экон. бытъ и пр., 88.

2007058188